

В.Л. Семенов

Сказки и предания Кунгурских гор

Пермь 2004

В.Л. Семенов

Сказки и предания Кунгурских гор

Пермь 2004

УДК 72
ББК 85. 113 (2)
С 28

Семенов В.Л. Сказки и предания Кунгурских гор. –
Пермь, изд. Богатырев П.Г., - 2004. - 151 С.

Научный редактор М.Г. Сулов

Рецензенты:

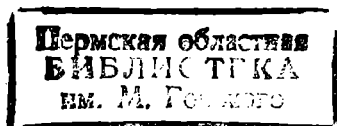
доктор социологических наук,
профессор А.Г. Антипов;
кандидат исторических наук А.В. Шилов

В монографии освещается генеалогия города Кунгура, его ранняя предистория, величественная фигура покорителя Сибирского царства Ермака, его стоянка на Ледяной горе, генезис идеологии восставших пугачевцев, осаждавших Кунгур в 1774 году, и другие предания.

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Пермского Государственного Педагогического Университета.

II 2058295

ИПБ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Более 350 лет тому назад начался процесс созидания города Кунгура, одного из крупнейших городов Пермского Края. Конечно, по древности своего происхождения он не может соперничать с Чердынью или Соликамском, по масштабам промышленного развития – с Березниками, однако культурное прошлое и настоящее этого города представляет такой неотразимый шарм, такое трудно выразимое словами очарование, его история так замечательна и своеобразна, что он заслуживает пристального внимания к изучению и раскрытию его прошлого, из которого вытекает настоящее и будущее, и которое учит нас тому, чтобы не повторять ошибки, которых у нас было очень много в нашем историческом прошлом.

Эти ошибки и эти ненужные жестокости, которые принес городу и России в целом суровый и ненастный XX век, заслуживают внимательного и тщательного исследования для того, чтобы выяснить, во-первых, как они стали возможными, а, во-вторых, что нужно предпринять для того, чтобы избежать самой возможности их повторения.

Революционные бури, различного рода перестройки и эксперименты, бушевавшие над страной наряду с поисками желаемого, но незнаемого счастливого будущего, крутили в своем социальном составе такую массу социальной мути, которая в лучшем случае могла быть и была только неработающим потребителем создаваемых обществом социокультурных ценностей, но ни в коем случае не созидателем качественно новых социально-экономических и культурных потребностей. И вот в этих, временах кошмарных условиях российской действительности, труженики города Кунгура в условиях, казалось бы, исключающих всякую возможность творчества, находили возможность именно для творческого самовыражения, находили для этого необходимые социальные ниши.

Любой турист, путешественник, пассажир транзитного пассажирского экспресса, идущего на восток нашей страны, в течение ряда десятилетий XX столетия во время остановки поезда на станции Кунгур обязательно сходил с него и подходил к многочисленным киоскам, в которых продавали изделия из мягкого камня, получившего широчайшую всемирную известность. Кунгурские матрешки покорили весь мир и обусловили

широкую известность городу не только в СССР, но и далеко за его пределами.

Откуда взялось это ремесло? Где его истоки? Когда и кто его основал на кунгурской земле? Такие вопросы естественно возникали и возникают, и ответ на них должен быть дан со всей основательностью, которой они заслуживают, несмотря на то, что в этом отношении исследователями и краеведами кое-что уже сделано. По нашему мнению, все-таки здесь остается ряд вопросов социального и художественного профиля, которые требуют более глубокой и основательной проработки. В этом отношении деятельность кунгурского завода керамических изделий дает благодатную почву и конкретный материал, позволяющий исследовать взаимосвязь прикладного художественного творчества, его вкусов и потребностей с социальными возможностями разных категорий населения современной России.

Не касаясь современной истории города Кунгура, его гигантов промышленной индустрии, таких как машиностроительный завод и кожевенно-обувной комбинат, которые имеют каждый свою интересную историю и играют разную роль в экономической жизни современного города, профессор В.Л. Семенов в рассматриваемой книге сосредоточил свое внимание на предыстории города и на его происхождении.

Поход Ермака Тимофеевича в Западную Сибирь, положивший начало ее включению в состав Российского государства, его зимовка на Ледяной горе в окрестностях современного Кунгура представляют интересную страницу предыстории города. Она насыщена таким драматизмом, такой жестокой борьбой, в ней принимали участие такие незаурядные исторические личности, что она обросла массой исторических легенд, сказаний и преданий, стала объектом внимания русского народного фольклора, художественной литературы и искусства. То, что дается в книге по данному вопросу, конечно, интересно, но далеко не исчерпывает те возможности, которые таятся в русском народном творчестве по данному вопросу.

Интересна и генеалогия города Кунгура на его старом месте – речке Кунгурке, трагическая судьба его в летние июльские дни 1662 года и перемещение города на новое, современное место.

Ранняя история Кунгура в XVII-XVIII веках – это история его роста в экономическом и культурном отношении. Если

экономический рост города был связан с сельским хозяйством, с возникновением и развитием кожевенного производства, то культурный рост был обусловлен в значительной степени тем, что он находился и занимал выгодное географическое положение, через него шли торговые пути на Восток в Сибирь. В разные периоды его истории это сказывалось положительно в том отношении, что через Кунгур проезжали на Восток ссыльные люди страны, его посещали они и по возвращении из ссылки, как, например, А.Н. Радищев. Выгодное географическое положение города приводило к тому, что развитию горно-металлургической промышленности этого района придавал большое значение начальник горных заводов Урала, знаменитый историк В.Н. Татишев.

Интересны страницы книги, посвященные исследованию генезиса идеологии восставших пугачевцев в период крестьянской войны в России 1773-1775 г. Отрицая научный характер идеологии восставших, профессор Семенов высказывает предположение о том, что восставшие в своем подавляющем большинстве не осознавали того, что они делали. Последнее приводило к тому, что они боролись не за новые формы общественных отношений, а за то, что уже в них было в России в прошлом, однако, в силу каких-то конкретных причин было утрачено, как, например, самоуправление яицких казаков, что и послужило поводом к их восстанию под руководством Пугачева.

Предлагаемая вниманию читателя книга тематически и содержательно делится на две части: первая из них относится к генеалогии города и к его ранней истории, вторая – представляет сказки и предания Кунгурских гор. Эта часть книги представляет вольное переложение тех преданий, которые в разных вариантах бытуют в народе, и которые слышал и записал автор. Их оценка, по нашему мнению, принадлежит будущему.

Очередная книга В.Л. Семенова представляет интересный компендиум знаний о прошлой истории города и в этом качестве рекомендуется нами вниманию заинтересованного читателя.

Кандидат исторических наук, доцент

А.В. Шилов.

СТОЯНКА ЕРМАКА ПОД КУНГУРОМ

Величественная фигура Ермака – покорителя Сибирского царства, с наибольшей художественной силой изображенная на скульптуре М. М. Антокольского, на вечные времена связана с Кунгуром. Именно здесь он должен был зазимовать перед походом в Сибирь, положившим начало ее покорению.

В своей монументальной летописи В.Н. Шишонко, ссылаясь на первоисточники, описывает, как Ермак, под угрозой разгрома его отряда царскими войсками, воспользовался приглашением братьев Строгановых и принял решение ехать на Урал, чтобы защищать их поселения от нападений соседних кочевых народов. «Ермак с товарищами, – писал В.Н. Шишонко, – прослезился от умиления». Мысль свергнуть с себя опалу и честными делами променять имя смелых грабителей на имя добрых воинов отечества тронула грубые, но не лишённые еще угрызений совести, сердца казаков».

«Друзья! – сказал Ермак, – к чему приступить? Мы убили посла персидского, нам, друзья, нельзя жить ни в Астрахани, ни на Волге – там и здесь нас сочтут разбойниками».

«В Казань идти – грозен царь стоит,
Грозен царь Иван Васильевич,
Пойдем ко владению Строганова,
Запасемся свинцом, порохом,
И отдадимся на волю Божию!»

Ермак с шайкою поднял знамя на берегу Волги, кликнул дружину, собрал 540 отважных бойцов и 28 июня 1579 года прибыл к Строгановым. Радость встречи была двухсторонней. 22 июля 1581 года казаки наголову разбили мурзу Бегулия, который с отрядом, состоявшим из 680 человек, – вогуличей и остяков, – грабил селения по Сылве и Чусовой. Этот успех был началом дальнейших успехов Ермака.

Источники об этих далеких теперь временах отличаются скудостью и противоречивостью. Среди них существенную роль играют археологические источники, представляющие собой памятники материальной культуры того времени. Профессор В.А. Оборин, руководитель Камской археологической экспедиции, рассказывает о том, что взаимоисключающих друг друга гипотез и версий о походе Ермака в Сибирь до сих пор неизмеримо больше, чем общепризнанных точек зрения. Пер-

вое, на что обращает внимание Владимир Антонович, это место и время, откуда начался поход Ермака в Сибирь. Данные точки отсчета позволяют высветить и определить, откуда и куда, в каком направлении начался этот поход. До недавнего времени для определения данных, характеризующих поход Ермака, был накоплен обширный летописный и фольклорный материал. Однако вплоть до последнего времени в этих источниках отсутствовали археологические данные. Их просто не было, — подчеркивает В.А. Оборин. Стоянки, дружины, городки, где начинался поход, — все это для науки существовало лишь в летописях, старых картах, легендах, народных песнях и былинах.¹

Одной из опорных ключевых проблем, имеющих решающее значение для определения других вопросов похода Ермака, является связь с местом, с которого он начал свой поход в Западную Сибирь. Начал ли он его с Чусовой, из южных вотчин Строгановых, или сначала казаки под руководством Ермака побывали на северных землях Строгановых, центром которых был Орел-городок. Согласно сибирской летописи С.У. Ремезова, Ермак с дружиной сначала пришел в Орел-городок, снарядил здесь свой отряд продовольствием и вооружением, взял проводников и только затем спустился на реку Чусовую.²

В качестве этого доказательства А.А. Дмитриевым приводилось свидетельство пермского историка В.В. Голубцова о том, что в конце XIX века во дворце Строгановых в Петербурге хранилась литая затинная пищаль с подписью славянской вязью: «В граде Кергедане на реке Каме дарю я Максим Яковлев сын Строганов атаману Ермаку лета 7090» (1582 год). Однако, когда советский исследователь А.А. Введенский решил изучить это первое вещественное доказательство, он не обнаружил этой пищали ни в доме-музее Строгановых, ни в Государственном артиллерийском музее. А.А. Введенский нашел несколько пищалей, привезенных из Пермских вотчин Строгановых, но ни на одной из них не было надписи. Однако историк не сомневался, что В.В. Голубцов действительно видел пищаль с надписью, так как название «Кергедан» — это второе нерусское название Орла-городка, которое было впервые упомянуто в царской грамоте Ивана Грозного 1566 года.³

Возникает вопрос: зачем М.Я. Строганов, который жил в Нижнем Чусовском городке, должен был сам поехать так далеко на север и вызвать туда Ермака ?

В то же время, судя по архивным данным, по количеству жилых дворов, соляных варниц, лавок, Орел-городок превосходил Нижний Чусовой городок, хотя данные относительно последнего брались В.А.Обориным из переписных книг И.И.Яхонтова, спустя 45 лет после соответствующих выписок, касающихся Орла-городка, следовательно, ими можно пользоваться с известной осторожностью.

Археологические раскопки на месте Орла-городка начались только в 1952 году. В.А. Оборин рассказывает, что по переписи 1579 года городок был защищен частоколом из бревен – «стоячим острогом». В этом остроге во время раскопок были обнаружены остатки деревянных укреплений: фундаменты деревянной церкви и трех больших срубов от «хором» Строгановых. При раскопках были обнаружены куски окопной слюды, красноглиняные печные изразцы, обломки медных сплавов от икон, принадлежавшие церкви и вотчинникам. С юга к острогу примыкал посад, который был защищен неглубоким и нешироким рвом. Между городком и посадом находилась торговая площадь, по краям которой стояли торговые лавки. Основным занятием жителей посада городка было солеварение, ремесла и торговля.

По свидетельству В.А. Оборина, археологи нашли на месте раскопок Орла-городка различные предметы вооружения, открыли остатки кузницы, около которой находилось большое скопление железных шлаков и криц. По предположению В.А. Оборина, здесь могло коваться оружие для дружины Ермака. Раскопки были полезными в том отношении, что они примирили враждующие стороны. В результате их стало ясно, что хорошо вооруженная дружина Ермака не могла получить столько военного снаряжения ни в Орле-городке, ни в Нижнем Чусовском городке. Оба этих русских форпоста принимали активное участие в подготовке похода Ермака в Сибирь.

В кунгурской летописи сообщается, что Ермак «обмишелся», перепутав Чусовую с Сылвой, и когда понял свою ошибку, то зазимовал на Сылве. Кунгурская летопись сообщает, что после зимовки на Сылве большая часть дружины Ермака ушла в Нижний Чусовской городок, а меньшая часть, состо-

явшая не из русских, а из коми-зырян, осталась жить здесь на Сылве, в деревне Ермаково.

Об этом свидетельствуют и другие данные. В деревне Веслянка поражает обилие распространения фамилии «Ермаков». Здесь ее носят десятки представителей, и это удивительно, поскольку в соседних деревнях такой фамилии вообще нет. О чем это говорит? Скорее всего о том, что воины Ермака оставались здесь или во время зимовки устанавливали связи с местным населением, и их дети получали такую фамилию, независимо от того, какую они носили до этого. А от них уже пошло потомство, имеющее фамилию Ермаковы. Что касается того вопроса, каким образом воин отряда Ермака мог оказаться в Веслянке, то это мог быть отставший от отряда казак, не желавший идти в поход, мог быть больной, отставший от отряда, а мог он входить в те малочисленные отряды, которые Ермак оставлял в своем тылу для обеспечения связи со Строгановыми и со своей исходной базой, с которой был начат поход.

В.А. Оборин писал о том, что на Чусовой и Сылве сохранилось много географических названий, которые связаны с Ермаком. Пермский историк А.А. Дмитриев перечислял около 30 таких названий, в том числе хутора Ермаковы на Сылве, камень Ермак, Ермаков перебор в речку Ермаковку в низовьях Чусовской. Согласно народным преданиям в этих местах Ермак воевал с легендарным народом *чудью*, который не пропускал русских людей в Сибирь.

Пермский географ Ю.Г. Вылежнев записал местное предание о том, что Побоишный луг недалеко от устья Чусовой назван в честь битвы Ермака с вогуличами.⁴ Краевед из Пашии В.В. Киреев обнаружил на притоке Чусовой – реке Усьве – другое урочище с тем же названием «Побоище», которое местные жители также связывают с битвой дружины Ермака. В этом урочище краевед нашел наконечник копья, который по форме отличался от местных изделий и был похож на русские боевые наконечники конца XVI века.⁵

Самые интересные сведения связаны с так называемым Ермаковым городищем. На правом берегу реки Сылвы, прямо над знаменитой Кунгурской ледяной пещерой, находится древнее укрепление, которое носит название Ермакова городища.⁶

Во время Великой Отечественной войны Кунгурский краеведческий музей находился в здании, расположенном около пещеры, и в нем хранились обрывок русской кольчуги и бердыш, найденные у входа в пещеру. Позднее эти вещи, по свидетельству В.А.Оборина, были утеряны.

В 1961 году при раскопках в деревне Филипповке, расположенной в километре выше по тому же берегу Сылвы, были исследованы остатки древнего русского могильника. Было обнаружено, что умершие были захоронены в гробах с оружием. Здесь были найдены железный наконечник копья, наконечник стрелы, обломок крупного ножа, аналогичный найденным в Орле-городке. Эти находки подтверждают сведения сибирских и кунгурской летописей о том, что часть дружины Ермака осталась жить на Сылве. Возможно, с разрешения Ермака, который проявлял определенную обеспокоенность о своих тылах накануне похода в Сибирь.

Остановка дружины Ермака на Сылве в Ермаковом городище была связана не столько с тем, что они заблудились, а с сознательными потребностями осмотреться, разведать оптимальные речные пути, ведущие в Западную Сибирь, отразить нападения местных и сибирских князей, нападающих на русские селения и на имения Строгановых. Надо было «отрабатывать» то снаряжение и те богатые подарки, которые они получили от них.

Поэтому, остановившись у Ледяной пещеры, дружина Ермака, поскольку была уже поздняя осень (ноябрь 1580 года), решила здесь зазимовать. На казачьем кругу Ермак выступил с заявлением о том, что нужно построить городище и обеспечить дружинников на период зимних холодов всем необходимым. Кроме того, он дал указание Ивану Кольцо разузнать через знающих людей речные пути, ведущие на Восток в Сибирь. Другие атаманы Никита Пан, Матвей Мещеряков были поставлены во главе обустройства городища, а Богдан Брезга должен был обеспечивать отношения с соседними кочевыми народами, защищать городище от возможных нападений пелымцев, башкир и иренских татар.

Личная роль Ермака в руководстве дружиной проявлялась в умении воздействовать на каждого дружинника и атамана. Его команды, отдаваемые громким, резким, четким голосом безоговорочно выполнялись на всех уровнях, начиная от рядо-

вого казака и заканчивая старшими в отряде. Команда Ермака «Стой!» у нынешнего Ермакова городища сыграла решающую роль в том, что дружина остановилась, большинство воинов сошло на берег и на казачьем кругу Ермак потребовал, во-первых, остановиться и организовать перезимовку именно здесь — на берегу Сылвы, а во-вторых, хорошо подготовиться весной к «рывку» на Восток.

Под неустанным наблюдением Ермака началось энергичное строительство городища. Он не только входил во все детали его обустройства, но и лично наблюдал и следил за жизнью дружинников на территории городища. Его строгий взгляд, который даже не все атаманы могли выдержать, проникал всюду. Он замечал, казалось бы, незначительные недоделки в строительстве городища. Заметив, что времени на строительство городища осталось слишком мало, Ермак приказал использовать те возможности с обеспечением жильем, которые имелись в соседней деревне Филипповке. Срочно были сооружены пристрои к деревенским избам, в которых были размещены ермаковцы. Слово атамана было весомым и обязательным для исполнения любым членом ермаковской дружины.

Для зимовки на реке Сылве Ермаком были построены казармы и землянки, огороженные заплотом. При всем несовершенстве данного рода сооружений они позволили дружине Ермака нормально провести зиму. Во всяком случае, в источниках не отмечается какая-то жертвенность или эпидемии, имевшие место в дружине Ермака в период зимовки на Сылве.

Зимовка отряда Ермака у Ледяной пещеры имела существенное значение для дальнейших судеб Ермака как личности руководителя и для организации им отряда для похода в Сибирь и для завоевания Сибирского ханства. Это выразилось в формировании и оттачивании им решения хозяйственно-бытовых вопросов жизни отряда в зимних условиях, а особенно в период подготовки к зиме. Все казаки дружины Ермака должны были быть так размещены, чтобы не испытывать неудобств, связанных с нахождением отряда на берегу Сылвы в зимних условиях. Полученная закалка, приобретенное умение, навыки в решении организационных вопросов пригодились Ермаку в Сибири в период многочисленных боев и переходов, связанных с завоеванием Сибирского ханства.

Дисциплина в отряде была необычайно строгая. Главный герой кунгурской повести – казачья дружина, жившая по суровым законам донского круга. Провинившихся сурово наказывали. Им насыпали песку за пазуху, сажали в мешок и бросали в воду. Такими жесткими мерами дисциплина в отряде Ермака укрепилась. Однако стоило это дорого. По свидетельству кунгурской летописи больше 20 человек с песком и камнем были в Сылве «угружены» (утоплены). Сурово наказывались в отряде «блуд и нечистота». Допустивших этот грех казаков, отмывши, три дня держали на цепи. Наказание весьма суровое и неприятное.

Вместе с тем, в летописях и фольклорном материале нет никаких указаний на антидемократизм Ермака, на то, что он попирает решения казачьего круга, что он терроризировал казаков, входивших в состав дружины и навязывал им свои решения, которые противоречили решению органов казачьего самоуправления. Весной 1581 года после окончания ледохода на Сылве Ермак приказал дружине «сняться с якоря» и отправиться в Нижнечусовские городки для того, чтобы запастись тем оружием и снаряжением, которое было заготовлено для ермаковской дружины в этих местах. Для защиты местного населения, о чем просил Ермака М.Я. Строганов, Ермак приказал оставить на Сылве часть отряда, преимущественно из примкнувших к нему зырян.

Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета, исследовавшая в 1974-1975 годах Нижнечусовской городок, нашла здесь любопытные свидетельства, имеющие непосредственное значение к событиям 1581 года. До сих пор выше мыса городка по Чусовой существует урочище Ванево, или Ванев луг, которое упоминается в переписи 1624 года. В окрестных деревнях встречаются фамилии Ермаковы, Кучумовы, Шадрины и др.

Полная перепись Нижне-Чусовского городка не сохранилась. Зато в более поздней царской грамоте, данной Строгановым в 1692 году, говорится о том, что сначала городок, как и Орел, имел укрепления в виде острога, которые были заменены в XVII веке.

В 1977 году В.А. Обориным были начаты планомерные раскопки Нижнечусовского городка. В центральной части мыса археологи нашли фундаменты двух каменных церквей XVIII

века, поставленных на месте деревянных, существовавших здесь в XVI-XVII веках.⁷ В береговых отложениях Чусовой обнаружено много красноглиняных изразцов конца XVI века, очень похожих по форме, размерам, сюжетам изображений на те, что были найдены В.А. Обориным в Орле-городке. Здесь же археологи нашли обломки слюды, московской чернолощеной посуды. Ученый высказывает в связи с этим предположение о том, что, вероятно, где-то в этом месте находились хоромы Строгановых, а церкви и дворы вотчинников размещались в кремле городка.

В раскопках были открыты разные виды оружия и военного снаряжения того времени. Это костяные и железные наконечники стрел, обломки пищалей, чугунные ядра и свинцовые пули, обломки сабель, наконечники копий.⁷ Наряду с этим было найдено много сельскохозяйственных орудий и предметов быта и домашнего обихода: различного рода мотыги, серпы, части кожаной обуви, различные украшения и т.п. Орудия труда и украшения дают представления о том уровне развития производительных сил, которые были характерны для времени похода Ермака в Сибирь.

Отдохнув на Ермаковом стойбище на Сылве, его дружина весной следующего года в ряде боев с кочевниками защитила некоторые населенные пункты от захвата их степными номадами. Однако в полной мере этого сделать Ермаку не удалось.

Пелымский князь воспользовался случаем, когда военные силы Строгановых, оставленные Ермаком, были отправлены в Сибирь, напал на ряд российских городов, в том числе Чердынь, Соликамск, Орел-городок и другие. Некоторые из них взял, в других пострадали от пожаров их окраины.

В июле 1581 года на русские поселения по Чусовой «украдом» напал подвластный Кучуму вогульский мурза Бекбелей Аттаков с отрядом, насчитывающим 700 человек. Он пожег много русских деревень, взял большое количество пленных. Но казаки разбили его и взяли в плен. «Этот набег был предпринят, — писал В.В. Мухин, — с целью сорвать или, по крайней мере, задержать поход Ермака в Сибирь. Борьба с многочисленными отрядами кочевых народов, нападавших на русские поселения, отняла у Ермака, по свидетельству ремезовской летописи, два года».

Весь остаток лета 1581 года Ермак провел в деятельных хлопотах по подготовке похода в Западную Сибирь для завоевания Сибирского ханства. Строились лодки, выбиралось и приводилось в порядок оружие, которое Строгановы давали казакам, заготавливались съестные припасы, подбирались люди, которых Строгановы давали в помощь казакам.⁸ При выборе пути похода в Сибирь Ермак показал себя широко мыслящим стратегом. У него созрело решение идти в Сибирь не старым путем – по Вишере и Лозьеве, а новым, почти неизвестным, но более коротким – по Чусовой и Тагилу, которым до сих пор пользовались только татары и манси. Ермаку нужно было взять с собой большой хлебный запас, а Строгановы не могли этого сделать из урожая старого года. Поэтому Ермаку пришлось ждать нового урожая. Видимо, этим объясняется позднее время похода – не весной, как обычно, а осенью 1581 года.

На каждого воина ермаковской дружины Строгановы выдали, как свидетельствует ремезовская летопись, по три фунта пороха и свинца, по три пуда ржаной муки, по пуду сухарей, по два пуда круп и толокна, по пуду соли и по половине соленой свиной туши на двоих воинов отряда, одежду, оружие получил каждый. Отряд Ермака получил 3 пушки и на каждые сто человек по знамени.

Стоимость снаряжения, предоставленного Строгановыми Ермаку, выразилась в огромной по тем временам сумме в двадцать тысяч рублей.

В.В. Мухин высказывает предположение, что эта помощь была оказана Ермаку небезвозмездно.⁹ Владислав Владимирович высказывает мысль о том, что казаки дали Строгановым обязательство расплатиться с ними военной добычей. Это формальная сторона дела. Фактическая же заключалась в том, что Строгановы понимали, что, во-первых, они благодаря завоеванию Сибирского Царства получают новые земли, а в том, что это будет именно так в результате похода Ермака, они не сомневались. Они верили в его военный гений и удачу, а, во-вторых, и это также имело существенное значение: разгром Сибирского ханства означал прекращение воинских набегов войск сибирских кочевых народов на имения Строгановых, их разорение, пленение массы работных людей, разрушение солевых варниц, городков и т.п., а это означало спокойное освоение природных ресурсов и Урала и Зауралья.

Заинтересованные в успехе похода Ермака Строгановы прибавили к его отряду еще и своих людей, по разным сведениям от 150 до 300 человек. Следовательно, отряд Ермака в начале своего похода на Восток насчитывал 700-900 человек. Он был разделен на сотни во главе с есаулами и сотниками, кроме того, полусотни и десятки возглавлялись выборными пятидесятниками и десятниками. В отряде были три попа, писаря, трубачи, барабанщики и другие лица по обслуживанию отряда и для выполнения различных организационных процедур.

Ермак понимал важность единства действий всех воинов отряда. Поэтому он ввел очень строгую дисциплину. За незначительные проступки виновных пороли плетями, изменников и дезертиров карали смертью.¹⁰ Сажали в мешок с песком и топили в воде. Такая жестокая дисциплина соблюдалась на протяжении всего похода в Западную Сибирь, и она обеспечивала хорошую боеспособность отряда.

Поход начался 1 сентября у деревянных стен Нижнечусовского городка. Большие лодки-струи качались на Чусовой. На тонких мачтах развевались многочисленные флажки, знаки отличия есаулов и сотников, которые возглавляли экипажи стругов. После пушечного залпа струги отчалили от берега, и весь караван двинулся вверх по Чусовой. Сибирский поход Ермака начался в сложных и трудных условиях. Вскоре после ухода Ермака в Прикамье вторгся пелымский князь Кихек. Он подверг оставшиеся беззащитные прикамские земли «невиданному» до сих пор разорению.¹¹ Пройдя северным путем по Лозье и Вишере, Кихек пытался взять Чердынь, после неудачи взятия города он направился к Соликамску, город был захвачен, затем разграблен и предан огню. Один из отрядов Кихека зашел в тыл Ермаку и отрезал его от русских поселений и острогов. Направляясь к Нижнечусовским городкам, Кихек разграбил и сжег множество русских населенных пунктов. Взять сылвенский и чусовской городки Кихеку не удалось. После этого он направился по следам Ермака. В это время отряд Ермака шел на Восток. Казаки доплыли до нынешней станции Кын и здесь, в устье речки Ермаковки, у скалы, которая позднее получила название Ермаков-камень, сделали первую остановку. После этого главные силы отряда Ермака поднялись до устья реки Серебрянки, а разведывательный отряд прошел еще выше, по

некоторым сведениям, до Межевой утки. Подъем по Серебрянке был очень труден. Большие струги пришлось сразу бросить. Однако и маленькие струги проходили с большим трудом.

В.В. Мухин рассказывает о том, что казаки ставили в воде столбы и, натянув между ними сшитые паруса, запруживали реку. Только таким способом удавалось проводить суда на несколько десятков саженой вперед.¹² Люди натирали себе кровавые мозоли на руках, мерзли и мокли в холодной воде, среди них поднялся ропот. Однако, несмотря на это, Ермак торопил отряд: нужно быстро идти вперед, достичь до водораздела рек Серебрянки и левого притока Кокуя. И здесь на высоком мысу отряд построил укрепление, которое получило название по имени речки притока Серебрянки – Кокуй-города. Укрепление состояло из землянок, обнесенных земляным валом и тыном. По форме и по использованным материалам оно напоминало стойбище на Сылве у Ледяной горы. Опыт зимней стоянки у Ледяной горы таким образом пригодился. Здесь, в Кокуй-городке, отряд Ермака чувствовал себя в сравнительной безопасности. В случае нападения он мог выдержать продолжительную осаду.

Зиму казаки отряда Ермака провели в тесных землянках Кокуй-городка. Однообразие зимних дней, утомительную скуку продолжительных зимних вечеров казаки разнообразили охотой, организацией лыжных экспедиций, во время которых они добывали себе продовольствие и пытались лучше узнать те пути, которые вели в Сибирь, которую им предстояло покорять. Дорога на Восток была основательно разведана и выверена. Поэтому, когда весной стаял снег, дружинники перетаскивали свои лодки 25-ти верстовым волоком через тайгу и горы на речку Журавлик, правый приток Баранчи. Здесь казаки сделали лодки и плот и на них доплыли до реки Тагил.

Эта река была значительно больше тех горных речек, по которым до этого казакам приходилось двигаться на Восток. Здесь, у подножия горы Медведь-камень, дружина Ермака сделала остановку, чтобы построить новые струги вместо брошенных на реке Серебрянке. Остатки этой остановки отряда Ермака под названием «Ермакова городища» находятся на левом берегу реки Тагила в двенадцати километрах от современного города Нижнего Тагила. Это укрепление, заложенное Ер-

маком, служило в дальнейшем опорным пунктом на пути из Приуралья в Сибирь.

По свидетельству В.В. Мухина, казаки отряда Ермака прожили у Медведь-камня около трех недель. За это время они построили большие удобные лодки и на них 1 мая 1582 года отправились по реке Тагилу в путь. Тагил вынес казачьи лодки в реку Туру, по которой уже начинались земли, подвластные хану Кучуму. Здесь, поблизости от современного города Туринска, Ермак принял первое сражение против войск князя Епанчи, состоявшего из местных татар и манси. Ермак легко одержал над ним победу. Казаки взяли укрепленный город Чимга-Туру (позднее на этом месте был построен город Тюмень), столицу татарского княжества, находившегося в вассальной зависимости от сибирского ханства. В Чимге-Туре Ермак зазимовал, здесь его отряд захватил богатую добычу. Казакам нужно было отдохнуть и подготовиться к новым боям. Борьба с сибирским ханом Кучумом предстояла упорная и длительная, и Ермак хорошо понимал это.

В устье Туры войска шести татарских князей преградили дорогу отряду Ермака. По свидетельству летописца, сражение продолжалось несколько дней и закончилось победой отряда Ермака. Казаки захватили богатую добычу. А в июле 1582 года отряд казаков плыл по реке Тоболу. Здесь отряду Ермака пришлось выдержать две многодневные битвы у урочищ Березовый Яр и Караульный Яр. Ряды войска Ермака, несмотря на одержанные победы, значительно поредели. От захваченного в плен в устье Тавды ханского придворного Таусина Ермак узнал о «больших военных приготовлениях» сибирского хана Кучума.¹³

Тяжелые условия похода, многочисленные битвы с татарами, слухи о больших приготовлениях сибирского хана Кучума вселили неуверенность в ряды казаков. В дружине Ермака появились недовольные, которые предлагали вернуться в Предуралье старым путем через Тавду, Лозьву и Вишеру. Целую неделю шел казачий круг в устье Тавды. Казаки спорили о том, или идти обратно по Тавде и возвратиться в Нижнечусовские городки, или идти вперед, продолжать поход и разгромить Сибирское ханство. Храбрые воины отряда Ермака настояли на необходимости продолжения похода. Казачий круг решил идти

2058295

Пермская областная
Библиотека
им. М. Горького

вниз по Тоболу навстречу новым неизвестным стычкам с ханскими войсками, навстречу новым боям и новым победам.

В это время сибирский хан Кучум принимал практические меры для отражения отряда Ермака. В ставку хана были созваны все вассальные мурзы. Кучум собрал большое войско, состоявшее из татар, хантов, манси. Во главе отряда Кучум поставил своего племянника Магомета-Кули. Новый командующий занял удобную позицию на берегу Тобола близ урочища Бабасан. Сам Кучум в это время занимался устройством засек и укреплений близ столицы сибирского ханства города Кашлыка. В конце июля 1583 года Ермак доплыл до Бабасанского урочища, и началась кровопролитная битва, продолжавшаяся пять дней. Казаки высадились на берег, устроили окопы и из них неожиданно ударили по татарской коннице и пехоте. Войска сибирского хана крепко досаждали казакам копьями и стрелами, нанося им большие потери.

У казаков было огнестрельное оружие, которого почти не имели их противники. Отряд Ермака был дисциплинированным, закаленным в боях, хорошо сплоченным, чего не хватало войскам сибирского хана. Когда казаки начали стрелять из своих пищалей и из скорострельных пушек, войско Магомета-Кули не выдержало напора и бежало, понеся большие потери.

Несмотря на многочисленные победы, Ермак соблюдает известную осторожность, не пускаясь в безответственные авантюры. 26 июля 1582 года, встретив татар у Долгого Яра, он не принял боя и поплыл дальше вниз по Тоболу. 1 августа отряд Ермака занял город Карачи – столицу советника хана, захватив в нем большую добычу. В этом городке Ермак простоял около 40 дней. Он готовил свой отряд к захвату столицы сибирского ханства.

14 сентября 1582 года отряд выступил из этого города и поплыл к устью Тобола, где стоял укрепленный город мурзы Аттика. Ермак взял этот город и укрепился в нем, намереваясь овладеть столицей сибирского ханства Кашлыком, которая находилась неподалеку. Однако большое сибирское войско, численностью в 10-20 раз превосходившее отряд Ермака, окружило Атик-городок.

Видя такое неравенство сил, некоторые казаки вновь заговорили о необходимости отступления. Казачий круг решил «стоять единодушно». Реализуя это решение, Ермак превратил

Атик-городок в опорную крепость, откуда казаки стали делать вылазки против войск Магомета-Кули, стоявших лагерем на Чувашовой горе, недалеко от тобольского устья на правом берегу Иртыша.

Чувашова гора прикрывала подступы к Кашлыку – столице сибирского ханства. Для того чтобы захватить Кашлык, нужно было занять укрепления Чувашовой горы. Первые три попытки русских занять укрепления Чувашовой горы окончились неудачей; они были отбиты сибирцами с большими потерями. Однако казакам удалось захватить и сбросить в Иртыш две пушки, имевшиеся у татар и, таким образом, существенно ослабить огневую мощь их сопротивления.

23 октября 1582 года Ермак начал четвертый приступ. Малочисленному отряду Ермака приходилось «очень туго». Татары, скрываясь за частоколом из тонких бревен, пускали в казаков множество стрел. Лук и стрелы были основным оружием татар. У них было преимущество в скорострельности, по крайней мере, в несколько раз по сравнению с казачьими ружьями, которые требовали времени на зарядку. Однако последние обладали несравненно большей убойной силой. От стрел казаки могли защищаться колчанами от стрел, щитами, досками и т.п. Казаки не боялись стрел, которые выпускались татарами тучами, но многие из них были ранены. Ранения носили объективный характер: требовалось время на извлечение стрел из тел и перевязку для прекращения кровотечения. Видя, какое опустошение в рядах наступающих приносят стрелы, татары в трех местах разобрали засеку и сами бросились в контратаку. Началась жестокая рукопашная битва, в которой не было пощады противнику. Враги не только кололи друг друга копьями, рубили саблями, но и душили друг друга руками. Силы неравные. На каждого казака приходилось несколько врагов. Зато они были сильные, здоровые и ловкие, «слабые» погибли в прошлых битвах.

Командный состав ермаковской дружины демонстрировал лучшие бойцовские качества, образцы самоотверженности и храбрости. В самых опасных местах сражения появлялся Ермак. Опытным взором военачальника он замечал места, где казаки начинали отступать; быстро на коне вместе с несколькими приближенными он мчался туда, и его присутствие делало чудеса, услышав его голос, увидев его «сверкающий меч»,

усталые и израненные люди снова поднимались и устремлялись в атаку.

На другой день в ходе битвы произошел решительный перелом в пользу отряда Ермака. Магомет-Кули был тяжело ранен, его увезли «едва живым» с поля боя и это деморализовало татар и особенно вассальных от хана князьков ханты и манси. Они бежали с поля боя. На третий день Кучум, видя бегство своего войска, решил, что битва проиграна, и в ночь на 26 октября оставил Кашлык.

В эту же ночь татары покинули все близ от столицы расположенные города. 26 октября 1582 года Ермак без боя занял столицу Сибирского ханства – Кашлык. Захват Ермаком Кашлыка деморализующе подействовал на престиж Кучума. Это выразилось в том, что ханты и манси быстро признали власть русского царя. Они видели в казаках избавителей от татарского гнета.

Уже на четвертый день после занятия Ермаком Кашлыка к нему пришел остяцкий князь Бояр со своим войском и привез с собой «многие дары и припасы». Казакам подчинились некоторые татарские феодалы, а также мансийские князья Суклем и Иньбердей.

Ермак стремился наладить мирные отношения со всеми покорившимися ему туземными князьями. Он облагал их ясаком и «отпускал домой». Однако борьба с Кучумом после занятия Кашлыка не была окончена. Откочевав в недоступные для казаков сибирские степи, Кучум постоянно тревожил их своими нападениями. После захвата Кашлыка и одержанных побед над войсками сибирского хана казаки почувствовали себя свободно: они – победители и, следовательно, свободно могут передвигаться по территории Западной Сибири. Однако до полной победы над войсками Кучума было еще далеко. Когда в декабре 1582 года 20 казаков поехали на рыбалку на Абалацкое озеро, они были выслежены отрядом Магомета-Кули и все погибли. Узнав об этом, Ермак преследовал отряд татар и разгромил их под Шамшиноком, однако Магомет-Кули спасся бегством.

Понимая, что для завоевания Сибири у него недостаточно сил, и что Строгановы не могут дать казакам крупных подкреплений, Ермак решил обратиться к русскому царю Ивану IV и просить его о существенной военной помощи. Данный шаг –

свидетельство незаурядных дипломатических способностей Ермака, его государственного ума.

В конце декабря 1582 года он послал в Москву атамана Ивана Кольцо. Посольство шло «волочьей дорогой» через Средний Урал. Его вел Шибердей. Ехали на оленьих и собачьих упряжках. Продвигались очень быстро – уже в январе 1583 года посольство было в Москве и «било челом Ивану IV «Сибирским царством»». Посылка в Москву посольства во главе с Иваном Кольцо, приговоренным раньше к смертной казни за нападение на персидских послов на Нижней Волге, было очень смелым и дальновидным шагом. И Ермак не ошибся в расчетах. Иван IV не только простил казаков, но и щедро наградил их деньгами и подарками. Казакам была обещана крупная военная помощь. А Ермаку царь пожаловал шубу с царского плеча, наградил его двумя кубками и кольчугой с панцирем. Посольство той же дорогой быстро возвратилось в Кашлык. И 1 марта 1583 года оно было уже в столице Сибирского ханства.

За время отсутствия посольства Ермак на реке Вагал разгромил войска Магомета-Кули, а его самого взял в плен. Положение Кучума ухудшилось в результате убийства им казахского хана Эдигера. Его племянник Саид-Ахмат покинул лагерь Кучума и откочевал в Барабинскую степь. Это вызвало замешательство в лагере Кучума, что позволило Ермаку летом 1583 года заниматься построением малых ханских и мансийских городков, расположенных по Иртышу, Оби и их притокам. Ермак занялся исследованием и захватом земель и городов вниз по Иртышу. Захват земель по Иртышу и Оби происходил как мирным, так и военным путем. Во время боев за захват Казымского городка погиб один из старых сподвижников Ермака Никита Пан.

Вернувшись с Оби, Ермак двинулся вверх по реке Тавде и дошел до владений князька Печенега. У его городка между казаками и татарами завязался жестокий бой. Татары нанесли существенные потери отряду казаков, но, в конечном счете, они взяли городок, а его защитников перебили «всех до единого». Заняв ряд городков по реке Тавде, отряд Ермака дошел до владений князя пелымского Пойлика, разбил его и повернул обратно. Зимой 1583-1584 г. казаки провели в Кашлыке, а весной 1584 года Ермак со всем своим отрядом отправился в поход на юг, вверх по Иртышу, туда, где кочевал Кучум.

Летом 1584 года Ермак у городка татарского князя Бейгиша разбил татарское войско, которое имело две пушки, привезенные из Казани, которыми, однако, татары эффективным образом воспользоваться не сумели и столкнули их прямо в Иртыш под гору. В устье реки Ишима татары вновь встретились с отрядом Ермака, однако вновь были разбиты. Ермак доплыл до городка Купларова – пограничной крепости на рубеже Сибирского ханства и земли калмыков. Взять городок казакам не удалось, и после пятидневной осады они поплыли дальше на юг и достигли устья реки Шиша, правого притока Иртыша. Отсюда, получив информацию о движении Кучума на Кашлык, Ермак быстро повернул на север. Осенью 1584 года начались неудачи для отряда Ермака. Они выразились в том, что был убит атаман Иван Кольцо. 10 сентября 1584 г. в Кашлык явился посланец Карачи и просил людей для того, чтобы оказать помощь для защиты от казахов, якобы нападавших на княжество карачу. Ермак отпустил 40 казаков во главе с Иваном Кольцо. Все они были перебиты татарами, и это избиение послужило «сигналом» к восстанию татарских феодалов против казачьего отряда Ермака. Многие татарские мурзы, которые уже несколько лет платили ясак Ермаку, теперь вновь примкнули к войскам Кучума. Такая гибкая тактика была характерна для вассалов сибирского хана.

В это время в Сибирь двигалось по царскому указу большое войско, возглавляемое князем С.Д. Болховским и воеводами И. Глуховым и Н. Киреевым. Войско состояло из 500 стрельцов. К зиме 1583/84 г. отряд сумел добраться только до Чердыни, где он зазимовал. Ранней весной 1584 г. отряд отправился в Сибирь тем же водным путем, каким шел Ермак. Снабжать отряд стругами и продовольствием Иван IV поручил Строгановым. Трудный переход через Уральские горы, многочисленные волоки, частые остановки привели к тому, что отряд прибыл в Кашлык только 1 ноября 1584 года.

Радость казаков и Ермака была неподдельной. Ермак угощал воевод, расспрашивал их о положении дел отряда. Однако радость встречи была омрачена тем, что воеводы, надеясь на хлебные богатства Сибири, не привезли с собой продовольственных товаров. У Ермака продовольственные запасы были сделаны только для своих людей. Посылать отряды за продовольствием зимой в условиях разгоревшейся войны было

невозможно. В русском лагере начался страшный голод: съели лошадей и собак, затем стали варить кожаные ремни и седла, изготавливать хлеб из древесной коры. Все это привело к возникновению различного рода заболеваний и, прежде всего, цинги. От болезни умер князь Болховский, а один из воевод увез в Москву пленного Магомета-Кули.

Голод кончился лишь весной, когда татары и остяки предоставили отряду рыбу и овощи, которые оказались избыточными для них ввиду близости нового урожая. За зиму отряд убыл наполовину. Оставшиеся в живых воины представляли не здоровых стрельцов и закаленных в боях казаков, а худых, измученных, с трудом передвигающихся людей. Как они могли сражаться, что это были за воины – такие вопросы задавали себе их враги.

12 марта 1585 г. большое войско Карачи окружило Кашлык. Вокруг стен крепости расположились татарские таборы. Сытые, сильные и довольные собой всадники разъезжали у стен Кашлыка. Они выкрикивали угрозы казакам и стрельцам по поводу того, что сделают они с ними после того, как возьмут Кашлык. Однако они просчитались. Военный опыт Ермака, боевая закалка и отвага его воинов сыграли решающую роль в разгроме татарских войск, осаждавших Кашлык. Внезапная вылазка русских ночью 9 мая (или 12 июня по другим источникам) привели к гибели двух сыновей карачи и вызвали панику в лагере осаждавших. Татарское войско начало разбегаться, а утром победа отряда Ермака была окончательной.

Получив 1 августа сведения о том, что Кучум не пропускает в Кашлык большой караван бухарских купцов, Ермак с небольшим отрядом казаков, составлявшем несколько десятков человек, на стругах вышел навстречу каравану. Он дошел до Вогайской луки, но нигде не нашел караван. Видимо, это была ловко подстроенная ловушка, в которую татарскому хану, в конце концов, удалось заманить Ермака. В ночь с 5 на 6 августа 1585 года отряд Ермака заснул, не выставив даже караула. Этим воспользовались татары, которые под руководством самого Кучума скрытно следили за перемещениями казаков, а когда те уснули, татарские воины тихо, под шум дождя и плеск речных волн, перебрались на остров и многих казаков перебили спящими.

Те из них, кто проснулся и схватился за оружие, опоздали. Все они погибли под татарскими саблями, и только одному удалось спастись. Он сообщил казакам, оставшимся в Кашлыке, о том, что случилось с отрядом Ермака. Ермак, проснувшись одним из первых, долго сопротивлялся. Видя гибель отряда, он бросился в Иртыш и поплыл к лодкам. Но тяжелый панцирь – кольчуга и латы – весом в 24 килограмма увлекли его на дно.

В ремезовской летописи содержится пересказ татарских преданий о том, что татары выловили труп Ермака в Иртыше, сняли с него доспехи и разделили их между собой. Доспехи храброго воина должны были иметь магическую силу. Затем, надругавшись над его телом, они похоронили его на одном из татарских кладбищ. Могила Ермака неизвестна.

Так погиб один из выдающихся воинов и землепроходцев движения русских на восток. Подвиг Ермака не может быть забыт русским народом. Жители Кунгура должны помнить о том, что в его окрестностях у Ледяной пещеры располагалось стойбище отряда Ермака, готовившегося отправиться на завоевание сибирского ханства.

Личность Ермака была настолько незаурядной, своими геройскими, не вписывающимися в ординарность, поступками, победами над войсками сибирского хана и его вассалов, он так порастил воображение своих современников, что стал объектом внимания русского народа и отразился в его фольклоре, в его устном народном творчестве, в его песнях, былинах, легендах; знаменитые русские художники К.П. Брюллов, В.И. Суриков, известный скульптор М.М. Антокольский дали свое проникновенное изображение личности Ермака и различных эпизодов, связанных с покорением Западной Сибири.

М.М. Антокольский изобразил Ермака не только суровым воином в кольчуге и боевых доспехах, с боевым топором в руке, но и со взглядом, выражающим готовность решать сложные вопросы, стоявшие перед казачьим отрядом в Сибири, представлявшим авангард российского устремления на Восток. Ермак в изображении М.М. Антокольского не только суров, энергичен и резок, но и умен, что выражается в его взгляде, и дипломатичен, и хитер, и инициативен. Эти черты его характера знаменитый скульптор зафиксировал в чертах его лица. Напомним, что, узнав о смерти Ермака, казаки его отряда, нахо-

дившиеся в Кашлыке, сразу же водным путем отправились на Урал. У них не стало инициативного руководителя, генератора идей, человека, способного находить в трудных, казалось бы, безнадежных условиях единственно правильное и притом неожиданное решение. В этом сказалась роль этого незаурядного руководителя.

А какой эпической мощью веет от картины В.И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком». Зритель, впервые видящий картину, обычно стоит перед ней, пораженный не только тем, что перед ним кипит страшная битва, но и тем, что перед ним происходит столкновение исторических сил, совершается великое событие, predetermined всех ходом истории и в свою очередь оказавшее заметное влияние на этот ход.

В отличие от других художников, В.И. Суриков придал Ермаку на картине черты эпического величия. Он спокоен, погружен в свои думы и внимательно смотрит вперед; он уверен, что все будет так, как он наметил и заранее просчитал. И это эпическое спокойствие руководителя разливается на самочувствие всего отряда. Каждый отдельный казак находится в спокойном состоянии. Спокойно, без всякой суеты и торопливости, они делают свое дело и вспышки огня, вылетающие из их ружей, свидетельствуют об этом.

Лагерь неприятеля изображается В.И. Суриковым как находящийся в активном движении. Это характерно и для лучников, с усилием натягивающих тетивы своего оружия, и неистовым, необычным, взвинченным до предела выражением лиц туземцев, смятение в их лагере усиливается разорванным силуэтом конницы, скачущей на верху горы, к реке, на помощь той части армии, которая непосредственно противостоит отряду казаков. Это была борьба с Кучумом, который своими грабежами и разбоями, своим вероломством, хитростью и обманом дошел до Урала, угрожал своими отрядами Поволжью и другим русским землям. Великий русский художник считал, что в этих условиях поход Ермака носил оборонительный характер. Многолетний труд В.И. Сурикова позволил ему создать картину такой гигантской, обобщающей силы, а образ Ермака наделенным таким необычным эпическим спокойствием, что великий шедевр изумляет всех любителей искусства, которые имеют возможность любоваться им.

Несколько по-иному изображен портрет Ермака на рисунке художника А. Шарлемана. Здесь обращает на себя внимание вздыбленный конь Ермака, чувствующий тревогу. Вытянутая вперед и кверху рука Ермака, крепко державшая копьё, символизирует поражение врага. На рисунке привлекает внимание взгляд Ермака: властный и вместе с тем очень внимательный. Последнее обуславливается тем, что врагов очень много, и поэтому нужно внимательно осматривать поле боя, чтобы не упустить никакой мелочи, которая может оказать решающее влияние на исход сражения.

Гибель Ермака потрясла воображение его современников, казалось, что-то противоестественное было в ней, что-то такое, с чем не хотелось мириться человеческому разуму. Хотя, с другой стороны, было известно: сколько бы не совершил человек подвигов, сколько бы не выиграл сражений, сколько бы не решил сложных, трудных и даже, казалось бы, не решаемых проблем, он все равно смертен, и всем ослепительным успехам должен наступить конец. Гибель Ермака после большого количества побед была естественной и неизбежной. Многочисленные победы приводили к тому, что утрачивалась острота восприятия опасности. В основе такого положения лежало изречение: «Не такие трудности были перед нами, а мы побеждали, победим и теперь».

Художник К. Газенкамф предпринял попытку изобразить гибель Ермака. На картине Ермак защищается один от многих наседающих на него врагов. Он безоружен. Он стоит на крутом берегу Иртыша. Еще один шаг, и он будет там, в воде, где для него гибель. Погибать Ермаку не хочется, поэтому он повернулся лицом к врагам. Один из них уже повержен и лежит на земле, другой, только что получив удар, падает. Ермак еще держит его за руку. Однако сзади на него нападают, и над его плечом уже занесено копьё. Лицо Ермака, пробудившееся от сна, спокойное и в то же время напряженно размышляющее: что делать, враги многочисленны и суровы, и перед ним лес копий. Остается только схватить хотя бы одного врага и броситься в мутные волны Иртыша. Там тоже нет спасения, но, может быть, не все враги последуют за ним, и можно будет с меньшим числом их еще побороться. С такими мыслями мы видим знаменитого воина, погибающего на картине К. Газенкамфа.

По-другому, чисто реалистическими красками, изобразил Ермака великий русский писатель Л.Н. Толстой. Его рассказ, посвященный Ермаку, имеет подзаголовок «История». Однако этот рассказ не представляет чисто историческое повествование, хотя в нем много именно такого материала, причем местами он подан так, что изумляет историков и по-своему, довольно убедительно, изображает некоторые аспекты исторического развития. Именно к таким моментам социального бытия следует отнести становление на Урале Строгановых.

Колонизировав Урал, Строгановы встали перед фактом постоянных нападений на их владения сибирского ханства. В этих условиях они исторически правильно решили эту задачу, призвав Ермака, оснастив его отряд всем необходимым для похода в Сибирь. Писатель на интуитивном уровне, не опираясь на документы, решает такие вопросы, над которыми бьются ученые. Это такие проблемы, как разрешение Иваном IV, якобы данное Строгановым, отправить Ермака в Сибирь для завоевания Сибирского ханства. Конечно, впоследствии так и оказалось. Ивану IV понравилось подвижничество отряда Ермака для решения данного вопроса. Однако другое дело, что это произошло задним числом, а не планировалось до этого. Вызывает сомнение достоверность обращения Ермака с требованием о помощи, якобы обращенном к Строгановым.

Ермак сразу же обратился с просьбой о помощи в Москву. Он понимал масштабы начатого им дела и считал, что у Строгановых для этого необходимых ресурсов может не хватить.¹⁶

Характерными чертами Ермака, как военного руководителя, являлись широта кругозора, дальновидность, умение видеть стоявшие перед отрядом боевые задачи, как часть более широких военных соображений. Для Ермака, как руководителя, было характерно сочетание стратегического видения проблем, сочетание чисто военных способов решения задачи присоединения Сибирского ханства к России с политическими мероприятиями. Ум Ермака, его энергия, инициатива и предприимчивость поразили современников, и они передали это чувство восхищения удалым казаком последующим поколениям.

Мы можем поэтому рассматривать внимание деятелей литературы и искусства к деталям жизни и деятельности Ермака как интересное и историческое оправдание.

Какой поэтической мощью, рокотом народного негодования и одновременно глубокого сожаления и неизбывной грусти наполнена известная баллада К.Ф. Рылеева «Смерть Ермака». Как метафорически тонко и образно передает поэт-декабрист суровую природу края, необычайное властолюбие Ермака, самозабвенную беззаботность его воинов, уснувших, не выставив караулы, и всецело полагающихся на его опыт и разум, и уверенность в том, что их жизнь прошла не напрасно, «что мы не праздны в мире жили», а покорили Сибирь для русского царя.

Однако роковой его удел
Уже сидел с героем рядом
И с сожалением глядел
На жертву любопытным взглядом.

Этот роковой для Ермака и его отряда удел был обусловлен Кучумом, который тайно прокрался к русским шатрам и вырезал большую часть находящихся в них спящих воинов.

В яркой поэтической форме рисует К.Ф. Рылеев личную гибель Ермака, как героя России, который не мог выплыть из волн Иртыша, его погубил тяжелый панцирь — «дар царя». Величавым, троекратно повторенным рефреном выступает в балладе суровый и величественный реквием сибирской природы над могилой погибших русских воинов.

Носились тучи, дождь шумел,
И молнии еще сверкали,
И гром вдали еще гремел,
И ветры в дебрях бушевали.

Этот торжественный и величественный гимн сибирской природы является как бы похоронным реквиемом по герою и его дружине, и угрозой его врагам, и одновременно обещанием вечной славы Ермаку и его отряду за те славные дела в истории присоединения Сибири к русскому государству, которые они совершили.

В созвездии выдающихся имен русских людей, много сделавших для освоения суровой Сибири, звездой первой величины по своей яркости и значимости является звезда нашего уральского соотечественника Ермака.

Тонкий знаток и ценитель уральского фольклора П.П. Бажов в сказе «Ермаковы лебеди» нарисовал яркий и запоминающийся образ народного героя, характерной чертой которого являлась широта практического кругозора. Он сооб-

разил, что в Сибирь надо «пробираться» по рекам. «Ловко бы так-то ! Сел на Каме, попотел на веслах, да и выбрался на Туру, а там гуляй по сибирским рекам, куда тебе любо. По Иртышу-то вон сказывают, до самого Китая плыви – не тряхнет!»

По рекам плыть трудно, «столбов не поставлено и на воде не написано», к этой трудности добавилась еще одна очень существенная – в Сибири не было ни одного русского человека, некого было расспросить, разузнать, «какие водные дороги куда ведут».

В решении вопроса о происхождении Ермака П.П. Бажов придерживается уральской версии, согласно которой его отец Тимофей Аленин жил в Чусовском городке, имел трех сыновей, младшим из которых был Василий, получивший в казачьей среде прозвище Ермак, что по-татарски означает «Котел на всю артель». На Дону и на Волге Василий Тимофеевич получил кличку Ермак Тимофеевич. Смысл сказа сводится к тому, что лебеди открыли Ермаку речные протоки и богатства Уральского края.¹⁷

Изумительные россыпи золотого фонда русского языка, замечательным мастером кладовых которого явился П.П. Бажов, позволили ему нарисовать неповторимую панораму жизни и деятельности русского национального героя, создать в духе народных сказов и обложить сказочными аксессуарами все приключения и подвиги жизни замечательного народного героя.

Жизнь и сказка, изобретательность и победы, реальные жизненные перипетии борьбы Ермака за завоевание Сибири, выходы из труднейших жизненных ситуаций, приобретая сказочные очертания, получали у Бажова благоприятные способы разрешения. А о том, с каким хитрыми, вероломными и, безусловно, умными врагами ему пришлось иметь дело в лице сибирского хана Кучума, свидетельствовал известный писатель Урала Д.Н. Мамин-Сибиряк.¹⁸

В его описании Кучум предстает изощреннейшим, злым, хитрым и бессовестным стариком, вечно плетущим цепь интриг не только против своих врагов, но и своих близких, вассалов и даже членов своей семьи. В этом заключается личная особенность характера и поведения Кучума, зафиксированная Д.Н.Маминым-Сибиряком. Благородным и нравственно чистым выглядит на этом фоне Ермак, одним из основных прин-

ципов деятельности которого была открытость и честность. Он всегда продумывал ближайшие и отдаленные результаты своих действий; его стратегия и тактика были построены не на разобщении своих подчиненных, а на таком определении форм и средств борьбы, которые были оптимальными, давая реальные преимущества перед его противниками.

И все-таки перед историками Ермак предстает во многом как загадочная и неизвестная личность: неизвестен год его рождения, его предки. Многое в этих вопросах покрыто мраком и восполняется путем не слишком строгих научных предположений.

Одной из таких широко распространенных версий является предание, записанное в позднее время, которое свидетельствует, что Ермак происходил из Тотемского уезда Вологодской губернии. Другая версия сводится к тому, что родиной Ермака были двинские волости. Подробные сведения о Ермаке сообщает сокращенная Есиповская летопись. В ней содержится сказание о происхождении Ермака, якобы написанное им самим. Его дед был суздалец, посадский человек, жил в нужде и лишениях, от хлебной скудости перебрался во Владимир, звали его Афанасий Григорьевич Аленин. Он воспитывал двух сыновей: Родиона и Тимофея, кормился извозом и был по найму в подвозах у разбойников; в Мурманском лесу был пойман и сидел в тюрьме, а оттуда бежал с женою и детьми в Юрьевец Поволжский. Здесь он умер, а дети от жизненной скудости перебрались на реку Чусовую в Строгановские вотчины. Здесь у Родиона родилось два сына: Дмитрий и Лука, а у Тимофея – три сына: Гаврила, Фрол и Василий. Василий был велеречив и силен, имел острый ум, ходил у Строгановых на стругах по рекам Каме и Волге.

Характер данной работы способствовал приобретению Ермаком смелости и отваги, расторопности и сообразительности. Он сформировал первоначально «малую дружину» на разбой, отошел от работы на Строгановых и стал атаманом, прозванным Ермаком. Профессор Р.Г. Скрынников выражает сомнение в том, что Ермак сам написал свою автобиографию, он пишет о том, что в XVI веке даже не все дети боярские имели обычай обращаться к генеалогии, а вольные казаки не имели особых причин обращаться к своему генеалогическому древу.¹⁹ Р.Г. Скрынников выражает сомнение в истинности данной вер-

сии. Он, правда, признает и соглашается с А.А. Преображенским в том, что отождествление Ермака с Василием Алениным является и поныне самой распространенной версией, преобладающей в современной исторической литературе. «Однако доверять ей, - пишет он, - нет оснований». И здесь он выдвигает следующие аргументы. До похода в Сибирь Ермак в течение двадцати лет возглавлял казачью вольницу «в поле». Следовательно, к началу похода в Сибирь ему было около 50 лет, т.е. он родился где-то около 1530 года. То есть за 30 лет до того, как Строгановы получили от Ивана IV земли на реке Чусовой.

Приведенные соображения Р.Г. Скрынникова на первый взгляд вполне убедительны. Однако только на первый взгляд, потому что он не учитывает, не принимает во внимание ряд обстоятельств, а именно, отец Ермака мог прибыть на Урал, спасаясь от нищеты и до того, как Строгановы официально получили от Ивана IV земли на реке Чусовой. Возражать против такой постановки вопроса невозможно, кроме общих гипотетических предположений о том, как это могло быть в условиях соседства кочевых и полукочевых народов, которые постоянно нападали на русские поселения. Нападали, однако, тем не менее, поселения русских по Каме и ее притокам были и до прихода Строгановых на Урал.

Точно также не обладает убедительностью утверждение Р.Г. Скрынникова о том, что казаки могли заблудиться и свернуть с Чусовой не на Серебрянку, а на Сылву. Местность уже принадлежала Максиму Строганову, и как казаки могли проплыть мимо них и не заметить их – остается загадкой. Заметим, что знание речной системы Урала и Сибири Ермаком и казаками его отряда росло год от года. А вначале они могли допустить такую ошибку, которая, с одной стороны, задержала поход в Сибирь на год, а, с другой – как объяснить утверждение строгановской летописи, что Ермак пробыл на Урале до вторжения в Сибирь два лета». Возникает разумный вопрос: чем он в это время занимался? Самый общий ответ может быть только один – подготовкой похода в Сибирь. Данная подготовка, естественно, была многоплановой и включала в себя не только продовольственное и военно-техническое оснащение отряда казаков, но и тщательный сбор сведений о водных путях, ве-

дущих в Западную Сибирь и особенно на первых порах ориентировку и знание речных путей в Приуралье.

В.А. Оборин не согласен с Р.Г. Скрынниковым, как он считает, нет достаточных оснований для пересмотра даты начала похода Ермака.²⁰ Он подробно анализирует контакт Ермака со Строгановыми, те многочисленные сражения, которые ему приходилось иметь с вогуличами. Поход Ермака в Сибирь был не внезапным, а хорошо подготовленным.

В.Г. Мирзоев в своей монографии, посвященной историографии присоединения и освоения Сибири в исторической литературе XVII века²¹, подчеркивал, что за годы, прошедшие после Октябрьской революции, советская историческая наука обогатилась целым рядом достижений. Советские ученые открыли протограф сибирских летописей, отделили, как самостоятельную, Кунгурскую летопись, дали палеографическое исследование сибирских повестей, наметили основы хронологии, составили общую сводку источников XVII века.

Изменился и их общий взгляд на присоединение Сибири и на роль в этом процессе похода Ермака. Если дворянско-буржуазная историография рассматривала присоединение Сибири как завоевание, то советская историография стала рассматривать его как продолжение огромных пространств на Востоке, имеющее характер широкого освоения страны.

Для буржуазной русской историографии присоединение Сибири заканчивалось разгромом царства Кучума отрядом Ермака. Для советской историографии поход Ермака положил лишь начало присоединения Сибири к русскому государству, устранив ханство Кучума как препятствие на пути русского освоения восточных земель.

В.Г. Мирзоев считает, что одной из причин, препятствующих правильному решению сибирского вопроса, являются крайности во взглядах разных научных направлений. Каждое из них односторонне отдает предпочтение «одной силе», обусловившей присоединение Сибири (или народу, или торговым элементам, или государству), отрывая ее действие от общей обстановки в России и практически игнорируя остальные факторы, в то время как они фактически играли ту или иную роль в этом процессе, и сбрасывать их со счетов было бы антиисторично.

Крайности подхода к вопросу о роли различных социальных сил, сыгравших решающую роль в присоединении Сибири к русскому государству, привели к тому, что отрицалась роль Строгановых в этом процессе. Это нашло свое утверждение в том, что казаки отряда Ермака – не строгановские слуги, а сибирский поход – не инициатива Строгановых.

В советской историографии движение отряда Ермака интерпретировалось как первая волна могучего потока народного освоения, влившего в Сибирь после падения ханства Кучума. В духе абсолютизации классового подхода в советской историографии утверждалось, что дело здесь заключалось не в инициативе Строгановых, что общий процесс освоения Сибири совершался, хотя и при активном участии Строгановых, но независимо от их воли, как общезакономерный процесс, продиктованный сложными условиями жизни российского государства.

Конечно, невозможно отрицать, что без Строгановых и созданной ими материальной базы отряд Ермака был бы не в состоянии справиться с многочисленным противником, имевшим огромные возможности для маневрирования.

Третьей силой, сыгравшей, в конечном счете, решающую роль в присоединении Западной Сибири к России, явилось государство. Правительственные войска окончательно довершили разгром ханства Кучума, закрепили Сибирь за русским государством и обеспечили экономическое освоение края.

Присоединение и освоение Сибири могло быть совершено в сочетании народных, торгово-промышленных и государственных сил, взаимодействие которых представляло сложный комплекс противоречий между ними, разрешение которых обуславливало прогрессивное разрешение данного вопроса, в котором зимовка отряда на Ледяной горе в окрестностях современного Кунгура представляется одним из необходимых исторических звеньев его предыстории. И жители Кунгура не должны об этом забывать.

ГЕНЕАЛОГИЯ ГОРОДА КУНГУРА

Вопрос о происхождении городов очень сложен¹; существует два основных подхода к его решению: 1) социально-экономический и 2) юридический². Эти два подхода в России исторически менялись в связи с тем, что историки принадлежали к разным классам и, что особенно важно, выражали определенные классовые интересы. Дворянские и буржуазные историки придерживались в основном юридической основы решения данного вопроса, в то время как марксистские историки явно тяготели, в соответствии с сущностью своего учения, к социально-экономическому статусу городов, хотя на словах они не отвергали юридического положения городов и видели в нем важный показатель, который нельзя недооценивать, а тем более игнорировать.

Вопрос о дате основания города Кунгура связан с рядом особенностей, среди которых прежде всего следует отметить его военно-стратегическое значение как крепости в колонизируемой восточной окраине русского государства, хотя эта функция выполнялась неудовлетворительно, что и привело к перемещению города на другое место³.

Этимология названия города Кунгур также претерпела изменения. В переводе с татарского слово «Кунгур» означает смутный, темный. Вода в реке Кунгурке, по названию которой город получил свое имя, темная, неприятная на вкус, и крестьяне воду из этой реки не пили. После перемещения города на современное место, междуречье Сылвы и Ирени, значение слова Кунгур стали трактовать от новых местных условий: слово «кун» означает корень слова «кунак», что значит «ночевать», «иметь ночлег». Слово «гара» означает «пещера». Следовательно, первоначальное название города Кун-гара означало ночлег в пещере, и только потом было изменено и получило современное звучание *Кунгур*. Здесь уже название города вытекало не из цвета реки Кунгурки, а из главных достопримечательностей окрестностей города, а именно, пещеры, которая играла заметную роль в жизни города, особенно в периоды критических ситуаций для его жителей.

Таких критических ситуаций у города, особенно в первые десятилетия его существования, было немало. Начнем с того, что функциональные обязанности города не соответствовали

его фактическому обустройству. Город возник на восточной окраине Московского царства в целях «сторожения» русских поселений от набегов башкир и других кочевых народов, которые хотя и раньше Сибирского ханства вошли в состав русского государства, однако периодически поднимали восстания против своих новых хозяев. В этих условиях очень важное значение имело то обстоятельство, что крепостные укрепления Кунгура на реке Кунгурке не были построены. Город представлял собой обыкновенное сельское поселение, отличающееся от сел и деревень только своими размерами, хотя первоначально и в этом отношении он, в сущности, не отличался от них.

Выполняя распоряжение Новгородского прихода зимой 1647-1648 г., Соликамский съезжий поручил выборному человеку Суровцеву и подьячему съезжей избы Вектину провести сыск беглых крестьян и вывести их в район реки Кунгурки и Степанова городища. «И подушные записи о них в жите и в государственном тягле (взять) чтоб им за государством жить и никуда не сбежать». Так в 1648 г. в двух верстах от впадения реки Кунгурки в Ирень (ныне здесь находится селоТроицкое) возник город Кунгур. Вывезенные на Кунгур и Степаново городище крестьяне принялись энергично за устройство жилищ и обработку земельных угодий. Это дело было очень трудным. Условия кунгурской «селитьбы» были необычными. Они не предусматривали никакой ссуды, в отличие от других уездов Сибири. Единственной льготой было освобождение от «тягла» в течение 3-х лет. Многие поселенцы в виду отсутствия государственной помощи бедствовали или вынуждены были бежать в другие места Урала или Сибири. Первоначально Кунгур имел только 8 дворов. Благодаря усилиям местной администрации заселение города все-таки происходило, и уже через 3 года, в 1651 году, население города насчитывало 96 дворов, в которых проживало 263 человека. Город был незначительно больше по числу проживавшего в нем населения соседних поселений: в дереве Весляной было 63 двора, с населением 160 человек, в Степановом городище 48 дворов, в которых проживало 118 человек. Накануне пожара и гибели население Кунгура в 1662 году составило 385 человек.

Особенностью русской колонизации Урала, Сибири и Севера являлось то, что коренное население этих мест не унич-

тожалось и не сгонялось в резервации, а продолжало жить среди пришлых русских поселенцев. Отсюда вытекало несколько следствий: 1) Отношения между коренным и пришлым русским населением были более терпимыми, чем в западных вариантах колонизации, 2) В периоды восстаний, бунтов, возмущений местного населения на укрепленные «сторожки» падала ответственная задача защиты местного русского населения, которое из деревень и сел бежало в эти укрепления города. Однако особенность новой «сторожки» заключалась в том, что она была, в сущности, не укреплена и, следовательно, беззащитна. И этим не замедлили воспользоваться башкиры и иренские татары во время сеитовского восстания 1662-1664 г.

Существенным источником, свидетельствующим о ранней истории города Кунгура, является Кунгурская летопись Пиликиных, изданная впервые в 1887 году. В летописи Пиликиных содержатся сведения о том, что город Кунгур был основан по инициативе «по обыску» Чердынских и Усольских воевод, думского дворянина Прокопия Елизарова, стольника князя Петра Прозоровского и Семена Кондырева.

Согласно летописи Пиликиных, «начало» Кунгуру, т.е. его основание, относится к 1648 г. В этом году произошло переселение крестьян из Чердыни и Соликамска, из Сольвычегорода и Устюга Великого. Город Кунгур посадскими людьми, уездными крестьянами и бобылями был построен в 1648 году на реке Ирени на правом берегу. А название он получил по реке Кунгурке, которая в 2-х верстах ниже города впадала в Ирень. Город был основан на татарских землях, однако проданных или заложенных русским людям. На это в летописи Пиликиных указывается со ссылкой на указы русского царя и великого князя Алексея Михайловича 1651, 1652 и 1653 годов.

Город Кунгур представлял по форме своего общеустройства город-село. Первоначально это был город, состоявший из нескольких дворов, которые имели свои отдельные ограды и, став близко друг к другу, опоясались все одной общей оградой. Кунгур был связан с сельским хозяйством, с хлебопроизводством. Однако иренские татары, продав часть своих земель русским, тем не менее, не хотели мириться с этим, прежде всего в силу сложных процессов имущественной дифференциации, которая у них в это время происходила и была обострена лихоимством и взяточничеством русского чиновничества. Поэтому иренские

татары примкнули к башкирскому восстанию 1662 года и осадили Кунгур. Для того чтобы понять причины данного социального феномена, рассмотрим характер и движущие силы башкирского восстания.

Наиболее обстоятельным исследованием, посвященным башкирскому восстанию 1662-1664 г., является большая и содержательная статья Н.В. Устюгова, опубликованная в «Исторических записках»⁵.

В исследовании рассматривается широкий комплекс вопросов, которые лежали в основе неоднократных восстаний башкир против российского владычества. В начале 60-х годов XVII века Московское государство испытывало серьезные внутренние и внешние затруднения. Неудачная денежная реформа привела к катастрофическому падению цен медных денег, что вызвало страшную дороговизну, которая усилилась вследствие неурожайных 1660 и 1661 годов. Особенно тяжелым был неурожай 1660 г. Чрезвычайно дождливое лето этого года оказалось губительным для хлеба. Хлеба вымокли, и недород был большой, а на Двине недозрелый хлеб был побит морозом. Все это подняло хлебные цены до небывалых до этого размеров. В Вологде зимой 1662-63 г. рожь продавалась по 25 рублей за четверть на медные деньги. Правительство объявило казенную монополию на 6 товаров. В Уфе еще в 1660 г. было запрещено покупать у калмыков любые товары на деньги; разрешалась только меновая торговля. Однако монополия не оправдала возлагавшихся на нее надежд и была отменена с 1 сентября 1662 г. Трудности отягощались войной с Польшей и Крымом. В июле 1662 г. в Москве вспыхнуло восстание. В этих условиях на ясачных людях, в том числе башкир, падала вся тяжесть налогов того времени. В Башкирии недовольство приняло форму отказа от подданства и отъезда к соседним кочевым феодалам. Большую роль в этом процессе играли потомки сибирского хана Кучума. Однако по вопросу о центре объединения отколовшихся феодалов среди них единства не было, часть из них ориентировалась не на Кучумовичей, а на Крым. Н. В. Устюгов приводит данные о том, что восстание иренских татар в Кунгурском уезде ориентировалось на Крым. Собственных сил у них было недостаточно, как считали они. Восстание было движением феодалов, и рядовые башкиры редко принимали в нем участие.

Под Кунгуром были не только башкиры и иренские татары, но и «литовские люди» в количестве 50 человек, захваченные во время литовско-польской войны и поселенные на Урале. Царское правительство не только подавляло восстание вооруженной силой, но и «уговаривало восставших», особенно его феодальную верхушку. Башкирские и татарские феодалы, связавшие свою судьбу с Кучумовичами, откололись от них и вернулись в подданство Московского царя. Этому способствовало то, что Русское правительство резко осудило произвол и насилие при взимании ясака и потребовало от своих агентов не нарушать интересы ясачного населения. В земельном вопросе правительство явно пошло на уступки башкирам, запретив продажу и отдачу в аренду башкирских угодий посторонним лицам. Было отдано распоряжение по старым земельным спорам. Правительственные уступки в земельном вопросе Н.В. Устюгов рассматривал как бесспорно прогрессивный результат башкирского восстания 1662-1664 г. Однако если в целом башкирское восстание 1662-1664 г. несколько ослабило налоговый гнет, то для Кунгура оно обернулось трагическим образом. Город был взят башкирами и татарами летом 1662 года. Много жителей Кунгура и окружающих его русских сел были «побитыми» восставшими «до смерти», женщины и дети взяты в плен, православные церкви разорены, постройки города были преданы огню. Татарское нашествие было подобно стихийному бедствию. Подожженный с разных концов город пылал, как гигантский костер, разведенный степными кочевниками в холодную летнюю уральскую ночь.

Татарские феодалы, руководители восстания в Кунгурском уезде, больше всего были озабочены тем, чтобы вернуть обратно когда-то принадлежавшие им, а затем проданные русским властям земли, которые были заняты под городом Кунгуром.

Поэтому они, захватив посад города, решили, что лучшим способом вернуть эти земли и уничтожить ненавистный им город, является огонь. Они приказали своим воинам, выбрав удобный момент, когда ветер дул в сторону центра Кунгура, поджечь дома его посада.

Можно представить, к чему это привело, если мы припомним, что это происходило в конце июля-месяца, погода была жаркой, лето было сухим, город горел. Его жители, вставшие

на защиту своего жилья, отгонялись отрядами татар. На этой почве возникали стычки с применением оружия.

Иренские феодалы понимали, что, в конечном счете, их выступления в поддержку восстания башкир для них могут плохо кончиться, так как в дело подавления восстания вмешается Московское правительство, и им придется отвечать за участие в восстании. Однако их уверенность в том, что они самые хитрые, что они все смогут сделать так, что изменить состояние дела будет невозможно даже для хитроумных Московских подьячих, была велика. Поэтому они действовали с помощью огня.

Пожар, уничтожив город, оставил его жителей без жилья, а кровавые стычки безоружных граждан с татарами и их гибель надолго оставили память о том, как сопротивляться иренским феодалам и занимать их земли. Избиваемые жители Кунгура вынуждены были бросать свои пепелища и бежать в леса, окружавшие город. Татары этому не препятствовали, так как надеялись, что они не пожелают вернуться к своему, уничтоженному огнем, жилью. Жители Кунгура бежали в леса небольшими группами, соединяясь в более крупные отряды, они постепенно стали перебазироваться в село Мысы на Сылве, которое с двух сторон было защищено от возможного нападения реками Сылвой и Иренью.

Именно отсюда от имени пострадавших была послана в Москву челобитная царю Алексею Михайловичу. Царский ответ гласил, что нужно найти безопасное место на реке Ирени, для того чтобы построить там новый город и в нем жить, не опасаясь башкир. Такое «безопасное место» уцелевшими от расправ жителями Кунгура было найдено в том месте, где Ирень впадает в Сылву. Место это было действительно надежным и безопасным. С двух сторон оно было защищено реками Сылвой и Иренью, а с двух других сторон его можно было прикрыть земляным валом и рвом, которые создавали надежную гарантию от новых набегов башкир и иренских татар. На основании грамоты царя Алексея Михайловича город Кунгур был построен на новом месте в 17 верстах от прежнего месторасположения между этими двумя реками. Новый город со старым названием был заложен в 1664 году.

Он был лучше укреплен в силу постоянной опасности со стороны башкир. Это был уже не город-село, каким он был на

старом месте, а город-застава. Это новая форма городов военно-правительственного происхождения, родственная укрепленному селу, только с иным экономическим бытом. Это был укрепленный сторожевой город. На самом «Мысу» была построена четырехугольная, из деревянных стен, рубленая крепость, оснащенная бойницами вышиною до 3-х сажен. В ней было 8 башен, из них две с проезжими воротами. Кунгурская крепость в окружности имела 323 сажени и была полностью построена в 1693 году посадскими людьми и уездными кунгурскими крестьянами. Крепость окружала соборную церковь, воеводский дом, канцелярию и другие служебные помещения, находившиеся в центре города.

Бывшие в Кремле 8 башен имели названия: Спасская, Благовещенская, Алексеевская, Тихвинская, Преображенская. Три башни не имели названий. Первые пять башен были названы в честь бывших на них икон. Спасская и Благовещенская башни были с воротами; первая была выше других и поверху имела двуглавого орла.

На земляных валах также было по 3 башни, из которых первая у реки Ирени называлась Алексеевской, вторая – Тихвинской и третья – под горой у реки Сылвы – Никольской. Кроме того, на правом берегу Сылвы обывательские дома были огорожены деревянною стеной с башней Преображенской, через которую осуществлялся въезд в эту часть города.

С западной стороны, недалеко от соединения рек Сылвы и Ирени, город был огорожен деревянною стеной с воротами. Перед стенами стояли рогатки, которые также считались и рассматривались тогда в качестве оборонительных орудий. Кунгур таким образом был окружен двойным рядом укреплений. Предмestье города или посад был также укреплен. Неприятель мог взять город не иначе как через двойной ряд укреплений. Эти укрепления существовали свыше ста лет и оказали городу действительную помощь. В документах 1686-1687 г., 1692-1693 г., 1697-1698 г. и 1705 г. упоминается о необходимости возобновления и расширения городских укреплений.

Гарнизон и боевые средства Кунгура были невелики. Стрелецкий гарнизон города первоначально составлял 100 человек, затем он был сокращен до 50-60 человек, но вскоре численность его была восстановлена. В 1686 г. новый Кунгурский воевода И. Дашков принял у своего предшественника 2 медные

пищали на станках с вертлюгами, 5 скорострельных чугунных пищалей, 405 мушкетов, такое же количество бандальеров, 123 пики, 4 протазана и прочее.

Для укрепления города от реки Сылвы до Ирени по горе был сделан земляной вал длиною в 661 сажень; в 1697 году на этом валу были размещены башни и по всему валу палисадник, который впоследствии был уничтожен, город был хорошо вооружен. По указу императора Петра I в город была доставлена с сибирских заводов артиллерия бывшими в Сибири воеводами М.Я. и Е. М. Черкасскими.

Несмотря на то, что по своему характеру, по своему устройству и по выполняемым им функциям город Кунгур был военным городом-заставой, его жители занимались сельским хозяйством. Город выгодно расположился по обеим сторонам реки Сылвы и на правой стороне Ирени.

Выгонные площади составляли: сенных покосов 3772 десятины 810 сажень, неудобной земли 132 десятины 1790 сажень, а всего 3905 десятин 200 сажень.

В 1646 г. Вознесенский монастырь получил прибавку к своей Сылвенской вотчине. Уступка в оброчное содержание монастырю новых земель вызвала целый ряд челобитных от Сылвенских, Иренских и Карьевских татар, доказывающих свои старинные права на эти земли. Возникла сложная переписка центральных Московских учреждений с местными Соликамскими воеводами. Она получила полное освещение в грамоте от 2 сентября 1646 г. на имя Соликамского стольника и воеводы Дмитрия Богдановича Мешкова-Плещеева. Результатом многолетней тяжбы была уступка Вознесенскому монастырю якобы пустующих пашенных земель и покосов по речке Кунгурке от устья вверх по обе стороны по 6 верст в гору, а от Степанова городища вниз по Ирени по левой стороне на 6 верст, а в гору по 4 версты с рыбными ловлями, лесами и всякими угодьями, кроме татарских бортей, которые затем записаны в писцовых книгах Михайла Кайсарова. Оброк с новых земель положен был монастырю по 4 рубля в год. В конце грамоты было «внушительно замечено», чтобы никто с обеих сторон «в чужое ни во что не вступался» и царю «докуки» своими челобитными не доставлял.

Однако в 1648 г. «состоялся» царский указ, которым Соликамскому воеводе Прокопию Елизарову предписывалось

вывести крестьян из вотчины Вознесенского монастыря на Кунгур, тогда вновь строящийся город, и на Степаново городище «на житие в государстве тягло». На Кунгур и на Степаново городище было выведено немало людей из вотчин Пысковского монастыря, а также вотчин Елисеева и Строгановых.⁶

В связи с процессом массового переселения крестьянства первое освоение города Кунгура было не выгодно для частных землевладельцев, с таким трудом создаваемый город был в 1662 г. в период Сеитовского восстания башкир и татар уничтожен. Создание его стоило администрации Пермского края больших усилий. Переселение крестьян на Кунгур и Степаново городище продолжалось целых 4 года. Из ряда вотчин с посадов, уездов и монастырей было выведено на Кунгур и на Степаново городище по Сылве и по Ирени 647 семей.⁷

И все эти усилия пошли прахом. Ссылаясь на документы того времени А.А. Дмитриев в «Пермской старине» писал, что не только беззащитные села, «пустыни» Рождественская и Воздвиженская, но и самый Кунгур, «вероятно плохо еще вооруженный», сделались жертвами страшного беспощадного разорения.

В челобитной Туринскому воеводе В.С. Трегубову Семен Пелымский писал в конце 1668 года о том, что Кунгур весь «повоевали» татары и башкиры, мордва, черемисы и чуваша. Они «посекли» русских людей и стоят те татары на Сылве лагерем под Спасским монастырем и его Рождественской пустыню. А в Спасском монастыре сидят многие русские люди в осаде, и выручить их некому, крестьянские дворы на Сылве выжжены. Завоевав Кунгур, татары ставят себе острог (укрепление) и стреляют они при столкновении с русскими войсками «железными ядрами».

Данный документ подтверждается письмом игумена Спасского монастыря Никифора, который писал царю Алексею Михайловичу в 1664 г. о том, что сылвенские, иренские, шаквинские татары и уфимские башкиры жгут Воздвиженский монастырь и церковь. Народ, находившийся в них, перебили, а крестьянские дворы сожгли, старцев и служебных крестьян и бобылей побили и всякий скот «отогнали».

Об этом же писал 5 марта 1665 г. Соликамский воевода князь Семен Лукич Щербатово, производивший следствие по данному татаро-башкирскому восстанию. Он писал царю

Алексею Михайловичу: «Сылвенские татары и Уфимские башкиры воевали Вознесенского монастыря Сылвенскую Воздвиженскую пустошь, церковь Божию, и кельи, и дворы, и амбары с хлебом, и крестьянские бобыльские дворы, и мельницу сожгли без остатку, а старцев и стариц, и вкладчиков, и монастырских работников, и крестьян и бобылей с женами и детьми избили и в полон поймали, и скот отогнали, по сказке посельского старца, в живущих осталось только 4 бобыльских двора»⁹.

Следовательно, в результате взятия Кунгура татаро-башкирскими повстанцами в 1662 году и массовой расправы с его жителями в городе осталось только 4 бобыльских двора, т.е. он был фактически весь уничтожен.

Царь Алексей Михайлович особой грамотой, отвечая тому же воеводе от 23 мая 1665 г., повелел брать подать только с 4 оставшихся нетронутых «бобыльских» дворов⁸, а 21 разоренный двор освободить от всяких казенных платежей. Грамота Алексея Михайловича является убедительным свидетельством далеко зашедшей бюрократизации процессов управления российского государства (сам монарх входит в такие дела и устанавливает освобождение от налогов 21 бобыльского двора).

«Естественно», что после подавления восстания встал вопрос об урегулировании поземельных отношений на реке Сылве. В этих условиях игумен Вознесенского монастыря Киприан просил правительство о новой переписке Сылвенской монастырской вотчины, о формальном возобновлении установленных в 1654 г. Калининым и Сычевым границ. Алексей Михайлович исполнил просьбу старца, предписав Соликамскому воеводе И.Л. Монастыреву грамоту от 26 ноября 1670 г. — восстановить через нарочно избранных людей прежние границы монастырских вотчин на Сылве, указанные в межевых книгах Ивана Калинина 1654 г. Дело о размежевании монастырских земель по реке Сылве затянулось. Дело в том, что уездная грамота, представлявшая ответ на письмо игумена Киприана, была послана Соликамскому воеводе, тогда как в то время в Кунгуре был уже особый воевода.

Башкирское восстание, уничтожившее старый Кунгур, заставило правительство в 1664 г. перенести укрепление и весь город на новое нынешнее место, где до того стояло село Мысы. Укрепления города и на новом месте были возведены наспех.

Поэтому в 1675 г. они были заменены новыми «лучшими укреплениями», поскольку возможность новых восстаний башкир сохранялась.

Переселение города Кунгура на новое место, на 17 километров (верст) к северу от прежнего, уже само по себе должно было произвести немалые перемены в поземельных отношениях, знать которые на местном уровне мог только местный воевода. Поэтому Соликамский воевода Иван Леонтьевич Монастырев не мог «тотчас» исполнить предписание грамоты. Затянувшееся дело побудило преемника Киприана, который умер в 1671 г., нового игумена Сергия обратиться к царю с новой челобитной от 21 мая 1674 г. относительно необходимости размежевания земель по реке Сылве, согласно межевым книгам Ивана Калинина. Согласно этому вторичному ходатайству по государеву указу грамотой из Новгородского приказа от 26 ноября 1675 г. повелевалось формально произвести следствие о Сылвенских землях Кунгурскому воеводе Ивану Силычу Поливкину. Он выполнил предложение царя с теми же формальностями, как это в 1654 г. сделали Иван Калинин и Сычев, составив в 1675 г. подробные межевые книги, по возможности схожие с книгами Калинина. По представлению их в Москву они были утверждены царем Федором Алексеевичем, давшим по этому поводу 13 марта 1676 г. обширную грамоту новому Кунгурскому воеводе Федору Алексеевичу Зеленому¹⁰. Регулирование земельных отношений на реке Сылве создавало основу для спокойного мирного развития местного общества, свободного от национальных конфликтов. На следующий год после захвата и уничтожения Кунгура в 1663 г. по просьбе его жителей, спасшихся от «разорения», царь Алексей Михайлович повелел отыскать другое, более удобное место для восстановления Кунгурского острога. Таким образом «разоренный» в 1662 г. Кунгур был построен в 17 верстах от прежнего месторасположения.

В.Н. Шишонко справедливо возражал против утверждений местного историка Игнатьева о том, что в 1673 г. Кунгур был опять перенесен уже на третье место. «Это положение не верно, – утверждает он, – потому что в 1675 г. грамотой из Новгородского прихода было внесено в обязанности Кунгурского воеводы построить острог», который был построен за 12 лет до

того и «уже пришел в ветхость». «Стало быть, – резюмирует В.Н. Шишонко, – все эти 12 лет он стоял на одном месте»¹¹.

Военные укрепления Кунгура, по свидетельству Игнатьева, были «устроены» за счет жителей города и «окрестных крестьян», т.е. их личным трудом по наряду начальства. Большая часть укреплений в старину строилась повинностью жителей. Из некоторых выражений грамоты Новгородского приказа можно сделать выводы о том, что и Кунгурский острог строился и ремонтировался подобным образом. Заботясь об увеличении количества жителей в Кунгуре, правительство позволило в первые времена селиться здесь всякому, кто хотел, даже крепостной крестьянин, по свидетельству историка Никонова, делался здесь освобожденным¹². Такое право, данное Кунгуру, было исключением. Чем же оно мотивировалось? Только указом 1693 г., в котором сказано, что пришлых крестьян помещичьих и монастырских, поселившихся в Кунгуре и Кунгурском уезде ранее 1685 года и уже записанных в Кунгурские переписные книги, не высылать более на «прежние места». Цель данного указа – чисто финансовая – устранить путаницу в платеже податей. Речь здесь идет только о тех «самовольных пришельцах», которые жили в Кунгуре и Кунгурском уезде уже более 8 лет и по переписным книгам были уже обложены там податями. О том, что это было действительно так, свидетельствует другой более ранний указ, на который ссылается Игнатьев, а именно, указ 1661 года. Этим указом «повелевается» воротить на прежние жительства крестьян Соликамского и Чердынского уездов, переселившихся самовольно в Кунгур. Таким образом, сложно и трудно происходил рост населения Кунгура на новом удобном для укрепления месте. Это удобство заключалось в его выгодном географическом месторасположении: город должен был содержать за свой счет 100 стрельцов, выполнявших функцию защиты города от наскоков соседних кочевых народов. Однако малочисленность населения города в 70-80-е годы XVII века привела к тому, что горожане просили в виду их малочисленности сократить число стрельцов до 50-60 человек. В самом конце XVII века количество стрельцов было восстановлено в старом количестве и доведено до 100.

В административном отношении город Кунгур с 1682 до 1710 года с уездом, судом и управою находился в Казанском

приказе, а до этого времени был в Нижегородском приказе. С начала заведения (т.е. основания – В.С.) город Кунгур состоял под ведомством в Москве в Новгородском приказе до 1682 года, - совпадает в Пиликинской летописи.¹³ С 1710 по 1719 г. Кунгур находился в ведомстве Сибирского приказа князя Василия Ивановича Гагарина.

При проведении административной реформы 1719 года Кунгур был определен в ведомство Вятской провинции, в которой находился до 1724 года¹⁴. В этом году Кунгур был переведен в ведомство Соликамской провинции, в которой и находился до 1737 года, в котором по указу Правительствующего Сената Кунгур стал центром провинции, а Соликамская провинция была совсем уничтожена, и в административном управлении Соликамск был подчинен Кунгуру. В 1781 г. Кунгур стал уездным городом Пермской губернии и в этом статусе он находился до Октябрьской Социалистической революции.

События 1662 года, связанные с уничтожением Кунгура, не остались без последствий, город на новом месте не только расстраивался и расширялся, но и укреплялся.

Прогнившие башни и стены периодически ремонтировались. Снабжение артиллерией по указу Петра I происходило с Сибирских казенных заводов. Все эти мероприятия проводились на случай новых восстаний и натисков на город татар и башкир. Однако их не было. В 1708 году во время восстания башкир и татар они взяли ряд сёл Кунгурского уезда, отстоявших от города на 50-80 верст: Медянку, Суду, села Антоново, Богородское, Преображенское выжгли, однако к городу Кунгуру «приступа» со стороны башкир и татар не было. Укрепления города сыграли в этом отношении свою оборонительную роль. Зная о них, башкиры и татары не решились штурмовать город. Кроме того сил для этого у восставших было недостаточно.

В 1736-1737 г. уфимские башкиры и татары вместе с кунгурскими татарами «учинили бунт» и угрожали Красноуфимску и пригороду Осы, что находился на расстоянии 100-110 верст от Кунгура. Однако имевшимися тогда в уезде войсками бунтовщики были «поражены», Кунгур, Красноуфимск и посад города Осы были сохранены. А разорений от восставших даже в Кунгурском уезде не было¹⁵. Принятие необходимых предохранительных мероприятий со стороны коменданта Оренбурга, действительного тайного советника И.И. Неплюева, привело к

тому, что восстание башкир 1755 года не затронуло город Кунгур. «Город Кунгур и уезд его» от врагов башкир был «охранен».¹⁶

Однако оборонительные мероприятия представляли только одну сторону жизни города Кунгура. Город жил полнокровной и насыщенной экономической жизнью. В нем жила масса купцов, которые своей экономической деятельностью формировали и укрепляли его связи с уездом и с соседними городами. 17 июля 1783 года городу Кунгуру был дан герб, который представлял собой рог изобилия с колосьями хлеба. В 1798 году для удобства полицейского управления город был разбит на две части – Нагорную и Подгорную. Он занимал тогда площадь в 751 десятину 1249 квадратов сажень. В 1799 году был обнесен оградой городской собор, и вновь построено 65 торговых лавок, которые давали собору доход в 500 рублей в год. 19 июля 1824 года был утвержден первый план города Кунгура. Его дальнейшее расширение и рост, таким образом, теперь происходили уже не стихийно, а по заранее утвержденному плану, что придавало ему управляемый и стройный характер. С Кунгуром связана интересная страница в жизни и деятельности В.Н. Татищева.

Выдающийся деятель XVIII века, математик и естествоиспытатель, горный инженер и этнограф, археолог и лингвист, публицист и историк, практический деятель и администратор – таков далеко не полный перечень дарований удивительного по уму и универсальной многосторонности талантов этого человека.

Деятельность Василия Никитича на Урале была связана с Кунгуром. Для организации и развития промышленного производства и контроля над заводами во время войны со Швецией, когда для армии требовалось железо и медь, Петр I посылает на Урал капитана артиллерии В.Н. Татищева, назначив его Уральским и Сибирским горным начальником. Петр I знал Татищева не только как храброго и грамотного артиллерийского офицера, участника Северной войны, но и как широко образованного, обладающего незаурядными способностями, государственного деятеля и активного сторонника проводимых им реформ. В помощь Татищеву были назначены рудознатец Патрушев и горный мастер Блюэр, приглашенный Петром из Саксонии еще в 1703 году.

В.Н. Татищев прибыл в Соликамск со своей командой в конце декабря 1719 года. Здесь ему предстояло выполнить наказ Петра по изысканию удобного места для соединения Камы с Вычегдой для того, чтобы обеспечить уральскому железу и лесу выход в Архангельск. Знакомясь с жизнью и бытом пленных шведов, работавших в Соликамске, Татищев узнал о них, что к северу от верховодья Камы есть большое болото, Гуменцо, из которого берут начало две реки Кельтмы. Одна из них течет на юг и впадает в Каму, другая – на север, впадая в Вычегду. Татищев лично осмотрел эти места и составил об этом записку, которую отослал в Петербург. Канал был построен позднее. Одним из строителей его был пермский губернатор Модерах.

В.Н. Татищев прибыл в Кунгур 30 июля 1720 года. Кунгур тогда был богатым торговым городом. Далеко за его пределами славились изделия его кожевенного производства. Кунгурские товары охотно покупались на Ирбитской и Мокарьевской ярмарках. Плавили Кунгурский металл в маленьких горнах (домницах), железо получалось мягкое, чистое, им охотно пользовались не только местные кузнецы, но и приезжие покупатели из Соликамска, Уфы и Казани. Слух о прибытии начальника горных заводов Урала, знающем толк в рудах и горном деле, распространился далеко за пределами воеводской канцелярии. К Татищеву шли старатели. Крестьянин Федор Мальцев и татарин Болек Русаев принесли образцы руд из разных месторождений, либо неизвестных местному начальству, либо из тех, где, по их уверенности, руда «вынута вся». Татищев выдал рудоискателям по два рубля «за их усердие». Оба они были приняты на службу с оплатой 90 копеек в месяц. Осмотрев местные рудники, В.Н. Татищев и Блюэр немедленно приступили к делу: они нанимали рабочих, приобретали необходимые материалы, следили за ходом работ.

В обязанности В.Н. Татищева входило проведение розысков по целому ряду дел. Розыски дали ту же картинку, которая царила в верхах бюрократической лестницы, только с меньшим размахом товаров и присвоений, и с меньшим опасением за последствия противозаконных действий.

Получив в 1713 году указание разрабатывать медные руды, местные воеводы, в частности, Леонтий Шокуров со своим отцом Львом увидели в этом возможность «погреть руки».

Именем государства они заставляли крестьян работать (на заготовке леса, подвозке руды и т.п.), при этом они не только не оплачивали труд крестьян, но и не засчитывали выполненных работ в подушную подать. Кроме того, Шокуровы обременили местное население всевозможными поборами, обязанностью поставлять им бесплатно подводы и содержание во время их разъездов по округе. В результате крестьяне бежали в Сибирь, заведение новых предприятий практически прекратилось из-за препятствий основной массы крестьянства. Розыскные дела не принесли славы В.Н. Татищеву, виновных было слишком много, а главных виновников было «вообще не достать».

В результате хозяйствования царских воевод медеплавильное дело в Кунгуре находилось в таком запущенном состоянии, что в ближайшее время выплавку меди нельзя было возобновить. В.Н. Татищев доносил в Берг-коллегию, что необходимо создать достойный запас руды. Он рассылает повсюду особых людей для ее поисков. Это было опасно. Буляк Руцаев, отправившийся в прилегающие к Кунгуру земли, «едва не был убит башкирами». Татищев предложил Берг-коллегии приписать к Кунгуру 21 деревню к заводам в целях обеспечения их рабочей силой. Однако коллегия пошла другим путем, воздействуя через Сенат «на башкирских татар», чтобы они не строили препятствий «искателям» различных руд. Однако позднее деревни все-таки были приписаны к заводам. И это сыграло положительную роль в их развитии.

Для развития горного производства в Кунгуре возникли естественные препятствия. Истощалась сырьевая база – быстро вырабатывались местные руды. Завод встал, остались без дела литейщики – мастера своего дела. Новое место для завода нашли в районе реки Ягошихи. Место было очень выгодным в торговом отношении, поскольку отсюда через Каму открывался путь железу на Волгу.

Письмо В.Н. Татищева с предложением о перенесении Кунгурского медеплавильного завода на Ягошиху ушло в Берг-коллегию, а В.Н. Татищев поехал дальше, на Уктусский железоделательный завод. Завод простаивал месяцами из-за недостатка воды в речке Уктуске и холодными зимами, и жарким летом. Для этого завода Татищев с Блюэром нашли хорошее место, совсем рядом на реке Исети. С завода открывался водный путь и в Сибирь, и на Волгу, и на север России. Не дожи-

даясь формального разрешения на строительство завода, В.Н. Татищев сразу же приступил к закладке нового завода на Исети. Дело это, однако, осложнилось конфликтом Татищева с А.Н. Демидовым. Этот конфликт нашел обстоятельное освещение в литературе. Поэтому мы не будем касаться его содержания, отметим только, что Берг-коллегия запретила строительство новых заводов, а Петр I, назначив расследование по письму Демидова, отстранил Татищева от должности начальника горных заводов Урала и Сибири и назначил на эту должность генерал-майора Вильгельма Геннина, специалиста, хорошо знавшего горное дело. Познакомившись с состоянием дел на горных заводах Урала, В. Геннин, будучи человеком честным, хотя он и не во всем разделял взгляды Татищева, признал необходимым строительство новых заводов. В результате указа Петра строительство заводов на Урале было возобновлено. Весной 1723 г. Кунгурский медеплавильный завод двинулся на новое местожительство на Ягошиху.

Закладка Ягошихинского завода состоялась в мае 1723 года. В 1724 г. Ягошихинский завод уже давал продукцию. По свидетельству академика Георга 1773 года благодаря Кунгурскому купечеству второго подобного завода на Урале не было. Даже после преобразования Ягошихинского завода в губернский город Пермь, на должность городского главы избирались, как правило, выходцы из Кунгурского купечества. В.Н. Татищев понимал выгодное географическое положение Кунгура и многое сделал для того, чтобы придать городу статус центра провинции. При посещении действующих и организации новых заводов В.Н. Татищев столкнулся с очень острой проблемой – отсутствием на местах не только специалистов горного дела, но и просто грамотных людей. Школа, которая была в 1719 году открыта на демидовских заводах, просуществовала недолго, и не могла решить в полной мере вопрос подготовки квалифицированных кадров. В марте 1721 г. В.Н. Татищев написал в Берг-коллегию письмо с просьбой разрешить ему открывать при горных заводах новые школы. Такое согласие ему было дано. На основании указа Берг-коллегии В.Н. Татищев написал в сентябре 1721 года письмо Вятскому воеводе Чаадаеву с просьбой дать соответствующее указание Кунгурскому комиссару Попову о выделении и направлении детей церковных служащих на учебу. Татищев прекрасно понимал, – писал

Герман Чернышев, – что ответ из Вятки придет не скоро, а поэтому он провел предварительные переговоры с Поповым, а своему помощнику Патрушеву, человеку грамотному и расторопному, поручил принять от него детей.

Патрушев энергично взялся за дело организации школы. Он обошел дома чиновников и духовенства, выписал учебники. Выявил 38 юношей «грамоте умеющих». Однако когда для них провели испытание, то выяснилось, что 22 из них неграмотны, и пришлось их отправить по домам. Учеников, зачисленных в школу, обучали арифметике, геометрии и горному делу. Так начала действовать первая в Кунгуре и одна из первых на Урале школ. Через полгода начался новый набор в школу. Однако тут произошел любопытный случай: духовенство отказалось отдавать детей в школу. Отказ церковников Татищев не оставил без внимания. Он написал письмо-протест архиерею и В.Геннину, который только что по заданию Петра I прибыл на Урал и приступил к работе. Протест, по свидетельству Германа Чернышева, который специально занимался этим делом, возымел действие, и школа была укомплектована 8 марта 1722 года. В ней обучалось 9 поповских сыновей, 4 – детей дьячков, 1 – комиссара, 2 – подьячих служащих, 1 – урядника, 2 – посадских.

В качестве учителей школы назначались молодые специалисты московской и петербургской академий. Первоначально учителем в школе был воспитанник московской школы Калачев. Ему на смену пришел Д. Одинцов – тоже школьник – шихтмейстер. Кроме своих педагогических обязанностей, он выполнял функцию горного мастера. Татищев предписывает ему каждую пятницу ездить «на работу горную» для осмотра мест и учинения описи работ. Таким образом, первые Кунгурские педагоги преподаваемую ими горную науку «усердно подкрепляли на практике».

Впоследствии первая Кунгурская школа была преобразована в математическую и объединена с Уктусской. Это произошло не потому, что так хотел Татищев, а потому, что в окрестностях города не оказалось залежей руд. Они были обнаружены в других местах Урала. Поэтому в специалистах горного дела в Кунгуре не было такой острой необходимости. Духовное образование поповские дети с успехом получали в храмах. А Кунгуру требовались специалисты совсем другого про-

фия, ибо с 20-х годов XVIII века он стал прочно завоевывать позиции центра кожевенного производства.

Татищев понимал, какое большое значение в условиях Урала с его огромными просторами имеет транспорт. Поэтому он заботился об улучшении дорог. Путь в Сибирь был открыт еще в домонгольские времена. Он проходил тогда через северную часть уральского хребта. В 1596 году была найдена более южная дорога от Соликамска к Верхотурью и далее она шла по реке Туре. В Верхотурье собиралась пошлина. Эта дорога была неудобной, летом ею почти не пользовались. К тому же из Поволжья надо было делать большой крюк на север. Найден был другой более удобный путь. Он проходил через Кунгур и Уктус к Ирбитской ярмарке. Этим путем украдкой ездили купцы из Казани и Вятки, избегая уплаты пошлины (кроме уплаты за постой в демидовских слободах).

Татищев занимался приведением в порядок дороги от Кунгура до Уктуса, где с разрешения коллегии были поставлены почтовые кормчие. Он отправил донесение в Tobольск с обоснованием целесообразности перенесения основного тракта с Верхотурья в более южные районы. В.Н. Татищев отмечал здесь два обстоятельства: 1) эта дорога все равно используется; 2) за счет сокращения пути купцы выигрывали до 40% от их обычной прибыли. Такое повышение прибыли привело бы к расширению торговли и соответственно росту доходов казны. Из Tobольска пришел ответ: проезд по всем дорогам, кроме Верхотурья, «запретить». Был разрешен только проезд торговых людей из Казани, Уфы и Кунгура, но и их разрешалось пропускать только на ярмарку. Таковы некоторые аспекты многогранной деятельности Татищева, связанные с Кунгуром, в период его нахождения на должности начальника горных заводов Урала и Сибири.

Родоначальник революционно-демократической мысли в России Радищев, автор знаменитой книги «Путешествие из Петербурга в Москву», дважды посетил Кунгур, следуя по Сибирскому тракту в ссылку в Сибирь и возвращаясь из нее.

Татаринцев, основываясь на дневниках Радищева, архивных материалах и др. источниках, подробно и обстоятельно описал пребывание писателя в городе Кунгуре.

28 ноября 1790 г. Радищев выехал из Перми и в тот же день прибыл в Кунгур, остановившись здесь на пять дней – до

4 декабря. Известных причин, убедительно обосновывающих задержку такой продолжительности в городе, нет. Предположение о болезни сразу же отпадает, поскольку содержание сделанных им записей в Кунгуре свидетельствует о том, что он основательно ознакомился с городом, с его достопримечательностями, торговлей, промыслами и занятиями жителей. Поскольку прямого ответа на вопрос о причинах такой продолжительной остановки Радищева в Кунгуре в источниках не содержится, возникает необходимость его постановки в более широких концептуальных рамках. Необходимо связать его с мировоззренческими идеалами, которых придерживался Радищев после суда над ним и отправки его в ссылку в Сибирь, а также и после возвращения из нее. Однако сделать это отнюдь не просто. Противоречивость источников, сложность их истолкования и согласованная, политическая конъюнктура в России, подчас радикально меняющаяся, особенно на протяжении XX века, сказались на попытках подхода к решению данной проблемы иногда прямо противоположным образом.

Советский писатель Георг Шторм в книге «Потаенный Радищев», выдержавшей в период социализма три издания, пришел к выводу о том, что точка зрения, согласно которой Радищев в конце трагически прожитой им жизни якобы изменил своим революционно-демократическим убеждениям и, разочаровавшись в революции, стал либералом, уповающим на реформирование общества со стороны «просвещенных царей», не соответствует действительности. Такая точка зрения вошла в историческую традицию от П.Н. Милюкова. В период социализма она изменилась и сводилась к тому, что Радищев в последние годы его жизни был одновременно революционером и либералом (Семенников и его школа). В течении 60-80-х годов тема либерализма Радищева получила дальнейшую разработку в исследованиях Карякина и Плимака.

У Г.П. Шторма нашлись последователи. А.Г. Татаринцев в книге «Радищев в Сибири», основываясь на дневниках писателя и архивных материалах, не только подробно и обстоятельно описывает пребывание А.Н. Радищева в Кунгуре, но и делает заключение о том, что он передал книгу «Путешествия из Петербурга в Москву» городничему Г.И. Остермайеру. Однако это допущение не представляется возможным признать убедительным и доказанным. Во всяком случае, оно не вытекает

прямо из той системы доказательств, которая приведена в его книге. Честный и одинокий служака, не имевший в городе друзей, только за полтора месяца до проезда Радищева через Кунгур назначенный в него городничим, Г. И. Остермайер вряд ли решился бы на то, чтобы принять от Радищева такой подарок. А при проезде Радищева через Кунгур из ссылки в 1797 году Остермайер не мог пойти на это, имея в виду не сложившиеся отношения с Кунгурской городской думой, с купцами города, сложными семейными обстоятельствами (смерть жены). Многие факты распространения книги «Путешествия из Петербурга в Москву» приводятся Татаринцевым на основе не доказательств, а предположений.

Поэтому выражение «может быть», «могли побывать», «со многими Остермайер был знаком», «каждый из них с разной степенью вероятности мог стать обладателем книги», (а мог и не стать им, не «исключено, что передаточным звеном мог служить такой-то) и т.п. постоянно встречаются на страницах книги Татаринцева и не способствуют ее доказательности.

Само понимание о том, что «гидом», показывающим Радищеву город Кунгур в течение четырех дней его пребывания в городе, был городничий Остермайер, так же основано только на предположениях автора книги. Он мог быть им, а мог и не быть, и поручить сопровождать Радищева в процессе осмотра города одному из наиболее знающих и добросовестных чиновников. Что касается свидетельств Радищева о Кунгуре, то они, безусловно, достоверны и имеют большое значение в качестве первоисточника о состоянии различных сфер жизни города Кунгура в конце XVIII века.

Радищев прежде всего отмечает географическое положение города: «стоит на реке Ирени и Сылве», его внешний вид: «город старинный, но худо построен», его социальный статус: «бывший провинциальный», природный ландшафт города: «место красивое, вокруг поля». Описание города Радищев начал с его центра, с органов власти и тех орудий, на которые она опирается. Вот старая воеводская канцелярия, далее следует подробное описание орудий, средств устрашения, на которые опиралась власть, по отношению к тем, кого она считала «преступниками». На горе в крепости перед собором на площади стояли 20 пушек «чугунных на лафетах», из коих три годных, в сарае хранятся пушечки (фальконеты) Ермаковы и ружья весом

в пуд... «ствол чугунный, ложа деревянная, простая, замок старинный с колесами». Оружие устарелое, за которыми соответствующим образом не следили, и оно постепенно пришло в негодность, о чем свидетельствует состояние пушек, «Орудие казни» сохранились от XVII века: «топор, крюк, которыми за ребра вешали, утюг, т.е. кривое железо с ручкою», «железы или клейма малые». На всем этом описании Радищева лежит густая тень прожитого, все это, - хотел сказать он, теперь уже не используется, кроме порки и ссылки на каторгу в Сибирь.

А вот занятия жителей Кунгура – это то настоящее города, которому Радищев посвящает несколько строк. «Промысел Кунгурский, – пишет он, – кожевенный и салотопельный, хлебный, редкий заморский молочный товар». Считая Кунгур бывшим провинциальным городом, отмечая всюду в его описании налет «отсталости», писатель с удовлетворением и даже с некоторым оттенком удовольствия пишет о книжной торговле в городе, в котором продают «книги русские и Квинта Курция физиология».

Одним из основных занятий жителей города, в частности, кунгурских купцов, была торговля. «На базаре, – писал он, – продают рыбу из Сибири, свежую и соленую, хмель из Дании, сено, дрова, масло льняное, лен, оглобли, горшки, чугунки, па-току, сало».

Радищев прослеживает направление основных торговых потоков, которые связывали Кунгур с различными частями Российской империи, подчеркивая при этом, что Кунгурские купцы «имеют винные откупы в других городах», отмечая тем самым предприимчивость, а также их необычайную активность. Один из сыновей богатой купчихи Юхневой построил стеклянный завод в 25 км от Кунгура. Согласно городской «обывательской книге» сыновья Юхневой имели в городе Кунгуре лавки, салотопенные заводы, а в Кунгурском округе три хлебомольных мельницы и стеклянный завод.

Радищев пристально интересовался развитием торговли в Кунгуре. Ко времени приезда писателя город был купеческим. В процентном отношении купцы занимали в нем значительно больший удельный вес, чем в других городах Пермского наместничества.

По свидетельству Радищева, Кунгурские купцы занимались не только торговлей, но и земледелием. Они брали землю

в аренду, нанимали работников и платили им в период жатвы 20 копеек в день, что свидетельствовало о проникновении торгово-денежных отношений в сельское хозяйство.

В 1782 г. в Кунгуре насчитывалось 35 купцов и 2229 мящан. По данным на 29 ноября 1790 г. в городе «значилось» уже 886 домов, в которых проживало 266 купцов, 2035 мящан и цеховых.

Для сравнения напомним, что ко времени второго посещения Перми Радищевым в 1797 г. здесь насчитывалось всего 1657 жителей (249 купцов и 1023 мящан и цеховых, 139 человек дворовых и 246 разночинцев). Следовательно, Кунгур по количеству жителей и купцов превосходил в это время Пермь. Писатель отчетливо видел, что купечество еще не «осознало, не убедилось» в пользе школ. Поэтому в открытом за год до приезда Радищева в Кунгурском малом народном училище училось всего 46 учеников. Уже через год 34 из них «прекратили занятия». В последующем количестве учеников, посещающих училище, доходило до трех, приходилось вмешиваться городским властям и, в частности, городничему Остеймайеру для того чтобы выправить положение.

Для сравнения отметим, что в Екатеринбурге находилось крупнейшее в Пермском наместничестве горное училище с 300 учащимися, с монетным двором, с крупнейшим тогда на Урале Верх-Исетским заводом. Ко времени второго посещения Кунгура Радищевым в 1797 г. в городе за 7 лет увеличилось население: по данным на 1801 год в нем насчитывалось 2840 жителей. Еще более интенсивно «коптили» многочисленные заводы, количество которых с 85 в 1730 году увеличилось до 100 в 1797 году, т.е. на 15,3 %. Во время второго посещения Радищевым Кунгура городничий Остермайер, очевидно, сетовал на свои конфликтные отношения с городской Думой, с купцами города, со своеволием жителей. Все это очень беспокоило городничего и вместе с трагической смертью жены и ребенка привело его к преждевременной смерти в июле 1797 года, т.е. спустя месяц после проезда через Кунгур Радищева, возвращающегося из Сибирской ссылки.

Интересно, что Радищев правильно уловил основную тенденцию развития Кунгура как торгового города, расположенного на выгодных, с этой точки зрения, торговых магистральных, связывающих Европу с Азией, отметил взаимосвязь развития

легкой промышленности в городе (кожевенной, салотопенной и т.д.) с сельским хозяйством района, расположенного вокруг города, поставляющего для ее развития сырье в виде мяса (салотопенные заводы) и кожевенные. Писатель понял и отобразил в своих записях о Кунгуре неприятие городским купечеством необходимости постановки проблемы образования в городских масштабах. Кунгурские купцы в этот период времени еще предпочитали учить своих детей дома. Понимание необходимости получения образования у Кунгурского купечества (да и не только у него) придет позднее, уже в XIX веке, в связи с усложнением той системы знаний, навыков и умений, которые необходимы для занятий торговлей.

Духовная жизнь города находила свое выражение в строительстве храмов. В 1700 году был построен Благовещенский собор, Успенская церковь была построена в 1761 году, Тихвинская – 1763 г., Преображенская – 1762, Предтеченская – в 1782 году. В статье Бувеского «Материалы для статистики города Кунгура», напечатанные в 12-14 номерах «Пермских губернских ведомостей» за 1857 год, приводятся уточненные данные строительства и освящения Кунгурских храмов.

Согласно этих данным, Благовещенский собор, основанный в 1700 году, освящен 23 января 1704 года. При нем был построен теплый храм Богоявления с приделом Великомученицы Прасковьи, освященном 6 июня 1740 г. Успенская церковь была освящена в 1761 году, а теплый придел Св. Стефана Великопермского – в 1755 г., церковь Св. Мины при той же церкви – в 1776 г., Тихвинская церковь построена в 1763 г., Преображенская заложена в 1763 г., строительство завершено в 1781 г., Предтеченская церковь построена – в 1783 г., церковь на кладбище – в 1838г., а за Сылвой – в 1844 г.¹⁷

Ссылаясь на статью Игнатьева «Город Кунгур», опубликованную в «Пермских губернских ведомостях», № 89 за 1869 год, А.А. Дмитриев находит разночтения со статьей Буцевского, данные о церковных храмах Кунгура в которой основаны на работе Н. Попова «Хозяйственное описание Пермской губернии» Изд.1 – т. 2, с. 279 и др. «Сравнительно, отмечал А. А. Дмитриев, - мы находим здесь следующие несходства: церковь Мученика Мины основана в 1744 г. купцом Леонтием Пасьяновым, Успенская церковь с приделами построена в 1755-1761 г. купцом Иваном Михайловичем Хлебниковым, сын которого

Тимофей при этой церкви построил женскую богадельню; Тихвинская церковь с приделом Иоанна Богослова построена в 1756 г. Она была построена разными лицами при собственном участии воеводы Юрия Афанасьевича Матювина; Преображенская церковь построена в 1768 г. Иваном Михайловичем Хлебниковым.

Церковь Иоанна Предтечи с приделом Николая Чудотворца на городском кладбище была построена в 1787 г. купцом Семеном Васильевичем Юхневым. По свидетельству А.А. Дмитриева, подробные указания Н.С. Попова о строительстве кунгурских храмов заслуживают особенного доверия». Для нас важно это свидетельство выдающегося историка-краеведа, жившего значительно ближе нашего к описываемому времени и, следовательно, имевшему возможность лучше нас знать сохранившееся от того времени источники.

Незаурядным событием в жизни Кунгура, надолго врезавшимся в память его жителей, явилась встреча жителей города 30 сентября 1824 года с императором Александром 1. Император ехал проездом из Оренбурга через Екатеринбург по тракту. Встреча императора с жителями города Кунгура состоялась в 12 часов дня под колокольный звон и крики «Ура». Государь принимал граждан Кунгура очень ласково, день был прекрасный, и народу было очень много. Хлеб и соль ему подносил городской голова, купец 2-й гильдии Г.И. Пиликин.

Постепенно город делает разворот в сторону основания в нем промышленных предприятий. В мае 1825 года было начато строительство салотопенного завода Пиликиных. Строительство было заложено в 1825 г. Завод стоил 100000 рублей.¹⁸

18 декабря 1826 года была построена на речке Шакве при кожевенном заводе плотина «с толчеею». Купцы Пиликины богатели. Об этом свидетельствует то, что 21 сентября 1833 года ими был куплен салотопенный и мукомольный Терсинский завод у В.В. Гиль за 7200 рублей.¹⁹

Летопись Пиликиных является ценным источником о таких трагических событиях местной истории, как неурожай. Из нее мы узнаем о ценах на хлеб в неурожайные годы. Хлеб ржаной с января по июнь 1834 года продавался по цене 1 рубль 80 копеек-2 рубля за пуд, овес – 1 рубль-1 рубль 35 копеек за пуд. Крайне дорого было сено, независимо от того, какого оно было

цвета и качества. Покупали сено по 1 рублю за пуд, и цена сена доходила до 1 рубля 20 копеек за пуд.

В прошлые годы цена сена не поднималась выше 15-20 копеек за пуд, солома вместо того, что прежде стоила по 50 копеек за воз, теперь (т.е. в 1834 г. – В.С.) сделалась по 3-4 рубля за воз. По свидетельству летописи, в этом году голод был во многих губерниях, в особенности украинских, и цена хлеба доходила до 8 рублей за пуд, а сена вообще не было²⁰. Многотысячные крестные ходы, на которых присутствовали не только жители города Кунгура, но и соседних деревень и сел Крестовоздвиженского, Неволинского, Комаровского с массой хоругвей из церквей Кунгура и деревенских часовен, не помогали. Молящиеся жители Кунгура и окрестных сел дали обещание ходить ежегодно молиться Богу на Спасскую гору в 9-10-е воскресенье по пасхе.²¹ В 1837 г. в Кунгуре было наводнение, уровень воды в реке Сылве был таким высоким, что вода была у колокольни Преображенской церкви и вокруг самой церкви, значительная часть города была затоплена. Однако наряду со стихийными бедствиями, наводнениями, пожарами были у жителей Кунгура и светлые, приятные моменты в их многотрудной жизни. К числу таковых нужно отнести посещение города 25 мая 1837 г. наследником российского престола Александром Николаевичем (будущим императором Александром II – В.С.). Наследник был в городском соборе, «молился земными поклонами», прикладывался к местным иконам, осмотрел знамя и ермаковские пищали, городские железные пушки. Знамя сохранилось со времен Пугачевского бунта, оно значительное время хранилось в Пиликинской церкви. Значительными событиями провинциальной Кунгурской жизни были посещение города высокими чиновниками, они на время встряхивали сонную паутину жизни и вызывали некоторое оживление внимания у горожан. В частности, это относилось к визиту в Кунгур 9 марта 1833 года сенатора Ивана Ивановича Пейкера для образования межевой конторы.

В 1835 г. в Кунгур приезжал генерал-майор жандармерии Петр Иванович Апраксин. Он прибыл в город по случаю бунта крестьян в Кунгурском уезде. С восставшими крестьянами у правительственных войск было сражение в деревне Байкиной. Граф, вместе с другими чиновниками, производил следствие по

этому случаю. Он пробыл в Кунгуре до сентября -месяца, а затем уехал в Казань.²²

Однако главную особенность, характеризующую лицо города, представляло кожевенное производство. Оно возникло в Кунгуре уже в 1720 году. В этом году семь умельцев и посадских людей установили чан и выделали 140 кож. В 1724 году в Кунгуре был основан первый кожевенный завод. По ревизии 1763 года на заводе работало 72 сапожника и 94 сыромятника. В первой половине XVIII века в Кунгурском уезде приступили к выплавке меди. В 1712 году вступил в строй медеплавильный завод на реке Сылве близ Кунгура. В последующие годы были построены заводы в Быму, Ашапе, Курашине и др. местах.

В это время Кунгур занимал одно из ведущих мест среди уральских городов по количеству населения. В середине XVIII века в Кунгуре насчитывалось 1785 душ мужского пола, в Соликамске – 1621, Тюмени – 1419, Оренбурге – 1012, Уфе – 228, Екатеринбурге – 201 и Челябинске – 104 человека.²³

К 1771 году Кунгур насчитывал уже 5523 жителя. В XIX веке быстрыми темпами развивается не только выработка кож, но и изготовление из нее разнообразных изделий (обувь, а также широкий ассортимент кожано-галантерейных изделий). В 1859 году на заводе братьев Пиликиных было выделано 18 тыс. кож стоимостью 66 тыс. рублей, в том числе 1000 подошвенных и 900 сыромятных кож. К 1860 г. в Кунгуре насчитывалось 99 кожевенных заводов, на которых было занято 749 мастеров. Общая сумма выпускаемой продукции составляла 1 млн. 94 тыс. рублей.²⁴ Быстрое развитие кожевенной промышленности и торговли в Кунгуре происходило в пореформенное время, во второй половине XIX века. Это уже особая глава в истории города, которая требует специального освещения.

КУНГУР В ПЕРИОД КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 1773–1775 г. (ГЕНЕЗИС ИДЕОЛОГИИ ВОССТАВШИХ)

Источники, найденные Е.Д. Золотовым, свидетельствующие о событиях, связанных с крестьянской войной 1773–1775 г. под руководством Е.И. Пугачева, затронувшей Кунгур, позволяют высветить ряд элементов идеологии восставших, которые вплоть до последнего времени оставались в тени и которые требуют объективного анализа для понимания хода исторического развития общества. Кунгур представлял собой локальную точку в общем пламени пожара крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева, охватившей значительные просторы необъятной Российской империи. Однако события, которые здесь происходили в период нескольких попыток пугачевцев взять город штурмом, дают богатый конкретный материал, который, будучи сопоставлен с документами других регионов России, в которых действовали восставшие, позволит уточнить генезис идеологии восставших, т.е. те конкретные цели, которые «бунтовщики» под руководством Е.И. Пугачева ставили перед собой, и те средства, с помощью которых они хотели их добиваться.

Цель крестьянской войны, т.е. ее планируемый результат, вытекали из интересов восставших, а последние, в свою очередь, являлись осознанными потребностями крепостных крестьян горнозаводского населения Урала, яицкого казачества и восстаний национальных меньшинств края: башкир, татар, удмуртов, черемисов и др.

Идеология представляет систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, в которых содержатся ее цели и программы социальной деятельности, направленной на закрепление и изменение данных общественных отношений. В марксистской политологии идеология носит классовый характер, социальные и политические теории Запада характеризуются плюрализмом идеологических построений, по-разному оценивающих роль данного понятия в зависимости от тех целей, которые ставит перед собой конкретное политическое партийное или общественное движение.

Причины крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева подразделялись на два типа: общие и особенные. К первым принадлежали противоречия между народом и господствующим классом дворян, выраженные непосредственно и опосредованно в первом случае: это восстание крепостных крестьян и горнозаводского населения Урала (мы имеем в виду частновладельческие или посессионные мануфактуры края), во втором – яицкое казачество и национальные меньшинства Урала, которые свою ненависть направляли против феодального государства, являющегося концентрированным органом выражения интересов крепостников-помещиков. Особенности проявления общих и локальных форм восстания вытекали из местных условий: с одной стороны, складывающихся и формирующихся объективно, а с другой – они зависели и обуславливались субъективными качествами царских чиновников, обдирающих как липку национальные меньшинства Приуралья и Поволжья. Царские чиновники делали поборы с башкир в несколько раз больше, чем это предусматривалось нормами и законами Российского государства.

В возникновении крестьянской войны Е.И. Пугачева существенное значение сыграли объективные и субъективные условия, сложившиеся к моменту начала восстания. Они с разной степенью остроты могли проявиться и действительно проявились на Урале, в Башкирии и в Поволжье.

Однако на общий ход и исход крестьянской войны влияло наличие субъективного фактора, соответствующего тем обстоятельствам, которые тогда объективно сложились в России в головах многомиллионного крепостного крестьянства. Выразителем их интересов стал донской казак Е.И. Пугачев. Он был в свое время участником семилетней войны, а в последующие годы в качестве беглого донского казака побывал в ряде регионов России, везде он наблюдал тяжелую жизнь народа, его недовольство существующими в стране порядками, и последнее сформировало его готовность выступить против них. Прибыв на Яик после подавления здесь выступлений яицкого казачества, недовольного лишением органов казачьего местного самоуправления, он увидел, что почва для нового мятежа здесь готова. Он решил действовать. После ряда совещаний с ядром недовольных казаков Пугачев объявил себя императором Петром III.

Пугачев обладал необходимыми качествами руководителя; он знал военное дело, имел навыки военного руководителя, умел подбирать себе помощников из числа толковых руководителей и знатоков военного дела: Хлопуша Белобородов, Салават Юлаев, Чика-Зарубин и др. Путешествуя по Руси, он знал потребности разных слоев народа и умел их формулировать на языке, понятном народу.

Пугачевские манифесты, появившиеся на Урале и, в частности, под Кунгуром, производили свое электризирующее влияние на массы простого народа.

Существенное значение имело и знание Пугачевым царистской идеологии крестьян, которые не представляли никакой формы правления в России, кроме царистской. Крестьяне были против плохого царя (Екатерины II) и за хорошего царя (Петра III), который за несколько месяцев своего правления создал о себе в народе своими указами о переводе монастырских крестьян в государственные хорошую память.

Использование Пугачевым царистской идеологии крестьян имело для восставших большое положительное значение. Эта идеология облегчала переход в лагерь восставшего народа колеблющихся, сомневающихся элементов яицкого казачества, уральского горнозаводского населения и национальных меньшинств. Для отсталых слоев населения использование Е.И. Пугачевым имени императора Петра III создавало видимость привычной законности их действий по поддержке восстания. Захваченные в плен или арестованные повстанцы на допросах тарасили в недоумении глаза и ссылались на то, что они не бунтовщики, они поддерживали законного императора Петра III. На вопросы следователей о том, знают ли они, что государь Петр Федорович давно умер и вместо него действует беглый донской казак Емелька Пугачев, подследственные, бывшие бунтовщики, отвечали, что они даже не слышали о нем. О манифестах царствующей императрицы Екатерины II, в которых данное положение разъяснялось, они «не слыхали». Это, конечно, было не так. Манифесты царствующей императрицы зачитывались перед массами народа в городах и селах. Однако, поскольку строгой отчетности о присутствующих на этих мероприятиях не было, создавалась возможность отрицать присутствие на них и знание самого факта о смерти императора Петра III. Восставшие яицкие казаки, рабочие горных заво-

дов Урала, башкиры, татары и другие угнетенные народы Приуралья и Поволжья ставили перед собой определенные цели. Они мечтали и боролись за то, чтобы освободиться от обременительных поборов царских чиновников, они боролись за то, чтобы получить в собственное владение земли, когда-то принадлежавшие им, чтобы иметь возможность исповедовать свою старую веру, иметь казачье самоуправление на Яике, отмененное правительством Екатерины II.

Пугачев в своих «Манифестах», призывая народ поддерживать его и присоединиться к его войску, должен был излагать народные идеалы, т.е. его представление о желаемом, наилучшем общественном строе. Народные идеалы в Манифестах, изданных от имени императора Петра III, выражались в том, что он обещал народу «пожаловать ему» земли, воды, травы, крест и бороду.

Пугачев, правильно рассматривая яицкое казачество в качестве детонатора крестьянской войны в России, в то же время полагая, что нужно поддержать требования крестьянства на землю и волю. Он заверил казаков, что оставит яицкое войско при его прежней «вольности». «Обещаюсь перед богом любить и жаловать яицкое войско так, как и прежние цари. И буду вас жаловать рекою Яиком и впадающими в оную реками и протоками, рыбными ловлями, землею, сенокосными и всеми угодами безданно и беспошлинно распространю соль на все четыре стороны – вези кто куда хочет».¹ Пугачев обещал жаловать яицких казаков «всякой вольностью и деньгами».

Его признала значительная часть яицкого казачества. Один из видных представителей казачества старшина Т. Мясников в разговоре с М. Горшковым, позднее примкнувшим к восстанию, говорил о том, что по многим советованиям приметили мы в нем проворство и способность, вздумали взять под свое защищение и его сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые правительство давно старается у них переменить введением к ним какого-то нового штата, чего они никогда не хотели принять».² Отсюда становится ясным, что, обеспечив авторитет у верхушки яицкого казачества и у массы рядовых казаков в своих незаурядных личностных возможностях, Пугачев создал благоприятные предпосылки для начала восстания.

Однако для того чтобы восстание имело шансы на победу, нужна была массовая поддержка его со стороны крестьянства, составлявшего основную массу населения России. Поэтому Т. Мясников говорил М. Горшкову о том, что яицкие казаки решили назвать Пугачева императором Петром III, полагая, таким образом, обеспечить за ним широкую народную поддержку и удовлетворение не только требований яицких казаков, но и крепостных крестьян, и истребление дворянства, которое притесняет и разоряет народ³.

Таким образом, социальный идеал восставших заключался в получении крестьянством земли и воли. Идеальное будущее российское государство рисуется в Манифестах Пугачева как всеобщая казачья республика, т.е. яицкие казаки получают те формы самоуправления (казачий круг, который уполномочен решать все вопросы жизни казачества), которые у них были в прошлом, и эти формы казачьего самоуправления будут распространены на всех крестьян, на всю Россию. Элемент анархистского волеизъявления масс свидетельствовал – при отсутствии внимания к вольнонаемному труду – об утопичности и обреченности народного идеала в будущем. Элементы индустриализации даже в форме мануфактуры не могли в нем развиваться.

Наряду с этими общесоциальными требованиями восставших у наименее сознательной их части в качестве требований и желаний, особенно при крайней бедности, было желание «пожить и пограбить».

Это желание «сладко пожить и пограбить» выразилось в период осады Кунгура. В устной народной традиции сохранился рассказ, зафиксированный Е.Д. Золотовым, о том, как крестьяне деревни Новой передавали остановившимся у них перед штурмом Кунгура восставшим, которые, хвастаясь, говорили: «Вот возьмем Кунгур – портянки будем носить шелковые».⁴ За счет чего они рассчитывали на такую необычную для тех времен роскошь? Ясно одно: за счет грабежа богатых кунгурских жителей, прежде всего купцов.

Грабеж имущества богатых разного социального положения, а не только помещиков и горнозаводчиков, – их на Урале не было; первых в силу обстоятельств освоения русскими данной территории, а вторые – жили преимущественно в столицах Российской империи или за границей. В грабежах проявлялось

чувство ненависти и понимание несправедливости богатства, нажитого путем эксплуатации низших слоев российского общества.

С одной стороны, желание хорошо пожить, хотя бы на краткий миг, если для этого представилась возможность. Такая мысль приходила многим представителям низов российского общества, и значительная часть из них не устояла перед таким соблазном и принимала практическое участие в крестьянских экспроприациях. В массе восставших наряду с искателями социальной справедливости было много «примазавшихся» грабителей и пьяниц, которые решили, что пришел, наконец, их день, и они могут и имеют право поживиться за счет несправедливо нажитого имущества богатых.

Однако эта масса «примазавшихся» к восставшим грабителей и любителей «веселой» жизни составляла тот негативный имидж восставших, который играл на руку силам порядка, позволял им под угрозой лишения имущества со стороны восставших выступать против них, создавать единство сил правящего лагеря, включать в него часть низов народа, которые боялись потерять свое имущество в начавшейся социальной схватке. Сумма награбленного восставшими в кунгурском уезде составила 8540 рублей 95 копеек. По тем временам это была очень значительная сумма. Грабеж восставшими имущества богатых в уезде принял широкий характер.

Когда отряды Пугачева, разграбив окрестные заводы и поселения, стали приближаться к Кунгуру, о них в городе уже сложилось определенное негативное представление. Жители Кунгура уже знали, что бунтовщики, разъезжая по уезду «большими партиями», ограбили многие окрестные селения, отобрали имущество многих богатых купцов и посадских людей, разграбили лучшие мельницы и кожевенные заводы, забрали у населения в селах скот и хлебные припасы, реквизировали сено и кожи, железные «поделки и всякий скarb». Все награбленное восставшие увозили в селения, являвшиеся очагами восставших. Последнее вселяло страх и желание защитить Кунгур «до последней возможности» со стороны имущих слоев населения.

Бунтовщики, подходя к Кунгуру, грозили разграбить его. С их стороны это был ошибочный шаг, заставивший консолидировать в городе силы правительственного лагеря. Цементи-

рование единства населения Кунгура превратило его в неприступную для повстанцев крепость. Дело дошло до того, что все купечество обязано было «подпиской» защищать город от вторгшихся в Кунгурский уезд пугачевских отрядов. Это была высшая форма спайки и единства интересов народов города Кунгура.

Кунгурский городской магистрат, собрав всех жителей, «строжайше» «подтвердил, чтобы они всеми силами стремились» «крепко стоять против злодеев, несмотря на их устрашения и обольщения». ⁵ Это мероприятие городского магистрата имело тем большее значение, что приближение пугачевских отрядов к Кунгuru застало город «врасплох». Он не был готов к обороне. Его укрепления были в запущенном состоянии. ⁶

Страх перед наступающими пугачевскими отрядами был так велик, что кунгурский воевода Никита Иванович Миллер вместе с капитаном Григорием Бутковичем и членами своей семьи на четырех подводах тайно ночью 27 декабря 1773 года покинул Кунгур. Куда он уехал, первоначально в городе не знали, и только через несколько дней выяснилось, что он уехал в Чусовские городки. Н. Миллер объяснял свой поступок жителям города Кунгура в своем письме необходимостью проведения «работы среди крестьян». Он обращался к жителям Кунгура с просьбой «крепко» стоять на защите города и ни в коем случае его не сдавать восставшим, обещая 3 января 1774 года вернуться в Кунгур. Свое слово он сдержал. Однако за трусость и дезертирство, проявленное в ответственную для города минуту, он был освобожден от должности воеводы.

А теперь рассмотрим, что произошло в городе после дезертирства воеводы. В отсутствие Н. Миллера руководство оборонными мероприятиями по подготовке города к отражению «пугачевских шаек» взял на себя городской магистрат. Под руководством президента магистрата Ивана Хлебникова при участии именитого купечества и многих жителей была организована оборона города по отражению пугачевских «шаек».

Бургомистр города Филипп Кротов 30 декабря 1773 года отправился на Юговской казенный завод к члену правления завода М.И. Башмакову, проинформировав его о ситуации, сложившейся в городе. Ф. Кротов подчеркнул, что в условиях отсутствия воеводы Н. Миллера, горожане, оставленные военным руководством города на произвол судьбы, «пришли в от-

чаяние» и решили сдать город восставшим «без сопротивления». Ф.Кротов с трудом уговорил их подождать, пока он съездит к Башмакову, у которого имеется достаточное количество военной силы и пороха. У М.И. Башмакова было мало и того, и другого. Однако он, понимая критический характер ситуации, сложившейся вокруг Кунгура, и стратегическую важность обороны города, предоставил Ф. Кротову полпуда пороха и воинскую команду, состоявшую из 50 человек. Он заверил Ф. Кротова в том, что как только поступит воинская помощь из Казани, часть ее сразу же будет направлена в Кунгур, а такая помощь ему уже была обещана, и он ее уже ожидал.

Город был укреплен, а его жители после возвращения бургомистра Ф. Кротова приободрились. В эти дни восставшие заняли большую часть Кунгурского уезда. Они захватили ближайшие поселения на подступах к Кунгуру – Тихоновку, Старый посад и Степановский сторожок. 3 января 1774 года восставшие впервые показались под Кунгуром, а 4 января предприняли первую попытку овладеть им штурмом. Однако из этого у них ничего не получилось. Выстрелами из пушек и вылазкой городского ополчения восставшие были обращены в бегство.

В журнале Кунгурской городской Думы, посвященном 100-летию юбилею избавления города Кунгура «от нашествия Пугача» в 1774 году, сообщалось, что между тем прибыл в Кунгур командированный ассессор Екатеринбургского главного управления уральских горных заводов М.И. Башмаков, который должен был разъяснить крестьянам и жителям Кунгура, кто такой Пугачев. По просьбе Ф. Кротова М.И. Башмаков прислал в Кунгур несколько пушек, которые в 1775 году были обратно возвращены на Юговской казенный завод.

Приступ восставших 4 января 1774 года на Кунгур был отражен, восставшие бежали. При этом поручик Посохов, посланный горным начальством из Екатеринбурга для защиты Кунгура, «до того увлекся успехом», что с небольшим отрядом пустился в погоню за отступавшими, попал в засаду и был убит.⁷

Новые попытки пугачевских отрядов взять Кунгур штурмом 9, 11, 15 января 1774 года были отбиты майором Поповым и другими храбрыми защитниками Кунгура.

Во время штурма 15 января 1774 года защитниками Кунгура у восставших было отбито 5 пушек, убито 50 человек и взято в плен 161 человек. Если учесть, что все познается в сравнении, то достаточно напомнить, что у кунгуряков потери составили 1 мещанина, который был ранен, и у них не было ни одного убитого. Потери гарнизона города были несопоставимы с потерями у восставших, что свидетельствовало о его лучшей военной организации.

Консолидация сил правительственного лагеря в отношении Кунгура выразилась в том, что на помощь городу М.И. Башмаковым был послан отряд под командой Никонова из заводских людей, состоявший из 170 человек, вооруженный 108 ружьями. Башмаков торопил Никонова как можно скорее идти на помощь Кунгуру. В это время на помощь городу шел отряд, посланный Бибиковым из Казани под командой майора Гагрина, в количестве 200 солдат. Зная, что все дороги к Кунгуру заняты «шайками восставших», Башмаков усилил отряд Гагрина 60 казаками, набранными из Юговских заводских крестьян и 200 человек, набранными из жителей села Муллы. Гагрин с отрядом в 400 человек прибыл в Кунгур 25 января 1774 года.

23 января 1774 года был последний штурм Кунгура со стороны восставших. Приступ был успешно отбит. В бою отличились Попов и Никонов. Потери горожан составили 8 человек купцов и несколько мещан, которые были убиты. Восставшие бежали подальше от города. Гагрин и Попов пошли за ними в погоню, и 30 января 1774 года при селе Ординском, в 28 км от Кунгура, разбили восставших.⁸

Кунгур был спасен. Екатерина II, узнав об этом из Всепозднейшего доклада Сената 28 июня 1775 года, щедро наградила защитников города. Майор Попов был произведен в подполковники, Кротову и Хлебникову были пожалованы шпаги, городу были прощены недоимки прежних лет на сумму в 5069 рублей 95 копеек, убитых было велено считать за взятых с города рекрут. Больше всего от восставших пострадало купечество. Общая сумма утраченного ими имущества составила 8548 рублей 95 копеек.⁹

В период подступа к Кунгуру пугачевских отрядов активную роль в их отражении сыграла православная церковь. Крестными ходами, пением молитв, проповедями священников

Кунгурских храмов она вселяла мужество в ряды защитников города, укрепляла их единство, вселяла уверенность в победе над неприятелем. Особая роль в этом отношении принадлежала Иконе Тихвинской Божией Матери. Горожане были уверены, что святой священномученик Климент спасет город. Во время одного из штурмов, когда на валу города показался крестный ход, восставшие приняли его за многочисленное войско и, никем не преследуемые, побежали от города, жители которого рассматривали данное явление как святое чудо. Кроме обеспечения духовного единства жителей города его руководители придавали большое значение функции устрашения.

Устные предания о пугачевском нашествии на Кунгур сохранили любопытные подробности о жестоких расправах защитников города над попавшими в их руки восставшими, которых нет ни в каких других документах. Кунгурские сторожилы рассказывали Е.Д. Золотову, что пойманных участников злодейских шаек казнили как в городе, так и в его окрестностях. Многих из них вешали на деревьях, Иренской и Ледяной горах для «устрашения других».¹⁰ Вешали их за ребра на железные крюки. Трупы долго не убирали, пока они не разлагались сами собой «от времени». Так был повешен в городе на площади напротив Собора, где теперь находится Гостиный двор, татарин. Его повесили на крюке за правое ребро, после этого он стал плевать на окружающий его народ. Татарин бился на крюку и был жив трое суток.¹¹

Сурово расправлялись кунгуряки с идейными работниками восставших. Во-первых, руководители города стремились к тому, чтобы не допустить до сведения населения города пугачевских «манифестов». Когда пугачевский полковник Батыркай Ишкинев через священников Федора Иванова и Ивана Лукина передал в Кунгур письмо, в котором содержались пугачевские манифесты – это письмо городские власти скрыли от народа, «дабы не волновать его».

Во-вторых, они сурово расправлялись с идейными работниками восставших. В отношении двух пойманных писарей, писавших пугачевские манифесты от имени императора Петра III, устная традиция сохранила предание, что одного писаря повесили обычном способом на Иренской горе, а другого повесили за ребро около деревни Кадешниковой. Последний долго висел и мучился, и, если кто-либо проходил поблизости, он

только произносил: «Пить! Пить!». Эти висельники, по преданию, наводили большой суеверный страх на народ.¹²

Идеологическая защита города дополнялась такими жестокими наказаниями. С особой значительностью и с необычайно широким размахом отмечали в Кунгуре 100-летний юбилей победы его жителей над подступавшими под его стены восставшими отрядами в период крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева. В память этого события в городе с того времени исполнялись крестные ходы, 26 июня из Тихвинской церкви с поднятием иконы Тихвинской Божией Матери к тому месту, куда ее выносили во время приступа бунтовщиков 23 января 1774 г. Кроме того, ежегодно происходил ход с иконами 6 августа из Преображенской церкви к деревенской башне того же названия, которая находилась на Мининской площади. 23 января происходил крестный ход из той же Тихвинской церкви к Благовещенскому собору, причем один из членов городского самоуправления носил знамя, сохранившееся в Тихвинской церкви со времен пугачевского восстания с вензелем императрицы Екатерины II.

Чтобы сохранить в потомстве память о счастливом избавлении города «от злодейского погрома и о подвигах наших предков, которые, не щадя своего живота, ревностно защищали город, а некоторые из них даже погибли в борьбе с врагами», в честь этого события было принято решение воздвигнуть памятник на том месте, куда ежегодно совершается крестный ход 26 июня с поднятием Иконы Тихвинской Божией Матери. Сумму, необходимую для сооружения памятника, было решено собрать по подписке у местных горожан.

Было также решено в память этого события поместить за счет города в одном из высших учебных заведений стипендиата из детей местных граждан для получения медицинского образования. Стипендию за счет города назначить ему на все время обучения в вузе, исходя из расчета 300 рублей ежегодно, с тем, чтобы после окончания учебного заведения он проработал в Кунгуре врачом не менее пяти лет с окладом 1200 рублей в год. Данное решение городской Думы было проведено через все необходимые служебные инстанции Перми и Петербурга.

Система мероприятий, принятых кунгурской городской Думой, имела большое воспитательное значение. Она закладывала и формировала традиции верности существующим в Рос-

сии общественным отношениям и цивилизованным формам их изменения, к необходимости освящения их православной церковью. Восставшие не прибегали к помощи религии, хотя с другой стороны, у них не было того негативного отношения к ней, которое сформируется у деятелей революционного движения впоследствии.

В период крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева основную идеологическую функцию восставших выполняли пугачевские манифесты, в которых от имени императора Петра III содержались обещанные свободы и земли представителям всех низших сословий России (крепостным крестьянам, горнозаводским рабочим, казачеству, национальным меньшинствам Приуралья и Поволжья). Восставшими не были использованы идеологические возможности православной церкви и религий национальных меньшинств в России.

Не использование данного идеологического потенциала со стороны восставших было существенным стратегическим просчетом с их стороны. Во-первых, потому что лишило их крупного источника подпитки восстания со стороны народных масс, освещающего их действия со стороны самой мощной в тех условиях идеологической машины, а, во-вторых, это было стратегическим просчетом еще и потому, что, как показывает успешная оборона Кунгура от натиска восставших, этим воспользовались правительственные войска.

Тактическим просчетом восставших было проявление революционного вторжения в форме грабежей и уничтожения имущества богатых. Этим воспользовались правящие сословия царской России, которые через посредство православной церкви сумели довести до сведения народа, включая сюда и бедняков, что все их имущество после взятия восставшими города Кунгура будет разграблено, весь скот и урожай (т.е. запасы хлеба) будут забраны восставшими для нужд обеспечения «воровских шаек». И этому утверждению православной церкви значительная часть народа верила.

Восставшие не создали специальной идеологической службы, которая бы подробно, понятно и обстоятельно разъясняла народу, во имя каких идеалов и ценностей борются восставшие. Без этой службы идеологическая работа восставших была пущена на самотек и по существу свелась к распространению пугачевских манифестов, что, конечно, было недоста-

точным даже в условиях того времени темноты и неграмотности большинства народа.

Определенное значение для правительственного лагеря сыграли меры устрашения, широко применявшиеся на местах и, в частности, в Кунгуре. Они оказывали воздействие на психику простого народа и выражались в мучительных способах казни (подвешивание за ребра и т.п.), не убиение трупов с виселиц в течение длительного времени, вплоть до их разложения. Это вызывало страх у низов народа, приводило к тому, что колеблющиеся представители городского дна не становились на сторону восставших и лишали их, таким образом, по крайней мере, частично, массовой базы.

Пугачев и его командиры к таким мерам и к таким казням прибегать не могли и этим, с одной стороны, проявляли свое благородство, а с другой – они не могли прибегать к подобным мерам, поскольку они выступали от имени борцов за социальную справедливость, за лучшую жизнь народа в его обозримом будущем.

А теперь рассмотрим особенности крестьянской идеологии, так как идеология именно этого класса должна была проявиться в крестьянской войне в России под руководством Е.И. Пугачева. Социальная действительность предстает в идеологии в искаженном, перевернутом виде. Идеология оказывается иллюзорным, ложным сознанием. Более прогрессивный класс стремится создать идеологию на основе более полного использования объективных знаний. Объективные знания – это результат развития науки. Идеология как теоретически разработанное сознание класса создается теми его представителями-идеологами, которые, по выражению К. Маркса, теоретически приходят к тем же выводам, к которым класс в целом приходит практически. При этом из условий жизни класса стихийно возникает не идеология, а общественная психология, создающая определенную почву для выработки и распространения его идеологии.

Анализируя механизм формирования и распространения научной идеологии, В.И. Ленин писал, что она возникает не из стихийного роста рабочего движения, а как результат развития науки, культуры, прогрессивной общественной мысли. Научной идеологии у восставших крестьян, яицких казаков, национальных меньшинств России, естественно, не было. Сам руко-

водитель восставших Е.И. Пугачев был неграмотным человеком, и это исключало для него возможность быть идеологом восставших. Отсутствие научной культуры и научных представлений о развитии общества приводили крестьян к царистской идеологии, к тому, что они были против «плохого», но за «хорошего» царя. Отсюда и принятие Пугачевым имени императора Петра III.

Основные требования восставших были на уровне здравого смысла, на уровне того, что уже было в социальной и экономической жизни России: казачье самоуправление, передача земли крестьянам и свободное пользование ею, религиозная свобода и ношение бороды. Последнее относится к числу реликтовых раритетов политического творчества восставших (нашедшего отражение в манифестах Пугачева), так как никто на это в России во второй половине XVIII века уже не покушался.

Идеология вообще не может быть, строго говоря, научной. Она может содержать элементы объективного знания, но в целом – это ложное мировоззрение. Такой является не только буржуазная, но, как показал опыт социализма XX века, и социалистическая идеология. Ложность идеологии вытекает из ее служебной роли – выражать интересы определенного класса или политической партии.

Крестьянская идеология в период восстания не была, собственно, идеологией. Она не была разработана, у крестьян не было идеологов. Это была *предидеология*, которая характеризовалась тем, что выражала интересы крестьян на элементарном уровне здравого смысла.

Она характеризовалась наличием и выражением народных требований в форме пугачевских манифестов, которые страдали стандартностью стиля и языка и не носили творческого характера.

Необходимо подчеркнуть, что интересы крестьян, противопоставленные интересам других групп общества (дворян и зарождающейся буржуазии), приходят в противоречие с ними, и в результате возникает субъективизм как черта, определяющая ложность крестьянской идеологии восставших. Он выражался в принятии решений административного регулирования, которые с неизбежностью приводили к росту субъективности идеологии.

Сознавая это, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» не употребляют данное понятие для характеристики мировоззренческих постулатов марксизма, очевидно, опасаясь бросить тень субъективности на создаваемое ими учение, как научное выражение коренных интересов рабочего класса.

Отсутствие идеологического обоснования требований восставших обуславливало сугубо местный характер борьбы крестьян против феодалов. Уничтожая ненавистных помещиков и управляющих, крестьяне и горнозаводские рабочие не шли дальше этого. Они не понимали и не представляли, зачем нужно идти и брать столицу. В их представлении нужно было отрегулировать условия жизни на местном уровне.

Земля получена, помещик уничтожен. Чего же еще нужно, – размышляли крестьяне. Нужно обрабатывать полученную землю и жить счастливо. Такой был идеал большинства восставших крестьян. Отсюда ясно, какой была крестьянская преидеология, которая включала в себя на уровне здравого смысла отдельные положения научной идеологии, выражающей принципы социальной справедливости, об интерпретации которых в широком смысле восставшие крепостные крестьяне и социальные низы общества не имели никакого понятия.

Идеология исходит из определенным образом познанной и сконструированной реальности. Она ориентирована на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание. Ядром идеологии выступает круг идей, связанных с вопросами захвата, удержания и использования политической власти субъектами политики, в качестве которых выступала руководящая восстанием верхушка. В контексте осознания людьми собственного отношения к действительности, а также в существе социальных проблем конфликтов содержатся цели и программы активной деятельности, направленной на закрепление или изменение данных общественных отношений.

Имея в виду эту сторону значения идеологии в общественной жизни, К. Маркс писал о том, что не в идеологии и в пустых гипотезах нуждается наша жизнь, а в том, чтобы «мы могли жить, не зная смятения». Для характеристики идеологии крестьянской войны в России 1773 – 1775 годов существенное значение имело то, что идеологической являлась сама социальная действительность, само существование которой предпола-

гало незнание со стороны субъектов этой действительности (научное незнание – В.С.), незнание, которое является сущностным для этой действительности. То есть идеология восставших крестьян представляла такой социальный механизм, сам гомеостаз которого предполагал, что индивиды, во всяком случае, значительное большинство из них, не осознавали с научной точки зрения того, что они делали.

В этом смысле идеология восставших, во-первых, не была научной, а во-вторых, те постулаты ее, которые все-таки были сформированы, отражали не будущее бытие, как нечто новое, за которое, как за идеал, боролись восставшие, а прошлое – как то, что уже было, и что в силу разных причин к началу крестьянской войны для большинства крепостных было ими утрачено.

Возвращение этого прошлого даже в случае победы восставших не создавало и не могло создать условий для их счастливой жизни. В этом заключался парадокс крестьянской войны под руководством Е.И. Пугачева. Она не могла дать крестьянам справедливости и счастья ни теоретически, ни практически. Она свидетельствовала о том, что незрелому состоянию общественных отношений соответствуют незрелые теории, потому что научное обобщение общественных отношений, скрытых под поверхностью неразвитых социальных отношений, восставшим в лице их руководителей приходилось «выдумывать из головы». А на это они в лице своих руководителей, не изощренных в тайнах теоретической интерпретации, были не способны. Поэтому крестьянская война под руководством Е.И. Пугачева была возможна только как стихийное восстание масс. И ее сравнительно широкий масштаб был обусловлен благоприятными условиями, заключавшимися в том, что субъективный фактор – военная опытность руководителя восстания и принятие им популярного в массе народа имени императора Петра III, – сыграли роль гигантского мобилизующего фактора, особенно в начале восстания. Иначе и быть не могло. Но этого было недостаточно для того чтобы обеспечить восставшим победу, последняя должна быть завоевана другими социальными силами, борющимися за другие общественные идеалы.

ИЛЬЯС И ЕРЁМА

– Берегись, Ерёмка! Смотри, татары скачут сюда. Что будем делать? Они скоро будут здесь. Перебьют ведь нас! Ладно бы только нас, но ведь у нас дети, как спасти их? Придумай что-нибудь, – в страстном шепоте Маньки слышалась плохо скрываемое раздражение на мужа и одновременная мольба за судьбу детей, которые – все трое – жались к матери.

– Придумай что-нибудь! Спаси их, – страстно шептала она мужу.

– Что я сделаю? Возьму хворостину или жердь и пойду на них? Этим только обозлю их. Сделаю только хуже для вас, ответил Ерёма. – Положимся на милость Божию. Авось пронесет.

Трое всадников на конях приближались. Теперь уже было очевидно, что они заметили семейство, они быстро приближались. Ерёма остановился. Всадники подъехали. Старший по возрасту, подняв плетъ, заявил: «Рус, пойдешь в Кангара, а потом возьмем тебя в нашу деревню».

– А мы куда? – заявила Манька, прижимая к себе детей.

– Тебя нам не надо. Оставайся в лесу, – ответил старый татарин. Однако молодой и, видимо, старший из них рассмеялся и сказал: «Не бойся. Оставим вас всех здесь. Никого не тронем. Мы не воюем с детьми». Он взмахнул плетью, и разъезд помчался дальше по лесной тропинке.

– Пронесло, – вздохнул Ерёма.

Посеревшее лицо Маньки медленно отходило. Дети молчали, не понимая происходящего. Мать понимала, что, во всяком случае, одна беда миновала. Но что будет дальше? А если татары передумают и вернутся, а если по тропинке поедет другой разъезд, что тогда? Эта мысль не давала ей покоя. Пока она молчала, семья медленно двигалась по обочине лесной дороги. Вдали послышался конский топот. Кто-то из татар возвращался обратно. Куда и зачем? За поворотом дороги всадника не было видно, и это усиливало тревогу. А вдруг это старый татарин и он один – это было ясно по звуку бежавшей лошади – и никто уже не спасет? Наконец, показался всадник на скачущей лошади. Муж и жена облегченно вздохнули. Это был их избавитель – молодой татарин. Он мчался прямо к ним, видимо, он их искал. Подъехав к семье, он остановился, слез с коня и достал от луки седла небольшой мешок. В нем был каравай хлеба.

– На, рус. Ашай. Дай маленькому Ивану. Он хочет есть.

Мать не верила своим глазам. Она не знала, как благодарить татарина за это. Но он не терял времени даром. Он говорил Ереме: «Пойдешь пешком до деревни. Я там буду ждать в крайней избе. Размешу тебя с твоими маленькими Иванами и их матерью на ночлег, а завтра отправлю дальше. Ерема с женой не верили своему избавлению. Однако надо было идти дальше, как советовал избавитель, поскольку деревни, о которой говорил татарин, пока не было видно. Перед тем как татарин запрыгнул в седло, Манька спросила, как его зовут, и кого им искать в деревне.

– Ильяс, – сказал он, пришпорил коня и быстро умчался.

– Что делать? – спросила жена у Ерёмы, разрезая хлеб и раздавая его детям.

– Надо идти до деревни, а то утром попадем к плохим татарам, которые, как тот старик, возьмут в татарскую деревню в слуги.

– Может быть, он чем-то поможет еще, если обещает.

– А если нет? В деревне ведь он будет не один? Но ведь помог же он нам здесь и тоже был не один. Ну, это чудо. Ты хочешь, чтобы оно повторилось? – взволнованно проглатывая слова, говорила Манька мужу.

– Уговори сыновей, пусть быстрее идут, надо поскорее дойти до деревни, а там видно будет, положимся на милость Божию, – неуверенно протянул Ерёма. Через час пути, когда уже заходило солнце, показалась деревня.

Ильяс сдержал свое слово, его конь был привязан у ворот первого справа и лучшего дома. Когда Ерёма с женой и детьми подошли к дому, он быстро выбежал из ограды и приветливо встретил их. Видимо, он сидел у окна и поджидал.

Когда семья вошла в дом, хозяйка сразу же приветливо стала накрывать на стол. Войдя в избу через некоторое время, Ильяс сказал хозяйке: «Завтра они уйдут, надо помочь им хорошо ночевать, чтобы все, а особенно маленькие, были довольны.

– Все будет хорошо, как я и обещала, – ответила она.

Ужин был сытным и вкусным. Особенно детям понравился рыбный пирог. Старший Иван, уплетая за обе щеки жирного голавля, запеченного в пироге, сказал: «А почему, мама, у нас дома я не едал такого пирога?»

– Твой отец не рыбачит, и поэтому у нас нет рыбы, а здесь хозяин, наверное, рыбак, поэтому есть своя рыба, и время от времени хозяйка печет пироги.

– А у нас что, так и не будет рыбы, и не будет вкусных пирогов?

– Успокойся, – остановила его мать, – теперь у нас нет и дома. Неизвестно, где мы будем завтра ночевать и где мы будем жить.

– Не о том ты говоришь, Ваня, – сказал Ерёма, – нам действительно теперь не до сладких пирогов. Нам некуда вечером приклонить головы. Вот о чем теперь моя печаль, вот о чем я постоянно думаю вместе с матерью.

Вернувшийся со двора Ильяс, подсев к столу, оживил беседу. Он был веселым человеком. Шутки удачные и не очень удачные сыпались из его рта, как из рога изобилия.

– На пирог завтра зарезу свою кобылу. Это будет такое обилие мяса, что всем хватит на несколько дней.

– Что ты, батюшка, – с сожалением сказала хозяйка дома, Настасья. Мы – православные, и коней не едим.

– Ради нашей дружбы можно поесть. Я им жизнь спас, а это намного дороже, чем поесть лошадиного мяса.

– Когда маленький поест мяса, на следующий день он будет ржать как лошадь и возить возы с сеном и соломой. Уверяю вас, что это так и будет, – сказал он, обращаясь к младшему трехлетнему Васютке.

Младший плохо понимал тонкости беседы и только внимательно перебегал глазами с одного говорящего на другого. Он понимал одно: что Ильяс предлагал коня использовать на мясо для пирога. Однако как это можно сделать, Васютка не знал, и поэтому напрягал весь свой детский умишко для того, чтобы понять, о чем старшие говорят.

После ужина первым вышел из-за стола Ерёма, поблагодарив хозяйку за сытный ужин.

Хозяйка разместила новоприбывшую семью. Троим мальчикам и их матери она предоставила большие полати, а Ерёме постлала на полу избы. Через час после ужина, освоившись с местом для сна, все заснули. Ильяс простился с хозяйкой и ушел в соседний дом, в котором он и его кунаки-татары разместились на ночлег. Его беспокоила одна мысль, как покровительствуемую им семью отправить завтра в русское селение, в

котором ее не могли бы застать и продать в работники татары или башкиры.

И он решил про себя, что рано утром отправит их по прямой лесной дороге в село Мысы, находившееся в устье реки Ирени. Там живут русские, а татары и башкиры его не возьмут – нужно будет для этого переправляться через Ирень, а с другой стороны – через Сылву.

Его как будто жгло внутри огнем, так ему хотелось сделать благодетельствуемой русской семье добро. Он считал, что война, которую затеяли иренские богачи-татары, поддерживавших башкир, является несправедливой. Жили бы рядом и мирно, земли хватит всем. Без насилия и крови.

– Что бы то ни было, но завтра я их отправлю в Мысы и переправлю через Ирень, – с такими мыслями он заснул, тихо повернувшись на своем ложе-полотах в соседней избе с той, в которой спала семья Ерёмы Сидорова.

Во сне Ильяс видел, как он на лодке перевозит семью Ерёмы через Ирень, и русские ребята уже ждут сыновей Ерёмы на том берегу. Он был доволен. «Сейчас я вам привезу их», – кричал он им, подгребая веслом с той и другой стороны... И вдруг проснулся. Было еще очень рано, хотя уже начало светать. Ильяс решил уже не пытаться заснуть снова, а продумать хорошенько, что и как он будет делать сегодня.

Он решил, что вначале встанет и, помолившись, пойдет в соседний дом и разбудит семью Ерёмы. Пусть они быстро позавтракают, и он поведет их прямой лесной тропой в сторону русского села, расположенного довольно далеко от Мысов. Нужно будет пройти около 20 верст, а это много, к тому же нужно будет соблюдать осторожность и не попасть в лапы башкирских разездов, а то они могут удивиться такому необычному покровительству и отобрать его добычу. Так уже в прошлом бывало не раз, и он хорошо знал это.

Поднявшись с постели, совершив омовение и намаз, Ильяс подготовил и оседлал коня и решил идти будить семью Ерёмы. Когда он вошел в избу, первое, что он увидел в переднем углу – за столом сидел Ерёма и беседовал с хозяином дома. Они говорили о том, как и куда несчастному беглецу и его семье бежать дальше. Ильяс, поприветствовав их, сказал Ерёме о том, что он сейчас поведет их прямой лесной дорогой к селу Мысы, тому, что находится за Иренью, там он будет с русскими и в

безопасности, и он думает, что это самое лучшее, что можно придумать в создавшихся условиях. Выслушав его и подумав минуту, хозяин дома сказал: «Да, это, пожалуй, так. Лучше этого ничего не придумаешь. Надо действовать. Только бы не помешали башкирские разъезды. Они все время шныряют вокруг деревни».

– Будем осторожными, а в случае чего я буду говорить, что это мои пленники, и я веду их в свою деревню Карьево.

– Как ты это здорово придумал, – согласился Ерёма, – нам ведь надо это всего на несколько минут, как только они отстанут, мы снова будем продолжать свое дело.

– Давай буди всех, быстро попьете чаю, и отправимся в путь.

Манька уже не спала. Она все слышала. Она быстро разбудила малышей. Через четверть часа они уже сидели за столом и пили чай. Встав из-за стола, мальчики сразу по предложению матери вышли из избы и направились на улицу. Хозяин дома и его жена провожали их. Ерёма взял за руку старшего, а Манька – двух младших, и они направились на окраину деревни, к лесу, куда уже ехал Ильяс на своем коне.

Простившись на околице, хозяин и хозяйка пожелали Ерёме и его жене благополучно добраться до деревни Мысы.

Ильяс остановил коня и предложил Ереме идти по этой лесной тропинке, а сам помчался вперед разведать: нет ли кого поблизости, чтобы быть готовым ко всякой случайности. Он ускакал. Еще несколько минут был слышен стук копыт его лошади. Дети захныкали – им не хотелось идти. Ерема остановился, подождал отставших жену и маленьких детей и сказал им: «Если хотите жить с папой и мамой, значит, не плачьте, а идите целый день. А если хотите, чтобы вас забрал старый татарин, тогда сядем и будем отдыхать».

Мальчики на некоторое время приободрились и шли без приключений. Солнце между тем поднималось все выше и припекало детей. Они стали хныкать, им хотелось отдохнуть. Ерёме и Маньке пришлось нести их на руках. Через пару часов такой способ передвижения стал затруднительным для родителей. Через несколько километров пути трехлетний и пятилетний сыновья превращались в тяжелую ношу. К тому же они хныкали и требовали хотя бы короткого отдыха. Выручил их, опять вернувшийся очень кстати, Ильяс.

Понимая трудности передвижения, он предложил двух мальчиков взять к себе на лошадь, а старший будет поочередно идти пешком или его понесет какое-то время Ерёма. Такой способ путешествия, предложенный Ильясом, разрядил обстановку, и в течение часа семья очень быстро продвигалась и проделала значительную часть пути.

Ильяс был неутомим. Когда Иван захотел поехать на лошади, он без лишних разговоров согласился на это, а маленьких несли на руках отец и мать.

Когда все устали и вымотались, а солнце уже клонилось к вечеру, вдали на горизонте они увидели горы. В этом месте Ирень делала большой изгиб, и за рекой виднелось село.

– Это Мысы, – сказал Ильяс, – вам надо будет на лодке переплыть через реку, и вы будете у своих.

Поиски лодки заняли порядочное время. Ее на берегу не было, тогда Ильяс предложил Ерёме найти три бревна, связать их и на этом плоту переправиться на другой берег реки. Уже поздним вечером, на закате солнца, все это было сделано. Оставшись на левом берегу реки, Ильяс помахал своим спутникам рукой, сел на коня и помчался обратно.

Для семьи русских изгнанников в селе Мысы началась новая жизнь. Их разместили в амбаре одного дома, хозяин которого, торговец мукой, взял Ерёму в работники.

После дневной работы Ерёма занимался по вечерам благоустройством своего жилья – он понимал, что приближается зима, и семья должна иметь теплое жилье. Работа подвигалась; ребяташки бегали на улице, у них появилось множество товарищей по детским забавам и играм.

Манька устроилась прачкой в доме купца Векшина. Семья кое-как сводила концы с концами, трудолюбие Ерёмы хозяину нравилось, и он постоянно чем-нибудь ему помогал. Так продолжалось до поздней осени.

Однажды в селе прошел слух о том, что в уезде захвачены разбойники-татары, и что их в селе будут судить и казнить. Новость была необычной, и она всполошила всех. Поэтому на воскресное утро, когда был назначен на площади села суд, всё поселение сбегалось посмотреть на это необычное зрелище. Перед зданием волостного правления с раннего утра колыхалась толпа жителей села Мысы в несколько сот человек. С напряженным любопытством все ждали – что будет?

Но вот из здания волостного правления вышел старшина Ефрем Лиходеев и рявкнул: «Привести злодеев!» Толпа ахнула. Все были поражены голосом Лиходеева, не сулившим ничего хорошего. Его голос был груб и скрипуч, как у коростеля-дергача. Подойдя к четырем татарам, выведенным стрельцами из сарая, он обратился к ним с вопросом: «Вы грабили и убивали русский народ? Принимали участие в поджоге Кунгура? Нарушали присягу, которую давали башкиры и татары государю Алексею Михайловичу? Так это было или нет? Отвечайте!» Татары молчали.

— Что же вы молчите, как воды в рот набрали. Я вас спрашиваю, а вы должны отвечать, — заорал Лиходеев.

— Вам что, нечего сказать в свое оправдание? Значит, я прав, предъявив вам вину. А если это так, то я вас сейчас всех прикажу повешать.

— Твое дело, бачка, — ответил один из татар.

— Да, это мое дело, за измену государю Алексею Михайловичу, за бесчинства, грабежи и убийства русских людей повесить их всех, — рявкнул Лиходеев.

Виселица уже была готова со вчерашнего дня. На ней раскачивались слабым ветром четыре веревки. Из отряда стрельцов отделились несколько человек. Они подхватили старого татарина и поставили его на табурет под крайней веревкой с правого конца виселицы.

Стрелец, исполняющий обязанности палача, накинул на шею татарина петлю, проверил, хорошо ли она намылена. Затем он выбил из-под ног казнимого табурет, и несчастная жертва, потеряв точку опоры, начала извиваться в воздухе, переживая предсмертные конвульсии.

Так повторялось четыре раза. Толпа, умерив свое нездоровое любопытство, стала проявлять робкое сочувствие жертвам несправедливой судебной расправы. В ней слышались возгласы: «Злой ты, Ефрем, как сатана. Зачем всех их казнил? Посадил бы в тюрьму, а потом бы выпустил». Слова эти принадлежали пожилой женщине, стоявшей в первых рядах толпы. Услышав их, Лиходеев вскипел: как это так, кто-то смеет сомневаться в правильности его действий.

— Я тебе покажу, старая карга, как можно сочувствовать жертвам суда. Сейчас же прикажу посадить тебя в каталажку». И он двинулся по направлению к толпе. Женщина стала пятиться в ее гущу, пытаясь отойти подальше от него.

Однако довольный впечатлением, произведенным на массу людей, стоявших перед волостным управлением, Лиходеев остановился.

— Губителям христианского народа от меня не будет никакой пощады, — прохрипел он.

Ерёма стоял в задних рядах толпы рядом со своим хозяином Власом Перевозниковым. Он узнал Ильяса в молодом казненном татарине и хотел обратиться к старшине Ефрему Лиходееву с просьбой о помиловании, несмотря на то, что тот был страшен своей жестокостью. Он рассказал своему хозяину о той роли, которую сыграл Ильяс в жизни его семьи, и просил его разрешения на коленях просить у Лиходеева пощадить Ильяса, сохранить ему жизнь. Однако Влас не согласился на это.

— Может быть, тебя и твоих детей он спас от татарской неволи, но зато он, видно, принимал участие в других грабежах и смертоубийствах, поэтому кара ему назначена справедливая, и я не разрешу тебе просить за него Лиходеева, а если ты будешь настаивать, выгоню тебя с работы и из амбара. А без жилья куда ты денешься зимой с женой и маленькими детьми, подумай об этом.

Ерёма растерялся. Он понял, что проиграл, что не смог отблагодарить Ильяса, спасшего ему и его семье жизнь. Он не мог даже попытаться сделать это. Ему было больно и обидно за это. Он молчал, когда Влас пытался его расшевелить. «Смотри, смотри, — оживленно говорил, — какие курбеты выделяет твой Ильяс. Танцором бы ему впору быть, а не грабителем и убийцей русских людей».

Ерёме так хотелось возразить ему и сказать, что это был один из лучших людей, которых он встречал в жизни, хотя он и татарин. Однако, помня угрозы хозяина, он на это не решился.

После того, как висевшие жертвы перестали подавать признаки жизни, толпа стала понемногу расходиться. Придя домой, Ерёма не мог есть, он молча сидел, опустив голову. Заметив, что это связано, очевидно, с какой-то крупной неприятностью, потому что он отказывался играть и разговаривать с детьми, Манька спросила у него: «Чем ты так расстроен? Какие у тебя неприятности?». Занятая с детьми, она не ходила на площадь и не видела зрелища казни.

— Ты знаешь, Ильяс вместе с другими татарами казнен на площади.

— А где же ты был? Почему ты не кричал о пощаде? Почему не говорил начальству, что он спас нас и наших детей? Где ты был, куда ты смотрел? Что ты такое: мужик или тряпка? — кричала Манька, побелев от злости.

— Я хотел сделать это, но Влас мне запретил, — ответил ей Ерёма, — он пригрозил мне, что выгонит с работы, если я сделаю это, и выселит из амбара. Где мы будем жить? Подумай об этом. Ведь скоро зима, — со стыдом и болью выдохнул из себя Ерёма.

Жена сразу поняла, в чем дело, и замолчала. Она знала крутой и зловредный характер их хозяина и поняла, что в таком деле он шутить не будет.

Через некоторое время она прошептала: «Завтра пойдем на площадь и простимся с ним, с мертвым. Он заслужил это». «Согласен», — ответил Ерёма.

Рано утром, разбудив детей, Манька повела их на центральную площадь села. Ерёма шел с ними. Солнце уже взошло, и посиневшие лица покойников с высунутыми языками, с искаженными гримасами лицами напоминали о вчерашней экзекуции.

Манька долго всматривалась в ставшие дорогими ей черты лица Ильяса, которые были искажены предсмертными муками.

— Миленький, за что же они тебя так? — только и могла выдавить она из себя. Глубокая печаль по человеку, спасшему всю ее семью, самых близких и дорогих ей людей, охватила ее. Она теперь лучше, чем тогда, когда они бежали из горевшего Кунгура, понимала, чем они обязаны этому человеку. Однако, понимая, что она ничем не может отблагодарить его, она в отчаянии зарыдала, обхватила ноги казненного и стала их целовать.

— Мама, почему ты так плачешь? Что тебе сделал этот дяденька? — спросил ее средний сын — Костенька.

— Потому что он спас нас, а мы его не спасли.

— Может быть, он проснется, и мы поможем ему, — причитал сын.

— Нет, ему уже никто не сможет помочь.

Сказав это, она долго молчала, а потом позвала детей домой.

А трупы казненных продолжали висеть несколько дней, наводя страх на жителей села Мысы.

ГНОМЫ ИЗ ПОДЗЕМНОГО ГОРОДА

Ледяная пещера издавна привлекала внимание жителей Кунгура. Множество легенд и сказок было сложено об ее таинственных обитателях, об их несметных богатствах, о том, какой необыкновенной добротой наделены они и как щедро делятся с людьми, оказавшимися в пещере, своими фантастическими богатствами.

Жизнь обитателей Кунгура, а до него села Мысы, в первые два века их существования протекала в условиях постоянной внешней тревоги. Башкиры и иренские татары не только угрожали, но и периодически совершали набеги на город и окружающие его селения. Во времена этих набегов пещера служила своеобразным укреплением для женщин и детей, а в мирное время – для тех ценностей, которым местные жители придавали большое значение. Если в период татарских набегов жители города прятались в пещере, то в спокойные времена они предпринимали разведочные рейсы, исследуя внутренности пещеры, знакомясь с нею, для того чтобы в случаях новых вторжений соседних народов полнее использовать ее спасительные возможности.

Сказочная красота отдельных гротов пещеры, их таинственность и величественность, которые усиливались от слабого освещения факелов из лучины и вселяли в души верующих людей благоговейный трепет и страх: кто создал такую изумительную, казалось бы, немыслимую красоту под землей. Религиозно верующий человек, не имеющий никаких научных представлений о карстовых явлениях, послуживших причиной образования пещеры, склонялся к мысли, что все это связано с деятельностью каких-то сверхъестественных сил.

Так возникли легенды и сказки о разного рода маленьких и вместе с тем необыкновенно трудолюбивых сверхъестественных существах, которые создали все это; выточили удивительные по красоте и филигранности исполнения гроты и живут в этих дворцах, исполняя функции их хозяев. К людям они относятся по-разному – в большинстве случаев дружелюбно и приветливо, стараясь последнее скрывать и оказывать помощь незаметно и издали. Однако если люди ведут себя слишком бесцеремонно, вмешиваясь в жизнь подземного царства, то гномы пытаются призывать их к порядку. История Кунгурской

ледяной пещеры знает несколько жертв, которые явились убедительным свидетельством этого нахальства людей, с одной стороны, и всемогущества гномов с другой. Нас в данном случае интересуют не исключительные случаи людской неосторожности, ибо мы понимаем весь сказочный и легендарный характер тех маленьких и удивительно трудолюбивых существ, которые живут в пещере, и которые своим трудом и своими талантами преобразили внутренность пещеры, а некоторым ее гротам придали невообразимую красоту, вызывающую восхищение и удивление у тысяч и десятков тысяч экскурсантов, которые в разные времена посещали пещеру. Наиболее тонко и филигранно отделанными кристаллами отличается бриллиантовый грот, получивший название за форму своих кристаллов. Думается, что легенды о гротах Кунгурской ледяной пещеры все-таки при всей их фантастичности восходят к угро-финской фольклорной традиции, потому, что древнее население Приуралья, коми-пермяки и коми, принадлежат к этой языковой группе.

Итак, попытаемся воспроизвести несколько преданий сказочного легендарного характера о тех гномах, которые якобы жили в бриллиантовом гроте и которые так удивительно его украсили.

— Сашка, пойдем в пещеру, я там был вчера с Васькой, и мы забрались довольно далеко, заготовив заранее побольше лучины для того, чтобы с помощью факелов освещать себе путь. Мы таким образом, освещая себе дорогу, прошли наверное около версты, не меньше, видели много интересного, так что хочется увидеть эти красивые места еще не раз. Но самое интересное заключается вот в чём. Мы очень устали и решили присесть на камни, которые находились сбоку от прохода, и полюбоваться просторным залом, в котором с потолка свисали удивительно красивые, горящие различным цветом в отраженном пламени наших факелов сосульки. Утомленным длительным переходом, связанным с разными позами для того, чтобы пробираться как можно дальше, мы с Васькой очень устали и, присев на камни, задремали.

То, что произошло дальше, я никогда не забуду, хотя не могу хорошо разобраться — что это было — интересное сновидение или быть на Яву. Я видел, что передо мной, сидящим на камне, распахнулась дверь, ведущая в необыкновенно краси-

вый дворец, в котором я увидел маленького человека, сидящего на роскошном, блестящем, переливающимся всеми цветами радуги троне, человечек был с изумительно блестящими, умными глазами. Впереди и сзади его, а также с боков стояли рядами такие же люди, однако форма одежды на них была поскромнее, а бороды у них были не седые, как у человека на троне, а черные, рыжие или с проседью. Удивленный тем, что я видел, я хотел подойти к старцу с белой бородой поближе. Однако когда я попытался это сделать, сразу же несколько маленьких человечков подошли ко мне и надавили мне на плечи, это было так чувствительно, если иметь в виду их маленькие размеры, что я был просто удивлен. Один из них, видимо, старший мне сказал, чтобы я не пытался это сделать, а то они меня так прижмут к камню, на котором я сидел, что мне будет больно и трудно дышать. Испугавшись происходящего, я согласился. События развивались как в сказке. Они проходили по известному сценарию. Гном Пафнутий спрашивал меня – что бы я хотел видеть, и как только я назвал соответствующий вид ремесла, он сразу же поручал маленькому гномику Виролайнену исполнить желаемое.

Меня удивила исполнительность гнома, которая не имела ничего общего с подобострастием исполнителя, благоговеющего и опасющегося своего начальника. Гном Виролайнен совсем не походил на такого работника. Он, по крайней мере, мне так показалось, считал каждое распоряжение своего начальника своим собственным делом, инициированным им самим, и горел желанием его выполнения. Такие отношения казались мне необычными для общества людей, во всяком случае, в тех отношениях, которые я мог наблюдать. Это было первым, что меня насторожило и настроило на внимательное отношение ко всему, что мне дальше предлагал Виролайнен.

Он потащил меня в свои мастерские, которые располагались здесь же под Ледяной горой, в сотне метров от того места, где мы с Васькой заснули, только они находились не по пути следования обычных посетителей маршрутов, а в направлении перпендикулярном по отношению к направлению обычных экскурсантов. Передо мной развернулось изумительно красивое зрелище. Большой грот был украшен крупными кристаллами игольчатой и лотковой формы. Красота и величие пещеры были удивительными. Застывшая музыка льда и камня,

грандиозность созданного кем-то бытия грота вызвали у меня неподдельное любопытство: кто создал эту удивительную красоту? Виrolайнен (под таким именем мне представился самый авторитетный среди них гном) провел меня узким и темным проходом в низкое, но светлое, со сводчатыми потолками, помещение.

В небольшом зале было удивительно светло, причем источник света был не виден. В зале несколькими рядами располагались маленькие столики с инструментами, с помощью которых работали гномы. В общей сложности их было довольно много – несколько десятков.

– Что они делают? – спросил я у Виrolайнена. – Здесь ведь не завод по изготовлению паровозов. Да к тому же они здесь под горой с ее зачастую низкими и узкими для человека проходами совсем не нужны?

– Да, они здесь не нужны, и не машины делают маленькие гномы, они вытачивают ледяные украшения для бриллиантового грота, красота и изящество которого тебя только что так удивили.

– Каким образом они делают их? – присматриваясь к таинственным и непонятным манипуляциям гномов, с удивлением выдавил я.

– Прежде всего, они получают чистую воду путем ее препарирования на тех довольно сложных аппаратах, которые находятся у них на столах, а затем из этой абсолютно чистой воды, наливая ее в особые формы и охлаждая их, они получают кристаллы заданной формы, которые после их извлечения из формовочного материала обрабатывают особым образом для того, чтобы придать им такую удивительную свежесть и пластичность, которая в бриллиантовом гроте так удивила тебя в оформлении его стен и потолка.

Такая постановка вопроса крайне удивила меня. Если гномы занимаются этим, то для чего? – думал я, – или для того, чтобы приводить в восхищение людей, которые в составе экскурсий посещают Ледяную пещеру или для собственного удовольствия. Ведь было время, скажем, триста лет тому назад, когда экскурсии в пещеру не водили, и кто, кроме самих гномов, мог увидеть эти прекрасные кристаллы Бриллиантового грота.

– Они делают это не для удовлетворения человеческого эгоизма, а в силу присущего им особого свойства к украшению и преобразению действительности и той среды, в которой они находятся. Если гномы живут в пещере под Ледяной горой, то они создают в ней прекрасные дворцы, которые удивляют весь мир, они преобразуют те уголки пещеры, в которых они устроили свое жилище.

– Вот это интересно, – вставил я несколько слов. – Где гномы живут? И что представляет собой их жилище?

– Не жилище, а жилища, – уточнил Виролайнен. – Потому что они живут парами. И у каждой пары имеется свое жилище, очень комфортабельное, прекрасно оборудованное и оформленное.

– Можно их посмотреть? – попросил я у Виролайнена.

– Конечно, – охотно согласился он.

– Жилища гномов находятся здесь же, в пещере. Однако они располагаются не по пути следования человеческих экскурсий, а сбоку от них. К ним подобраться можно через узкие боковые туннели, порой незаметные в темноте для человеческого глаза. Пробравшись этими туннелями, мы попадаем в маленькие, прекрасно оформленные жилища этих культурных и радушных существ.

– Так может быть лучше, чем просто говорить – посмотрим, как они выглядят на самом деле, – вновь попросил я.

– Пожалуйста, сейчас отправимся туда и посмотрим, – согласился гном, добавив, что он покажет далеко не все, поскольку добираться до некоторых мест пребывания гномов для человека очень трудно в связи с его размерами, несомненно, большими, чем у гномов. С этими словами он предложил мне следовать за ним.

После продолжительных блужданий по узким и темным проходам мы оказались в неизвестной мне части пещеры, которая до некоторой степени напоминала Бриллиантовый грот, но была больше его по размерам и более замысловато и необычно изысканно оформлена. Она представляла собой большой дворец со сводчатым потолком, на котором находились особые кристаллы, излучающие удивительно сильный и вместе с тем мягкий свет. С каждой стороны грота находились изящно оформленные двери в жилища гномов. Их было очень много.

– Можно посмотреть, что собой представляет жилище гномов внутри? – спросил я.

– Конечно, – ответил Виролайнен.

Он быстро подошел к ближайшей двери, коснулся ее предупредительного устройства, после чего она распахнулась. И он пригласил меня войти в совершенно не знакомое мне жилое пространство. Первое, что меня удивило, были его размеры: помещение было просторным для меня, мне нигде не нужно было нагибаться и чувствовать себя ограниченным в движениях. А насколько они свободны для гномов, если учесть их значительно меньшие по сравнению с человеческими размеры. Это жилое пространство было удивительно продуманно и рационально оформлено. Порядок внутреннего убранства был удивительным. Все в жилище освещалось с потолка кристаллом кубической формы, от которого в разные стороны отходили различные ветвящиеся украшения, делающие его похожим на розу.

Хозяин жилища, пожилой гном с большой, доходящей ему до пояса, бородой встретил нас у входа в жилище и, увидев Виролайнена, охотно показал нам свои чертоги.

– Чем занимаются в свободное время гномы, скажем, после работы по вечерам, – спросил я у Виролайнена.

– У них есть дом стараний, где они обсуждают свои важнейшие проблемы, – ответил словоохотливый гном.

– Что это за проблемы? – попытался выяснить я.

– Это прежде всего проблемы воспитания подрастающего поколения. У вас они также имеются, добавил он, заметив мое удивление и замешательство.

Что нового по сравнению с человеческой системой образования и воспитания имеется у гномов?

– Меня, – добавил я, – этот вопрос интересует, потому что дисциплина и порядок у гномов удивительны. Они настолько превосходят в этом отношении человеческие, что между ними не может быть никакого сравнения. И меня, естественно, интересует вопрос о том, какими путями это у вас достигается?

– Прежде всего, большим вниманием к системе нравственного воспитания, а потом уже к системе приобретения новых знаний. Мы считаем, что прежде всего нужно иметь нравственно прекрасную личность, а затем уже заряжать ее новыми знаниями, новой информацией. А если говорить конкретно, то

система воспитания и образования исходит из решения трех приоритетных задач: во-первых, остро приоритетной она считает систему упражнений, развивающих понятия чести у молодого гнома. Это важно для воспитания в нем чувства ответственности. Во-вторых, приоритетной является система упражнений, развивающих самостоятельность личности молодого гнома. И, наконец, в-третьих, система мероприятий, развивающих творческий потенциал личности формирующегося гнома. Опорой на честь, ответственность и формирование творческих навыков молодых гномов, — вот чем отличается наша система воспитания и образования от человеческой, — подчеркнул гном Виролайнен. Благодаря этим мероприятиям, конечные результаты воспитательного и образовательного процесса так существенно различаются у гномов и у людей.

— Существенное место у гномов занимает обустройство своей территории, а также помощи тем представителям рода человеческого, которые одиночками попадают в пещеру и безоглядно устремляются вперед, несмотря на плохую ориентировку и отсутствие каких-либо знаний подземного царства. Разными способами, порой очень деликатными, нам приходится оказывать им помощь и спасать их иногда от верной гибели. Мы помогаем им выбраться из пещеры разными способами. Одним из таких способов опасения отважных смельчаков с нашей стороны, подчеркнул Виролайнен, является освещение тех проходов пещеры, следуя по которым самоуверенные смельчаки приближаются к выходу из пещеры. При этом сложность исполнения данной процедуры заключается в том, чтобы это было сделано тонко и незаметно. В противном случае чудак, спасенный нами, так расскажет людям об увиденном им в пещере, что в нее устремится масса народа, для того чтобы самим посмотреть на невиданное чудо.

Иногда мы включаем в действие те очень сложные механизмы психического воздействия на человека, которые ориентируют смельчаков на то, чтобы им казалось, где тот выход из пещеры, который им, в конце концов, желателен и необходим.

Результатом таких усилий является то, что за ряд веков в пещере побывало всего несколько человек, в отношении которых можно сказать, что они не хотели реагировать на все наши усилия. Это были упрямые безумцы. Иначе их назвать невозможно.

– Ваш дружок скоро проснется, – сказал мне Виролайнен, – а мне хотелось бы показать вам кое-что в тех гротах, которые чрезвычайно нравятся людям, посещающим пещеру, и о которых они не имеют правильного представления, несмотря на лекции и беседы экскурсоводов.

– С удовольствием, – ответил я, – но что именно вы имеете в виду?

– Я хочу познакомить вас с некоторыми деталями Полярного грота и рассказать вам, как он возник. Этот грот самый холодный. Его стены покрыты мохнатыми хлопьями снега. Ледяные столбы, как бы поддерживающие угрюмые своды, похожи на застывший в стремительном беге водопад, и человеческое объяснение этого прекрасного и вместе с тем сурового оформления грота обычно сводится к тому, что это естественный процесс, что все это создано природой, а я вам скажу, – подчеркнул Виролайнен, что это результат длительной и трудолюбивой заботы гномов, которым пришлось сотни и тысячи лет трудиться для того, чтобы создать необходимые условия, чтобы земельная шапка ледяной горы в этом месте была особенно плотной, к тому же еще чтобы она не промокла. Для этого гномам приходилось по ночам выходить на поверхность горы и прокладывать каналы, чтобы вода стекала с этого места и не просачивалась глубоко в почву. Благодаря этому температура в полярном гроте ниже, чем в пещере в целом. А что касается камней и мохнатых хлопьев снега, то это результат работы гномов по художественному оформлению этой части пещеры.

– Но ведь говорят, что все, даже самые удивительные красоты пещеры, созданы природой, что она в течение многих веков вытопила эти удивительные образцы красоты и совершенства из камня, снега и льда внутри пещеры?

– Нет, – усмехнулся Виролайнен, такие чудеса – дело рук гномов, а природа создает общие предпосылки для этого. Она не имеет индивидуального интереса, поэтому выточенные ею изделия поражают отсутствием вкуса. И не надо спорить об этом, а это надо просто знать, – добавил он с изрядной долей, как показалось мне, самоуверенности.

– Я должен торопиться, – вдруг заговорил он. – Ваш друг уже несколько раз просыпался, и мне стоило значительных усилий, чтобы он продолжил отдыхать. Пойдемте к нему, и вместе с ним я покажу вам то «помещение» пещеры, которое

мы первоначально предполагали использовать в качестве римского «Колизея».

– Для того, чтобы твой дружок не перепугался и не испортил нам впечатление от осмотра огромного грота Атлантиды (так называют теперь этот подземный зал люди), я приму вид человеческого деда. Для этого мне придется увеличить свой рост, распушить бороду и сделать ее седой. В таком виде я не буду удивлять вашего друга и сойду за бог весть откуда взявшегося старичка, который лучше вас знает пещеру. Я согласился.

Когда мы подходили к Васе, он уже не спал, а испуганно озирался по сторонам. Он был удивлен, увидев меня с незнакомым старичком. Я успокоил его, сказав, что во время его сна я осматривал ближайший грот пещеры и встретил неизвестного мне деда, который оказался живым и очень интересным собеседником, хорошо знающим пещеру и ее самые интересные места. Вася молча кивнул головой и ничего не сказал, чувствовалось, что он не одобрял моего нового знакомства или, во всяком случае, отнесся к нему скептически, вместе с тем он не решался открыто заявить об этом.

Он согласился на предложение деда пойти и посмотреть достопримечательности грота Геологов, самого большого в пещере.

По скользким тропинкам мы через непродолжительное время дошли до интересующего нас грота. Гигантские просторы подземного зала, превосходная акустика, мастерский рассказ о нем нашего попутчика, – все это было таким интересным, что, кажется, заставило расшевелиться даже Васю. Он хмуро и недовольно осматривал необычные размеры открывшегося перед ним пространства и внимательно вслушивался в рассказ сопровождающего нас деда.

Виролайнен рассказывал нам о том, что когда-то гномы хотели создать в этом гроте свой подземный театр, и их удержало от этого только то, что окружавшая грот природная среда была неподходящей. Скользящая глина и грязь, с которыми они еще тогда не умели бороться, заставили их отказаться от этого намерения.

– Теперь же, – продолжал Виролайнен, – когда пещера стала осваиваться людьми, гномы были вынуждены перемес-

таться в ее наиболее удаленные и менее доступные для людей части.

– А кто такие эти гномы, – вдруг спросил Вася у старика. – И что они делают в пещере?

– Это люди маленького роста, необыкновенно добрые, которые помогают людям осваивать пещеру, – ответил Виролайнен. Вася удивился, однако воздержался от дальнейших расспросов. Чувствовалось, что он не поверил гному, но желание поскорее выбраться из пещеры было у него так сильно, что он решил не задавать дополнительных вопросов и таким образом ускорить процесс нашего выхода из пещеры на берег Сылвы.

Подведя нас на расстояние нескольких десятков метров до выхода из пещеры, Виролайнен пожелал нам счастливого возвращения и заверил нас в том, что при последующих посещениях пещеры он попытается ответить на интересующие нас вопросы и значительно расширить наши представления о тех тайнах пещеры, которые еще неизвестны людям, и которые будут известны нам, если мы того пожелаем.

Заверив Виролайнена в том, что мы, конечно, заинтересованы в этом, мы направились к выходу из пещеры, занятые обдумыванием того необычного содержания, что мы видели и слышали от гнома в пещере.

СПОСОБНОСТИ ГНОМОВ ТВОРИТЬ ДОБРО

– Люди бывают добрыми и злыми, – заявил Яшке Стукачу во время его длительного посещения пещеры гном Риконен. В основе добрых поступков лежит осознание их необходимости и способности человека к преодолению препятствий. Последнее называется волей. Воля – это способность человека к преодолению препятствий, – продолжал гном, – она такова, что может убить человека, а может послужить ему на пользу. Люди очень часто не способны действовать адекватно, недовольные властью и другими людьми, они не совершают добрых поступков, а своими действиями причиняют другим людям зло. Предметом недовольства людей являются различные неудачи в их жизни.

Яшка Стукач: – Какие же неудачи принуждают людей делать зло?

Гном Риконен: – В качестве таковых могут быть засуха, падеж скота, сложные отношения с соседями, стихийные бедствия: наводнения, извержения вулканов, эпидемические заболевания сельскохозяйственных животных. Все эти природные и социальные явления, создавая у них негативные реакции, обостряют их.

– У меня в кармане четыре монеты стоимостью по одной копейке, – заявил Яшка Стукач, – и я все же прохожу мимо ящика для пожертвований для жильцов Троицкого городища, пострадавших от недавнего пожара. Ящик для пожертвований помещен у входа в Вознесенский храм. Я мог бы опустить имевшиеся у меня деньги в ящик для пожертвований и таким образом внести свой вклад в дело помощи людям, пострадавшим от пожара. Но я не сделал этого, – вызываяще закончил свой монолог Яшка.

– Почему? – спросил его гном Риконен.

– Точно не знаю и определенно сказать не могу, – отпарировал подросток, – хотя я и учусь во втором классе церковно-приходского училища, но для ответа на этот вопрос знаний у меня не хватает. Тогда сам гном взялся за освещение данного вопроса и начал перечислять одну причину за другой. Слушая его неторопливую и раздумчивую речь, Яшка перебирал в своей памяти причины, которые, по его мнению, могли привести к

возрастанию в отношениях между людьми зла и раздора, шума и ярости, скандалов и драк.

Они имели, – и Яшка понимал это, – существенное значение. Однако, понимая о чем говорил Риконен, Яшка все-таки не мог, вернее, не умел отчетливо сформулировать эти положения сам. У него как-то это не получалось, вероятно, от недостатка необходимых слов, а может быть от недостаточной развитости абстрактного мышления.

– Причины недостатка доброты, – подчеркивал гном, – заключаются в том, что люди фаталистично, в отличие от гномов, подходят к выбору своих поступков. Они совершают только то, что им предначертано. Выбор людей – всего лишь иллюзия, а их действия – пустая трата энергии. Для большинства людей делать или не делать что-либо принимает альтернативу : а не все ли равно. Кроме того, неспособность делать добро порождается конфликтом намерений. Развитие человеческого ума, – поучал Яшку гном, – приводит к умножению его интересов и обострению способностей предвидеть последствия своих действий. В этих условиях человеческая воля растворяется в лабиринте предположений. Это не означает, что только этим обусловлена неспособность людей творить добро. Голос гнома, задумчивый и неторопливый, вызывал у Яшки уважительность и в то же время раздражение. Он с трудом улавливал связь между отвлеченными выводами, которые мирно и естественно вытекали из слов Риконена.

– Одной из причин, ведущих к этому, – объяснял он Яшке, – является усложнение человеческой деятельности, которое приводит к потере энергии. Особую роль в жизни страны играет интеллигенция. Однако на протяжении истории ее критиковали за неспособность активно действовать. И так будет продолжаться до тех пор, пока высокообразованный интеллигент не станет символом высшего умственного уровня. Только тогда можно будет желать того, чтобы самые умные обладали наибольшей властью. Именно об этом мечтали с глубокой древности лучшие представители человечества.

– Так в чем же все-таки заключается причина неспособности людей совершать добрые поступки? – спросил Яшка у гнома.

– Одной из причин неспособности людей совершать добрые поступки является их способность представить себе их

осуществление. По опыту мы знаем, что на деле все оказывается не таким радушным, как люди себе представляют. Воображаемая людьми идеальная последовательность событий может настолько завладеть человеческим воображением, что риск разочарования при столкновении с реальностью станет для людей непреодолимым к такому приему, – пояснял гном подростку, – который можно назвать так: человеческое намерение совершить поступок часто приравнивается к самому поступку.

Заявление человека о том, что он верит в то, что нужно поступить именно так, вполне может послужить предлогом не выполнить сказанного, за исключением тех случаев, когда есть свидетели, готовые поймать вас на слове.

– Добро, мой дорогой Яша, – это не намерение действовать, а это само действие. А для своего исполнения любое действие, заключающее в себе добро, требует сознательного усилия воли и представляется человеческому воображению спящей красавицей. Оно лежит в самом сердце заколдованного леса возможностей. И это воплощение в реальность грозит уничтожить все то, что могло бы быть создано другими людьми и их действиями.

Подготовка к действию, заключающему в себе добро, доставляет человеку большее удовольствие, чем его завершение. Человеку приятно быть первым сегодня, потому что завтра я проявлю благородство ради наживы. Это проявляется в бездействии людей. Их нежелание совершать добро является результатом их желания доказать, что они обладают свободой выбора. Бездействие – это тоже действие. Человеческое «Я» – это не только то, что я делаю, но и то, что человек не делает. Отказ действовать зачастую равносителен немотивированному поступку, основная цель которого заключается в том, чтобы доказать, что человек свободен.

– Какими, в таком случае, представляются вам добрые дела? – не выдержав длительности и сложности объяснений Риконена, спросил Яшка.

– Ваша неспособность делать добрые дела, – продолжал гном, – состоит в том, что задуманное действие кажется настолько незначительным в сравнении с конечными намерениями человека, что оно просто в его глазах теряет смысл. Сколько добрых дел, задуманных людьми, рассыпалось в прах, когда они стали казаться перетаскиванием по песчинке Сахары или

вычерпыванием ложкой Тихого океана. В силу этих причин люди не совершают добро для своих ближних и дальних.

– Почему люди делают так мало добра? – спросил Яша у гнома.

– Какими бы глупыми люди не были, существуют простые ситуации, – ответил гном, – в которых нетрудно разглядеть понятную, вполне положительную, линию поведения, но люди все-таки уклоняются от нее. Какими бы эгоистами они не были, существуют положительные решения, не связанные с самопожертвованиями, но люди и от них уклоняются.

На протяжении последних тысячелетий все великие мыслители, святые и художники отстаивали, воплощали и прославляли благородство и превосходство хорошего поступка, как основу справедливого общества. Согласно их свидетельствам, биологическая и общественная ценность поступка несомненна. Поэтому трудно отделаться от впечатления, что великие умы человечества ошибались, а масса его более заурядных представителей постигла превратную, но более глубокую истину: если судить в общем, то лучше не делать ничего, чем делать добро, – заметил гном.

– Чем вы объясните такое положение? – спросил мальчик гнома.

– Я думаю, что эта странная и безрассудная апатия в значительной степени вызвана мифами, порожденными религией, утверждающей, будто добрые дела приносят блаженство, и что таким образом добрый человек счастливее злого.

Мир, в котором живет человек, изобилует примерами того, что это и вправду мифы. Об этом свидетельствует то, что добрые дела не приносят людям ничего, кроме страданий. Подобно тому, как человек вечно ищет посредника, он вечно ищет вознаграждения. Он ощущает, что должна быть еще какая-то награда за добрые дела, помимо чистой совести и чувства самодовольства.

– Я думаю, что добрые дела должны приносить наслаждение. А если этого нет, значит, игра не стоит свеч.

Яшка Стукач, обращаясь к гному, спросил: – А скажите, как обстоят дела с благотворительностью и с распространением добра среди гномов.

– Конечно, не так, как у людей, – начал Риконен. – Дело в том, что исходный принцип общения у нас заключается в том,

чтобы делать друг другу добро. И этот принцип неукоснительно выполняется. Если у кого-либо из нас возникает какая-либо сложность жизненного порядка, то каждый из нас, кто узнает об этом, считает своим первейшим жизненным долгом поспешить ему на помощь. Общественный климат в нашем коллективе заключается в том, что помощь ближнему и дальнему поставлена на первое место. И всякая задержка в оказании помощи нуждающемуся в ней является, безусловно, осуждаемой общественным мнением. Давление общественного мнения является таким эффективным средством, что никто не пытается противостоять ему. Все гномы настроены единодушно на выполнение актов взаимопомощи и поддержки. Этого, к сожалению, нет у людей, и об этом мы уже частично говорили.

Есть два очевидных способа получения удовольствия среди людей. Первое из них можно назвать преднамеренным, поскольку в этом случае события, доставляющие удовольствие, заранее планируются и предполагаются. Второй, наиболее важный способ вызывания удовольствия, можно назвать случайным, поскольку он возникает неожиданно: это может быть не только нечаянная встреча со старым другом или внезапно открывшаяся красота пейзажа, но и все те же элементы преднамеренного желания получить удовольствия, которые не были четко предусмотрены. Планируя преднамеренное удовольствие, люди всегда предполагают некую «премию» случайного типа.

В данном случае человеческий подход можно уподобить расчетам путешественника: там, где план и цели маршрута известны, он собирается получить преднамеренное удовольствие, но в его ожидания входит и немало случайных удовольствий, связанных как с запланированными, так и не предусмотренными событиями. Таким образом мы пытаемся обезопасить свои ставки – или запланированные человеком удовольствия, – опасаясь, что они разочаруют, останутся неожиданными, и наоборот. В обоих случаях полученные человеком удовольствия поражают, прежде всего, тем, что они в очень большой степени зависят от случая.

Люди жизнью приучены воспринимать удовольствия обоих типов в основном, как результат случайности. Люди эгоистичны, не столько удовольствия добираются до них, сколько люди добираются до них.

Однако, как только люди начинают относиться к удовольствию как своего рода внутреннему пари, а затем ожидать такого же удовольствия от нравственного выбора поступков, у человека сразу же обнаруживаются проблемы. Атмосфера случайности, пропитавшая один мир, подчиняет своему тлетворному влиянию другой. Если случайность управляет законами удовольствия, то пусть она управляет и законами добрых дел. Из практики повседневной жизни люди приходят к очевидному выводу, что совершать стоит только те добрые дела, которые дают удовольствие. Его могут приносить общественное уважение, личная благодарность, своекорыстие, надежда на то, что человеку ответят добром на добро.

Добро может выступать, — подчеркнул гном Риконен, — в качестве стимулятора освобождения человека от чувства вины, в особенности, если это чувство было выражено в человеке культурной средой, которая в этом деле имеет решающее значение.

В любом случае побудительный мотив, оправданный исторической необходимостью или прагматическими соображениями, создает совершенно нездоровый климат вокруг человеческого намерения поступать хорошо.

Творить добро ради публичного вознаграждения означает творить не добро, а делать что-либо для себя в смысле утверждения своего престижа или роста материального благосостояния. Тот факт, что это действие к тому же приносит добро, может показаться его оправданием; но это опасное оправдание, и это можно продемонстрировать многочисленными примерами. Человек провел хорошую избирательную кампанию по выборам в государственную думу и стал ее депутатом. Выступил в ней как инициатор проведения ряда нужных стране законов, приобретя авторитет в думской комиссии по ВПК, стал лоббировать в ней за проведение военных заказов определенными фирмами, и за это стал получать не учтенные обществом и государством доходы. Так, конечно, в человеческом обществе бывает, — отметил гном, — это выражает взаимосвязь личного и общественного интересов. Личный интерес здесь может быть очень значительным, во всяком случае, более значимым для человека, чем для государства.

Третий, менее очевидный способ получения удовольствия, с которым мы обычно не связываем мысль о нем, хотя, несомненно, испытываем его, является функциональным.

Яшка Стукач: – Что это еще такое?

Риконен: Мы получаем его из тех видов деятельности, из которой складывается наша жизнь: прием пищи, работа органов дыхания, выделения и, наконец, самого бытия человека. От этих удовольствий отказаться человек не в состоянии. Если мы не ощущаем этого с достаточной определенностью, то лишь потому, что их в человеческом восприятии заслоняют два других более сложных и осознанных способа получения удовольствия, о которых я говорил уже выше.

Человек выбирает, что ему предстоит есть, и получает преднамеренное удовольствие. Если при этом испытываемое им удовольствие превышает ожидания, то получается случайное удовольствие. Под всем этим кроется еще и функциональное удовольствие от самого процесса еды, поскольку есть – значит продолжать существование, значит, продолжать жить.

Из этого типа человеческих действий следует выводить мотивы добрых поступков. Выражаясь языком человеческих отправлений – человеку следует не извергать, а источать добро.

Яшка Стукач – Почему это так? На основании чего мы можем судить об этом? Как это конкретно происходит? Гном Риконен – Телесные отправления не способны вызвать у человека реакцию пресыщения. За их выполнение мы не ждем дополнительной награды, поскольку человек знает, что в данном случае награда заключается в самом процессе их совершения.

Невыполнение естественных отправлений приводит к болезни и смерти организма, тогда как невыполнение добрых дел в конце концов приводит к смерти общества.

Благотворительность, доброта к ближним, действия, направленные против несправедливости и неравенства, должны быть поступками не ради удовольствия, но ради гигиены.

Из чего же складывается функциональное «здоровье общества»? – риторически вопрошает гном, отвечая на вопросы мальчика. Самая важная из его составляющих такова: добрые дела, к которым он не относит действий, подлинным мотивом которых является завоевание уважения в обществе. Даже если ради такого поступка человеку не приходится идти против

собственных интересов, доброе дело требует их отсутствия или необязательного с точки зрения человеческих биологических нужд расхода энергии и т.п.

Все наши представления о Боге – это представления о наших собственных возможностях. Милосердие и сострадание, которые повсеместно приписывались прекраснейшим из представлений о Боге под его разнообразными внешними признаками, это те качества, которые мы стремились развивать во всех людях. Они не имеют никакого отношения к внешней «абсолютной» реальности.

Это отражение собственных надежд человека. В обыденной жизни бывает не так-то просто отделить корыстные мотивы от «гигиенических». Однако гигиенический мотив всегда можно использовать для оценки прочих мотивов. Он служит «пробным камнем» для них, особенно для той обширной категории поступков, которые кажутся добрыми в глазах их исполнителя, но, безусловно, влекут за собой негативные последствия. Здесь, мой друг, – обратился гном к мальчику, – необходимо различать личное субъективное представление о добре и зле от объективного факта его бытия. Это не одно и то же. Некоторые члены инквизиционного трибунала, и возможно, даже нацисты, практиковавшие геноцид и уничтожение целых народов, «искренне и беспристрастно верили», что совершают доброе дело. Они для себя уповали на лучший мир, который наступит в результате их деятельности для них самих и их единоверцев, но не для еретиков, ведьм и евреев, которых они уничтожали. Они поступали так не ради большей свободы, а ради общего корпоративного удовольствия.

Свобода воли в мире, лишенном свободы, – отмечал гном, – похожа на ту, которая находится в мире, лишенном воды. Она не может существовать, потому что не может проявить себя.

Заблуждение таранов состояло в том, что тиран считался свободным, а его подданные рабами; но на самом деле, тиран – раб собственного порабощения и жертва своей же тирании. Он не волен поступать так, как ему хочется, потому что его желания обусловлены требованиями поддержания тирании.

Эта политическая истина верна и на личном уровне «Запомни, как представитель человеческого рода, – продолжал гном, обращаясь к Яшке Стукачу, – если доброе дело не на-

правлено, в конечном счете, на возрастание в обществе свободы, а, следовательно, справедливости и равенства для всех, то его негативные последствия затронут не только объект действия, но и его исполнителя, поскольку это приведет к ограничению его собственной свободы».

С точки зрения «функционального удовольствия» такой поступок можно уподобить пище, выведенной из организма: ее питательная ценность сведена на нет, тем ущербом, который она может нанести, если ее вредные элементы не будут удалены из организма.

Мы прошли первый физиологический этап биологической революции, и теперь настало время выйти на баррикады второго духовного этапа, – сказал гном, заканчивая свое длительное и трудное для мальчика поучение.

Яшка поблагодарил гнома и задумался.

МАМОНТ В ПЕЩЕРЕ

Мамонты давным-давно перестали жить на земле. Но, как говорят, на земле бывают чудеса. И вот в том селении, которое находилось поблизости от того места, где Сылва делает поворот, ее жителю Хориву Благому в лесу на охоте встретился мамонт. Он не убил его, а взял за хобот и привел домой. Он не согласился с соседями, которые убеждали его в необходимости убить мамонта, а его тушу разделать на мясо.

Мамонт стал прирученным. Он делал все, о чем просил его хозяин. Особенно хорош он был по части переноски тяжестей. Так продолжалось несколько лет. Однажды к Хориву Благому зашел его сосед Иван Дышло. Он стал жаловаться Хориву на то, что, спасаясь от набегов иренских татар, множество жителей соседних селений покинули свои насиженные места и прибежали в Мысы, надеясь отсидеться там, за реками Иренью и Сылвой. Жителям Мысов такое нашествие соплеменников очень не нравилось. Они не хотели иметь нахлебников, и к тому же где разместить эти сотни людей с их семьями – женами и детьми. Хорив Благой глубоко задумался. Он не знал, чем он может помочь этим бедным и напуганным людям.

Долго он думал. По ночам не спал и в конце концов придумал. Людям нужно жилище, им надо иметь место, где они смогут жить, и таким местом должна быть большая пещера, которую следует вырыть под горой, которая находится по правому берегу Сылвы, неподалеку от села Мысы.

Решив сделать так, Хорив задумался над тем, кто это будет делать. Дело было не шуточное, нужно было вырыть под горой такое большое помещение, чтобы в нем можно было разместить сотни людей.

В результате длительных размышлений Хорив пришел к выводу о том, что это можно будет сделать при помощи мамонта. «Этот огромный зверюга очень силен. Попробую-ка я приручить его делать эту работу. Зря у него такая силища пропадает. Если это дело удастся, то он сделает доброе дело для многих людей. Сказано – сделано. Но как приручить мамонта копать пещеру – Хорив не знал. Он долго думал над этим и, наконец, решил. Он будет копать гору лопатой и будет показывать это мамонту. Он понятливый, может быть, и поймет. Показывает Хорив мамонту, как нужно работать, тот пробует –

получается. Только вот беда – хобот у мамонта для этой работы не приспособлен. Он очень мало земли забирает. Это не по силам мамонта. Он мог бы брать намного больше. Подумав, Хорив решил сделать для мамонта большую лопату в форме ковша.

Кузнец Иван Долото удивился, когда к нему в кузницу пришел Хорив Благой с мамонтом. Большим Дядей. Он сказал ему: «Помоги, Иван. Сделай большой ковш по хоботу этого Дяди. Хочу с помощью его выкопать в Сылвенской горе большую пещеру. Она пригодится, когда к селу подойдут татары и, кроме того, в ней можно будет в мирное время хранить съестные припасы.

Осмотрел Иван огромного зверя и говорит: «Хорошо, Хорив, попробую я сделать такой ковш, о котором ты просишь. Только не знаю, как он будет им работать. Он будет большой и тяжелый. Ковать его буду три дня, а ты мне за это заплатишь тем, что в пещере отведешь бесплатно место для хранения моих мясных припасов».

– Ладно, – ответил Хорив, – согласен, только делай на совесть.

Кузнец был на редкость трудолюбив. Вскоре после этого разговора из кузницы слышались звукиковки железа. Через три дня Иван Долото позвал в кузницу Хорива Благого.

– Принимай заказ. Сделал, как обещал.

Вместе с мамонтом Хорив пошел в кузницу. Вытащив вместе с кузнецом ковш из кузницы, они стали примерять его к хоботу мамонта. После нескольких попыток им удалось одеть его на кончик хобота.

– Теперь будет хорошо, – сказал кузнец, – теперь он сможет не одну гору перекопать; пещера будет обязательно вырыта.

– Спасибо тебе за это, – сказал Хорив, – я никогда не забуду твоей доброты.

– Ладно, не благодари. Лучше гору попробуй сверни, – сказал кузнец и пошел в кузницу заниматься своими делами.

Подойдя к горе, Хорив взял свою лопату и начал копать склон горы, который находился у правого берега Сылвы.

Мамонт быстро сообразил, что от него требуется, и приступил к работе с помощью ковша. Работа скоро подвигалась, и к вечеру была уже вырыта большая яма. Осмотрев ее, Хорив

пришел к выводу, что копать нужно не сверху вниз, а сбоку и в сторону горы. В этом случае получается своеобразный туннель, покрытый сверху горой. Это и будет пещерой.

Показал Хорив Большому Дяде, как нужно работать, а сам ушел домой. Когда он пришел на следующий день, пещера уже обозначилась. Большой Дядя работал хорошо. Хорив приласкал его и поощрил на дальнейший труд. Каждый день утром и вечером Хорив с Большим Дядей занимались пещерой.

Через три месяца пещера была готова. Она была полторы версты длиной. В ней было холодно. Во время работы Большой Дядя простыл, заболел и умер. Громадная масса его тела разложилась и превратилась в воду. На этом месте теперь в пещере находится озеро. А Хорив Благой еще долго жил в селе Мысы и делал разные добрые дела людям.

ГНЕЗДО ДЬЯВОЛА

Наше село расположено в долине реки Сылвы. Природа здесь великолепная. С правой стороны от Сылвы начинаются горы, поросшие густым еловым лесом. Белые, потрескавшиеся от старости скалы, поросшие мхом и лишайником, карликовые белоствольные березки и миниатюрные ели, примостившиеся на них, могучие раскидистые сосны, расположенные на отступах от этих скал, представляют таинственную и загадочную красоту и совершенство уральской природы. Слушая шум ветра в верхушках сосен, его гудение в густом еловом лесу, непонятное шлепанье и шепот листьев, вечно тоскующей о чем-то осины и глухое гудение лиственницы, мне хотелось познать и расшифровать это таинственное соцветие прелестных звуков, раскрыть тайну его вековой музыки, оформленную в несравненные по красоте и совершенству художественные акварели, изумительно мастерски написанные и сотворенные природой. Сколько бы ни смотреть на эти скалы и лес, покрывающий их удивительным по красоте и совершенству убором, он никогда не надоест.

Однажды я так залюбовался чудесным совершенством раскинувшейся передо мной чудной картины природы, что не заметил, как ко мне подошел незнакомый, очень древний старик с большой, окладистой рыжей бородой в форме лопаты и стал меня спрашивать: о чем я задумался, и нравится ли мне этот лес, бывал ли я в нем, как далеко заходил и что в нем видел.

Вопросы старика, первоначально не понравившиеся мне своей нескромностью и назойливостью и даже вызывающие у меня раздражение, постепенно, и чем дальше, тем больше, нравились мне своеобразной оригинальностью. Его язык, его отточенная фразеология в сочетании с какой-то вкрадчивостью и деликатностью стали вызывать первоначально удивление, а потом какое-то непонятное мне успокоение, снятие настороженности и постепенно возникшее желание отвечать на те вопросы, которые старик задавал. Я начал понимать, что передо мной необычный и много знающий человек. В чем заключалась его оригинальность, — я еще не знал.

Одновременно во мне вспыхнуло желание самоутверждения, редко бывавшей у меня в душе своеобразной гордости.

Мне ни за что не хотелось спрашивать у деда: откуда он, и кто он такой, что ему от меня нужно, и что он мне предлагает делать? Размышляя над этим, я потупился и замолчал. Мое молчание было кратким мигом, оно продолжалось не больше минуты. Дед пристально посмотрел на меня и как будто прочитал мои тайные мысли. Он сказал мне, что знает, о чем я думаю, и, действительно, хочет спросить меня: видел ли я в лесу в шести верстах отсюда гнездо дьявола? И если не видел, то он готов меня туда отвести и показать там кое-что очень интересное.

Это известие, естественно, меня очень заинтриговало. Я ответил, что подумаю, и, если надумаю и решусь, и буду к этому готов, то завтра приду на это место, где мы сейчас находимся, в шесть часов вечера. «Хорошо, – вздохнул старик, – подумай и посоветуйся с твоей матушкой, можешь поговорить об этом с твоей бабушкой Евдокией Федоровной или с дядей Петром Филипповичем».

Я был удивлен. Откуда у этого, казалось, мне не знакомого, не местного старика, такая осведомленность по части моих родственников? Однако спросить об этом у деда я не решился. Удержала меня от этого недавно родившаяся во мне гордыня.

За ужином я спросил у матери: «Кто этот старик, встретившийся мне сегодня в лесу, который выразил желание провести меня до гнезда дьявола, знающий всех моих родственников по именам?». Лицо матери исказилось испугом.

– Это Филька – рыжебородый колдун. Где он тебя встретил, и о чем ты с ним говорил?

– Видел я его в лесу у поворота реки. Я смотрел на скалы, которые так круто обрываются к воде, мне это место очень нравится.

– Это место очень нехорошее. В лесу около него обитает всякая нечисть, а в реке столько людей погибло, когда в половодье не раз разбивало строгановские караваны.

– Мне-то что, какое мне дело до этого, причем тут я, и что я мог сделать, как я мог помочь этим людям, когда меня еще на белом свете не было?

– Я тебя очень прошу: не ходи к нему на встречу, не ходи с ним к гнезду дьявола. Этот Филька слывет очень знающим человеком по колдовской части. Он очень много знает. Но знания его черные.

– Что это значит? – спросил я.

— Это значит, что они могут использоваться во вред людям, для нанесения им ущерба, наслания болезни и еще чего-нибудь в таком же роде. Это очень скверный человек, и никто из верующих людей с ним не связывается, — решительно закончила разговор мать.

По ее тону я понял, что Филька представлял что-то необычное на нашем сельском небосклоне. Он жил не у нас, — он был бродячим странником, не имевшим места жительства. Частенько он посещал наше село. Его не любили, но опасались, поэтому пускали ночевать, но не в избе, а в бане; это его устраивало, особенно, если баня была теплая, то есть после того, как в ней парились.

Выспросив о колдуне у соседей все, что они о нем знали, я решил, что все-таки надо будет сходить с ним к гнезду дьявола. Меня очень интересовало, что там может быть интересного. Все сельские знатоки на этот счет ничего определенного мне сказать не могли, и это еще больше разжигало мое любопытство.

На следующий день в назначенное время я был на условленном месте. Вскоре появился Филька-колдун. Он был одет в черный кафтан и черные суконные штаны, на ногах его были старые сапоги со стертыми подошвами. Весь наряд его каким-то образом подчеркивал, что он хотел перед кем-то показать себя хорошо и изысканно одетым. Увидев меня, он ласково и приветливо поздоровался.

— Решился все-таки. Я думаю, что жалеть об этом не придется, — сказал он, — сейчас мы сразу же отправимся туда.

В голосе его слышалась плохо скрываемая радость и вместе с тем какое-то непонятное торжество: «Идти нам придется вдоль берега Сылвы, а потом мы свернем направо». Мы сразу же двинулись в путь. Дорога была прелестной. Слева от тропинки через купы деревьев внизу под крутым берегом синело водное пространство Сылвы, а справа, на некотором расстоянии от нашей дорожки, по которой мы шли, громоздились скалы, и чем дальше мы двигались по направлению против течения реки, тем они становились все более дикими, высокими и неприветливыми. Тропинка, по которой мы шли, была узкой и плохо протоптанной. Чувствовалось, что по ней редко ходили.

Про себя я подумал, что может быть, зря я на это решился, интересно, куда он меня заведет. Филька шагал передо мной.

Словно почувствовав мои ностальгические мысли, он приостановился и сказал:

– Скоро мы свернем направо и пойдем в горы, идти будет труднее, но интереснее. Ты ведь любитель природы, так вот скоро сможешь вдоволь насладиться ею.

– Хорошо, если это обещанное наступит скоро, – подумал я, усердно продолжая вышагивать вслед за колдуном.

Через некоторое время тропинка сделала крутой поворот вправо, и мы стали подниматься в гору. Справа и слева от нас громоздились крутые скалы из белого камня с темными прожилками, словно расчерченные для каких-то неизвестных целей чертежником. Кверху они сужались и на самой вершине представляли собой остроконечные пики, наверху которых, насколько я мог видеть, рос мох, и не было ничего более.

Через полчаса подъема я утомился и невольно подумал: долго ли еще будет продолжаться этот подъем, и в какое гнездо дьявола мы попадем.

Филька повернулся ко мне и сказал:

– А теперь будет самое трудное и даже опасное, но зато недалек конец нашего пути. Наберись терпения.

– Да уж постараюсь, – ответил я. Раз взялся за гуж, так не говори, что не дюж.

Тропинка, по которой мы шли, стала представлять собой небольшую террасу полметра шириною, а иногда и меньше, справа от нас почти вплотную к нам подступали скалы. Они точно наступали на нас и хотели выдавить нас с тропинки и сбросить вниз в пропасть, которая теперь чернела слева от нас, дно которой было глубоким и представляло покатую поверхность, идущую к берегу Сылвы. Она была покрыта густым лесом, и только там, где она обрывалась круто вниз, слева от нас на берегу обрыва росли тоненькие карликовые елочки. Тропинка стала так сужаться, что нам пришлось держаться за выступы скал и, балансируя над бездной, таким образом идти дальше.

Взглянув вниз, я увидел черную пропасть, и мне стало страшно. Иногда из-под наших ног отрывался камешек, он улетал вниз, и звука его падения на дно пропасти нам не было слышно.

– Теперь будет самое трудное, – предупредил меня Филька-колдун, – но зато так идти придется не долго. Скоро конец.

Держись за выступы скалы, обхватывай их руками и передвигайся очень осторожно. Тропинка будет очень узкой, а пропасть внизу глубокой. Нам придется таким образом идти несколько десятков метров, а дальше будет не опасно, — тропинка будет широкой.

Меня поражал Филька, особенно на этом самом трудном переходе. Глубокий старик, казалось бы, утративший подвижность суставов, он на этом трудном отрезке пути, где скала, казалось бы, задалась целью выдвинуться влево к Сылве и сбросить нас вниз в пропасть, демонстрировал какую-то кошачью гибкость и пластичность своего тела. То, как он плотно обхватывал малейшие выступы камня, нависающие сбоку над тропинкой, как он, виртуозно изгибаясь и ослабляя мышцы тела, как жидкость перетекал через них и двигался дальше, вызывало у меня удивление.

— Ну и старик, так и молодой не сможет, — думал я.

— Потерпи немного, еще несколько метров, и наступит конец нашим мучениям, — сказал Филька.

Порядком выдохшийся и уставший, я с радостью воспринял это сообщение. Действительно, через несколько минут тропинка расширилась, скала как бы отступила назад вправо, и мы получили возможность довольно свободно продвигаться вперед.

— Скоро мы будем у цели нашего путешествия, — сказал Филька.

Теперь мы шли по тропинке, которая представляла середину довольно широкой террасы и с обеих сторон была окаймлена лесом, к тому же довольно крутой подъем прекратился, и теперь мы медленно опускались книзу.

— Интересно, что же будет дальше, — подумал я, когда мы, наконец, достигнем этого гнезда дьявола и где размещается оно?

Лес становился все гуще и гуще. Ветви деревьев образовали над тропинкой сплошную крышу, и мы шли по такой дорожке. Тропинка сделала поворот вправо и пошла в гору. Филька предупредил меня: «Сейчас!» И действительно, перед нами справа от тропинки находилась довольно ветхая старая избушка, крыша которой почернела от времени, а на углах бревен и между ними виднелись лишайники.

— Вот это и есть гнездо дьявола, — сказал Филька.

— В нем я не вижу ничего особенного, почему и откуда взялось такое название, — пробормотал я недовольно.

— Увидишь, — с торжеством сказал проводник, — а пока обожди меня здесь, я зайду внутрь и узнаю, кто там есть.

Старая дверь, ведущая в хижину, была снабжена внутренней щеколдой, от которой через просверленное отверстие была выведена проволока, при натягивании которой щеколда поднималась, и можно было войти в избушку.

Воспользовавшись отсутствием моего спутника, я огляделся вокруг. Месторасположение дьявольского гнезда было удобным с точки зрения сложности подхода к нему. Позади была та опасная тропинка, по которой мы пришли сюда, а впереди на некотором расстоянии за избушкой с трех сторон громоздились высокие, отвесные скалы. Наша тропинка обрывалась, и мы оказались в тупике.

Пока я размышлял и осматривал местоположение гнезда дьявола, в дверях избушки показался Филька. Он знаком правой руки приглашал меня к себе. Когда я подошел к нему, он предложил войти в избушку. Последовав за ним через мрачные сенки, я вошел в избушку. Она была настолько необычна, что заставила меня опасаться. Свет в нее проникал через единственное окно, которое было небольшим, не имело створок и не открывалось. Самым значительным предметом в избушке была печь. Очень похожая на обычные деревенские печи, какие я много раз видал в крестьянских деревенских избах.

Поскольку единственное окно избушки выходило на восток, то в ней в течение большей части суток была полутьма. Утром солнце также не заглядывало в избушку, поскольку с этой стороны его закрывали высокие скалы, поросшие лесом.

Рассматривая печь, я заметил, что на ней кто-то находится. Первое, на что я обратил внимание, были темные горящие, злые глаза. Они сверкали каким-то жидким блеском, точно в них горел огонь. И радужная оболочка глаз по своему цвету походила на этот огонь.

— Чего ты смотришь на меня, парень, чего тебе надо, зачем ты пришел сюда, — закрипел высокий и дребезжащий голос старухи.

— Это я привел его, не сердись, Фекла, — вмешался в разговор Филька, — он очень хороший парень и хочет много знать.

– Пусть учится в школе, если ему знания нужны, – прокрипела старуха.

Однако Филька решил не оставлять взятую им на себя роль моего покровителя. Поэтому он сказал старухе:

– Я хочу учить его настоящему знанию и думаю, что и ты мне в этом поможешь.

– Нет, я не хочу этим заниматься. У меня хватает и своих дел. А если тебе он приглянулся, то возись с ним. Это твоё дело, а я тут ни при чем.

– Ты напрасно ерепенишься, – с настойчивостью в голосе сказал Филька старухе, – такого юноши как этот, я ещё не видал, и если бы не это, я никогда не привел бы его к тебе.

– Что-то ты больно хвалишь своего паренька. Посмотрю я на него и поговорю ещё с тобой, а сейчас я вас оставлю здесь и побуду одна в лесу. У меня там есть кое-какие дела.

С этими словами старуха стала слезать с печи, и я смог увидеть её во всем телесном безобразии. Она была горбата, необычайно длинные клыки торчали по бокам рта и придавали ему хищное выражение. Длинные седые волосы беспорядочными прядями разметались по её костлявым сутулым плечам и напоминали конскую гриву. Её глаза, глубоко запавшие, напоминали языки пламени от керосиновой лампы, горевшей где-то далеко в подполье. Они одновременно жгли своим желтым блеском и притягивали к себе, во всяком случае, я сразу стал ощущать их необычное влияние. Они как бы вопрошали о том, что ты есть, что тебе нужно, и в то же время обещали ласку и благоволение. Старуха сделала несколько шагов до двери, причем при каждом шаге её тело наклонялось на тот бок, со стороны которого она заносила ногу и делала шаг. Казалось, что она проваливается в яму и только затем медленно, но верно выправляется. Глядеть на неё было неприятно, но вместе с тем она вызывала сочувствие.

Старуха вышла, хлопнув дверью, и я уставился на Фильку, ожидая от него объяснений случившемуся. Однако он молчал. Он сидел на лавке, стоявшей у стены, противоположной печи, и молчал, обхватив колено закинутой ноги.

Я не выдержал и спросил: «Кто эта старуха, и что значит её уход?».

Помолчав с минуту, Филька начал свой рассказ.

Это ведьма Фекла. Когда-то очень давно она была простой деревенской бабой, но у нее возникли сложные отношения с мужем. Соседи ей посоветовали обратиться к помощи колдуна Пахома, который тогда ходил по деревням. Вынужденная из-за побоев мужа обратиться к нему, Фекла услышала его условие:

– Я тебя научу, ты будешь много знать, ты будешь в состоянии управлять не только своим мужем, но и другими мужьями, которых ты пожелаешь, ты сможешь лечить тех людей и от тех болезней, которых захочешь. Но прежде, чем ты получишь эти знания, ты должна стать моею.

– Ты такой противный, старый, у тебя такая длинная борода, в которой, наверное, находятся вши. Брррр, никогда.

– Твое дело, тогда муж вколотит тебя в доски, – сказал Пахом.

Подумав, Фекла решила побороть свое отвращение и заплатить такую цену. После этого дела ее пошли как в сказке. Муж прекратил побои. Она могла свободно приводить к себе домой кавалеров, каких только хотела. Он только умолял ее: «Не уходи».

Знания, полученные Феклой, позволили ей заниматься знахарством. К ней ехали за десятки километров больные и прокаженные – она, выпросив об обстоятельствах болезни, отправляла их домой со словами: «Все будет в порядке. Твой муж будет здоров. Он будет любить тебя». Странно то, что в большинстве случаев все так и получалось. Слава Феклы была велика, молва распространялась на целые уезды. Но вот прогремела Октябрьская революция и гражданская война. В стране укрепились власть Советов. Она характеризовалась засильем красных комиссаров. Они, а не формальная демократия, представляли фактическую власть на местах. Будучи невежественными и зачастую малограмотными, они тем не менее выступали от имени атеистического, научного мировоззрения. Они любили науку, в которой ничего не понимали. С врагами они поступали круто. Чуть что не так – расстрел.

В нашем селе верховодил комиссар Федюнькин. Он был председателем местного Совета. Однажды на почве ревности одна из женщин нашего села – Седухина Анна – пожаловалась на Феклу, рассказав о ее колдовских делах. Выслушав ее, Федюнькин заявил: «Этого еще не хватало в нашем селе. Мы вы-

чистим эту нечисть. Завтра же я вызову из Кунгура чекиста Мutowкина, и эта Фекла будет расстреляна».

Довольная баба ушла домой. Такой расправы со своей соперницей она не ожидала. Дорогой она поделилась новостью со своей соседкой Таисьей Курочкиной. Та, поохав и поахав, посочувствовала ей, но, придя домой, сразу же побежала к Фекле, с которой была в неплохих отношениях. Прибежав к ней, она сразу же спросила у нее, есть ли у нее заговор против пули. Та ответила: «Нет».

– Тогда, подруга, у тебя беда, – и она рассказала, что слышала от своей соседки.

Фекла затряслась от страха. Она знала, что комиссар не шутит. Знала, сколько людей было расстреляно ни за что по его требованию.

Упав на грудь соседки, она зарыдала: «Что делать? Помогите! Завтра конец моей жизни. А за что? Что этим людям плохого сделала? Скольким я помогала, скольких вылечила. И вот эта падаль меня оговорила перед беспощадным палачом».

– Придумай что-нибудь и спаси меня, – умоляла она свою подругу.

– Что я могу, – отвечала та, начиная осознавать, какая беда нависла над Феклой.

– Придумай что-нибудь, – причитала та, пораженная столь неожиданным изменением в ее судьбе, – век буду тебя благодарить.

Сколько ни крутила головой Таисья Курочкина, сколько ни думала, как помочь Фекле, – ничего не получилось. Но ... вдруг ее осенило. У нее есть знакомый Филимон Бестужев, у него в лесу есть избушка, она, говорят, расположена в горах, и до нее добраться очень трудно.

– Надо уговорить его – пусть он возьмет тебя туда, и ты там поживешь некоторое время.

– Зови его, – приказала Фекла, уверовав, что, быть может, ей суждено еще жить.

Эта мысль наполнила ее уверенностью, которая сразу же зазвучала в ее голосе.

– Где он, и как его найти? – запричитала Курочкина.

– Иди к нему домой. Знаешь, где его дом. Зови его сюда. А если нет дома, иди в лес в избушку, иди куда угодно, только найди его. А то меня ждет смертынька.

Филимон, по счастью, оказался дома. Зная колдовскую славу, он пошел к Фекле и после разговора с ней согласился приютить ее на время тайно в своем замке. Фекла в обмен на эту любезность обещала ему лечить бесплатно всех его родственников в течение всей ее жизни. На этих условиях они согласились.

После этого она осталась в избушке лесника на долгие годы. Первоначально она страшно боялась комиссара Федюнькина, который верховодил в их селе несколько лет, а потом страх быть расстрелянной за колдовство стал у Феклы навязчивым, и она не возвращалась в село, тем более, что муж ее недолго жил и вскоре умер. А она продолжала лечить людей всей округи. Поскольку добраться до домика лесника было трудно, он получил в народе прозвание «гнездо дьявола». Обычно просьбы об излечении односельчан и жителей соседних деревень ей передавали через лесника Филимона, который при этом слегка «согревал руки».

Прошло 42 года. И вот перед тобой Фекла и лесник Филимон своей собственной персоной. И Филька сделал торжественный жест в свою сторону.

НЕРАСКАЯВШИЙСЯ

– Мы сделаем все как положено и по форме, и по существу. Данное мне партийное поручение я выполню во чтобы то ни стало, и церковь в селе Ленск будет закрыта. Никто не посмеет встать на дороге выполнения данного мне партийного задания.

Чеканная речь Андрея Сидоровича Балчугова вызывала у присутствующих членов сельсовета страх. Его широкий щербатый рот раскрывался прямо в форме буквы «О», обнажая два ряда крупных, желтых, лошадиных зубов.

– Очаг темноты и забитости местного крестьянства будет уничтожен, и светлое царство коммунизма будет значительно приближено. Оно будет обязательно здесь, в Ленске, а не в потустороннем мире.

– Всё это так, но может быть надо подготовить к этому местное население: провести беседы и лекции силами учителей местной школы среди колхозников Ленска, – робко возразил директор местной школы Александр Минеевич Кондаков.

– Это затянет выполнение постановления Уральского крайкома партии об усилении борьбы с религиозными пережитками. Вы что, не понимаете, что мы через месяц должны не только провести необходимые работы по закрытию храма, очага местного обскурантизма, но и отправить все вещественные материалы, все ценности, реквизированные в нём, в Свердловский крайисполком. А это работа не простая – большой колокол на колокольне не соответствует размерам окна, поэтому часть стен придётся долбить. Кто займётся этим, кому мы это можем поручить, учитывая темноту и религиозность колхозников?

– Александр Фёдорович! – смягчая командные нотки в голосе, обратился он к бригадиру Кедовской бригады Садыреву, – есть такие мужики, которые готовы сделать это?

Садырев был участником гражданской войны, красным партизаном, наиболее авторитетным членом сельсовета.

– Есть такие люди, – ответил тот глухим и хриплым от перепоя голосом, – при наличии подробных указаний мы завтра же приступим к работе.

– Это хорошо, через час сразу же после заседания сельсовета вы их получите и в течение двух недель должны будете

закончить весь необходимый объём работ, связанных с закрытием Ленской церкви.

– К чему такая спешка? При полной неготовности населения к этому мероприятию это приведёт только к росту религиозных настроений местного верующего населения, – робко возразил Александр Минеевич.

– Если даже это и будет так, то будет временно. Верующим негде будет собираться, и их религиозные чувства быстро пойдут на убыль, лишённые возможности организации и поддержки извне, – отчекрыжил Балчугов. – К тому же в самом акте закрытия храма заключается великое революционное значение: верующие наглядно увидят, что Бог не помог помешать закрытию храма, следовательно, нужно отречься и верить в реальные земные силы, а не потусторонние.

– А от себя добавлю, что вы, товарищ Кондаков, продолжаете линию гнилого буржуазного либерализма, позорного для члена коммунистической партии. Вы ничего не поняли и ничему не научились из решения уральского крайкома, освободившего вас от поста начальника милиции Кунгурского района. Милость к павшим врагам, прикрытая словесной оболочкой необходимого гуманного отношения к павшим идеологическим и политическим противникам, является сдачей пролетарских, классовых позиций, и вы должны были сделать из этого необходимые выводы, но видно, этого не произошло. В зале заседания сельсовета установилась мертвая тишина. Председатель почувствовал, что нужно продолжить собрание.

– Есть ещё какие-то предложения по данному вопросу? – спросил он у присутствующих и строго испытующе посмотрел на присутствующих в зале заседания.

Последовало минутное молчание.

– Других предложений нет? Кто за то, чтобы закрыть церковь в селе Ленск в месячный срок, прошу поднять руки. Единогласно. Собрание сельсовета объявляю закрытым. А вас, Александр Фёдорович, приглашаю сейчас осмотреть храм и получить от меня конкретные указания, что и когда надо сделать. Выпроводив членов сельсовета и закрыв на замок его двери, Балчугов повёл Садырева по направлению к храму.

Дорога до церкви была короткой. Предстояло подняться в гору и пройти вдоль полукилометровой сельской улицы. Встречающиеся женщины и дети смотрели на них с любопыт-

ством и затаенным недоброжелательством. От нового председателя сельсовета они не ожидали ничего хорошего, а идущий рядом с ним Садырев был им ненавистен за его участие в выселении из села кулаков, за его попытку создать в Кедровке коммуны, которая просуществовала всего три дня и вселила в них ужас на долгие годы. Местные мужики в глубокой тайне готовили его убийство, и только их нерешительность сохранила ему жизнь.

Подойдя к храму, Балчугов, несмотря на идущую в нём службу, предложил своему коллеге войти в него. Десятки старушек и стариков усердно молились, слушая исполнение церковной службы.

– Идём на колокольню, – предложил своему спутнику Балчугов и, не обращая внимания на молящихся, они поднялись на второй этаж храма, а затем по шаткой деревянной лестнице на колокольню, и, не посмотрев на раскинувшиеся вокруг храма прекрасные дали, он сразу приступил к делу... Вот этот выступ стены помешает нам сбросить колокол на землю. Его надо срубить, лучше всего долбить ломом. И только когда это будет сделано, можно будет спустить большой колокол и вместе с ним четыре меньшего размера.

– Крест над колокольней должен быть снят, – обратился он к Садыреву, – внимательно глядя на него своими чёрными глазами, – пошлём сюда несколько самых смелых крестьян. Они должны будут зацепить крест у его основания, и, перевив его основание верёвкой, брошенной вниз толпе народа, стянуть его с церкви. – Вместо креста мы поставим над церковью звезду.

– Да, это будет именно так, не смотри на меня такими непонимающими глазами.

Садырев молчал, хотя и его начинала коробить наглая самоуверенность вновь рекомендованного председателя сельсовета.

– Мальчишка ещё не воевал, на фронтах не был, а наглость уже беспримерная, – думал он.

Спустившись вниз, на первом этаже храма Балчугов остановился. Вечерняя служба уже закончилась, молившиеся начали расходиться. Председатель сельсовета остановился и властными жестами стал указывать на иконы, которые были на стенах храма и на его колоннах, подпиравших потолок:

Эти иконы должны быть уничтожены, – жестко изрёк он. Садырев кивнул головой.

Выйдя на паперть, Балчугов заявил:

– Завтра утром вы приступите к выполнению той задачи, которую я перед вами только что поставил. Партия и страна получит тонны цветного металла, местная школа получит дополнительное помещение, а сотни колхозников будут освобождены от невежественного мистицизма и повернуты лицом к свету науки и знания. Ваша задача – выполнить с честью и в срок партийное задание.

Садырев молчал. Его, старого партизана и революционера с подпольным стажем, с одной стороны, радовала решительность Балчугова, а с другой – раздражала его чрезмерная решительность и безапелляционность. Однако он подавил вспыхнувшее в нём раздражение и внешне спокойно ответил:

– Хорошо. Сделаем.

Простившись с Балчуговым, Садырев пошёл домой. Его дом стоял на краю села. Он думал о том, как и кому он завтра поручит это непростое дело.

Понимая, что для получения реальных результатов нужны крутые, решительные меры, Садырев решил действовать соответствующим образом. Он перебрал в уме всех мужиков своей бригады: Шептяков Егорка – этот палач лично кого угодно зарежет, но против религии он не пойдёт и церковь ломом долбить не будет, Ванька Пospelов – полубандит, втайне подговаривает мужиков при случае задушить меня.

Нет, эти и другие подобные им для этого дела не годятся. Нужны исполнительные, послушные и безропотные работники. Кто они? Подумав несколько минут, перебрав по памяти всех мужиков, Садырев пришёл к выводу, что эти трое: Крохалев Костя, Бабилов Вася и Гришка Кочергин.

На следующее утро на разнарядке, распределив всех по работам, бригадир подозвал к себе этих мужиков и предложил им следовать за ним в сельсовет. Гришка, встревоженный такой постановкой вопроса, спросил:

– А что мы там будем делать?

Решив сразу же сбить с него спесь, Садырев ядовито и медленно процедил сквозь зубы:

– Там узнаешь.

Придя в сельсовет, Садырев предложил мужикам садиться. Когда они расселись и закурили, он начал свою речь:

– Крайком партии принял решение о закрытии церквей. Сельсовет вчера принял решение о закрытии Ленского храма. Его надо не просто закрыть, но и сдать государству его имущество. Я имею в виду цветные металлы, кресты, иконы в дорогах оправах. Для того чтобы сбросить с колокольни большой колокол, мы должны будем расширить оконную стенку. К этой работе приступим сейчас. Мы с вами пойдём в церковь и начнём. Работа трудная, учитывая прочность кладки, которая так велика, что ни один кирпич целым оторвать невозможно.

– Мы этим делом заниматься не будем, – заявил Гришка Кочергин, – нашёл дураков этим заниматься. Да нас же за это дело заключат бабы. Тут жизни будешь не рад. – Закончил он свою короткую, но понятную другим речь. Вася и Костя переглянулись, но пока молчали. Садырев понял, что нужно решительно действовать. Напрягая свои голосовые связки, он хрипло заорал: «Ишь какой герой выискался! Если ты так будешь своим боталом ботать, то я тебе и так жизни не дам. Завтра же за контрреволюционную агитацию ты будешь выселен в Восточную Сибирь. Можешь идти и сушить сухари. А если и вы так же думаете, то и вы тоже поедете с ним, – повернулся он к Косте и Васе. Те замолчали и через минуту заявили, что они ничего не говорили, и они согласны.

– Вот так бы сразу и говорили. Сейчас пойдём долбить стену, а Гришка полезет на самый верх колокольни. Его задача будет заключаться в том, чтобы убрать с колокольни крест и вместо него поставить красную звезду.

– Как я буду один делать это, – заявил Кочергин. На следующий раз будешь знать, что говорить своим глупым языком, – ответил Садырев.

В это время Костя достал изо рта цыгарку и сказал бригадиру:

– Пусть Вася идёт с ним, а я один выдолблю стенку.

– Сможешь ли? – засомневался Садырев.

– Смогу, – заверил Костя. – Через 10 дней всё будет сделано... Ну, ладно, тогда пошли.

На пути их встретил священник – отец Николай. Увидев Садырева и Костю, направлявшихся внутрь храма, он спросил:

– Что нужно в храме благочестивым христианам?

– Не все, к кому ты обращаешься, являются благочестивыми христианами, – произнёс Садырев. – Не все принадлежат к людям, которые верят вам. Мы идём производить подготовительную работу по закрытию храма и снятию колоколов.

– А у вас есть какая-то бумага, или постановление вышестоящих властей? – удивлённо и почтительно спросил отец Николай.

– У нас всё есть, и сегодня же вечером ты их получишь.

– Следовательно, утренние службы я могу исполнить?

– Исполни, – сказал Садырев, – Недолго вам осталось темнить народ и внушать ему несуществующие басни. Нечего нам с ним тратить время на пустые разговоры, – сказал он Косте, – пошли.

Поднявшись на колокольню, Садырев показал Крохалеву, что и как нужно делать. Спустился вниз и пошёл в сельсовет. Балчугов был уже там.

– Мы позабыли в принятом решении о закрытии храма, – сказал ему Садырев, – записать, что делать с попами и другими служителями культа, что они будут делать в селе, если храм будет закрыт?

Подумав минуту, Балчугов изрёк:

– Попов с притчем сейчас же выселим из села. Я немедленно приказываю милиционеру сделать это. Пока он их арестует и по этапу вышлет в Кунгур, а оттуда их отправят куда надо.

Садырев был удивлён распорядительностью председателя сельсовета. Какой он нахрапистый. Ни перед чем не остановится. Ну и чёрт!

– Да, Андрей Сидорович, такого председателя в Ленске ещё не бывало, – заметил он ему.

– А я и не это ещё могу – чему ты удивляешься, – ухмыльнулся в коротко подстриженные усики Балчугов. – Мы досрочно сделаем, что нам поручено Крайкомом партии и получим за это благодарность.

Во время вечернего заседания сельсовета решался вопрос о выселении из села попов и церковного притча в количестве 10 человек, не считая членов их семей.

Бригадир Сухановского конца Иван Илларионович Кузачев первым задал председателю Совета вопрос:

– Днём я видел, как служители культа Ленской церкви под охраной милиционера на пяти подводах были отправлены в Кунгур. По чьей команде это сделано? И почему сельсовет обсуждает этот вопрос после того, как попы высланы из Ленска? Какой толк в этом обсуждении?

В маленьком зале установилась минутная тишина. Все ждали, что скажет председатель. Его лицо покраснело, черные глаза налились кровью, он тяжело дышал, казалось? он сейчас схватит Кузвачева и разорвёт его на части. Но тот стоял, спокойно улыбаясь, и, более того, к удивлению всех присутствующих членов совета, заявил, что он прав и никого не боится.

– Я выполняю решения вышестоящих партийных органов, – тяжело выдохнул из себя Балчугов, – и формальности в этом деле имеют второстепенное значение. Я знаю, что ты никого не боишься, – вперил он свой пристальный взгляд на Кузвачева, ты известный в прошлом местный хулиган и драчун, но это ничего, и на тебя найдём управу. Я уже осведомлялся там, – он сделал жест в сторону Кунгура, – что с тобой можно сделать. И сделаю. Твои родные будут искать тебя и не найдут.

Иван Илларионович уже поднял руку и хотел возразить что-то. Он уже привстал с места, но сидевший за ним член сельсовета Василий Матвеевич Белоглазов потянул его за полу пиджака.

– Садись и молчи! – злобно прошипел он. – Ещё накличешь беду и на себя, и на нас!

Кузвачев, сделав укоризненный, как бы говорящий, что с вами разговаривать по-пустому, жест рукой, сел на место. Вопрос о выселении из Ленска служителей церкви был решен большинством голосов. Из двенадцати членов сельсовета против этого решения голосовали только двое – Кузвачев и директор школы Кондаков. Балчугов посмотрел на них сумрачным и усталым взглядом, не предвещающим ничего хорошего. Однако он решил не раздувать данный вопрос на заседании и удовольствоваться формальной победой.

Он доложил членам совета, что работы по подготовке к переоснащению ленского храма в школу идут полным ходом: через неделю будем сбрасывать с церкви колокола, спилим с колокольной крест, вместо него водрузим над ней красную звезду. Цветные и ценные металлы отвезём в Кунгур и сдадим

в спецбюро при кунгурском горисполкоме, а оно уже распоряжается ими дальше и отправит их по назначению.

Нам надо избрать комиссию по приемке от церкви материальных ценностей и сдаче их советскому государству. Я, по должности, возглавлю её. Из членов совета предлагаю включить в состав комиссии Елейникова Ивана Филипповича.

Предложение председателя прошло, не вызвав возражений: все знали, что председатель при этом должен быть, а бухгалтер колхоза Елейников, рассудительный и кроткий мужик, показавший себя на работе с положительной стороны, не вызвал у членов совета возражений.

Балчугов внутренне ликовал – дело сделано. Он был уверен, что из Елейникова он сможет верёвки вить и сможет навязать любое, нужное ему, решение.

А между тем Крохалев работал: с утра до вечера на колокольне раздавались глухие удары, он настойчиво долбил стену в пролёте окна колокольни, расширяя его. Через неделю та часть проёма стены, которая мешала выводу колокола за пределы колокольни для того чтобы снять его, была убрана, и Садырев сообщил об этом на следующий день председателю Совета. Тот был очень доволен.

– Молодец этот Костя Крохалев. Наградить бы его чем-то. Только вот чем? Как думаешь, Александр Фёдорович?

Подумав минуту, Садырев сказал :

– Выпишу ему за работу, кроме того, что он заработал, ещё пять трудодней, и он будет доволен.

– А не мало ли? – засомневался Балчугов.

– Да нет, хватит, – ответил Садырев. – Он неприхотлив и удовольствуется тем, что дадут.

– Смотри, а то, может быть, выписать десять трудодней. Или дать пуд ржаной муки?

– Хватит, – сказал Садырев, если другим дать по столько же, получится пятнадцать трудодней дополнительно, а это на бригаду уже много.

– Пусть будет так, – сказал Балчугов, – а теперь поговорим об организационной стороне дела снятия колоколов с церкви. Как эту операцию произвести? Её назначим на ближайшее воскресенье. Все мужики, во всех бригадах колхоза, должны быть собраны по разнорядке у церкви. Заранее должны быть подготовлены все нужные инструменты (лестницы, канаты,

верёвки). Мужики, работающие на колокольне, должны зацепить верёвками колокол, передать их концы на землю, а стоящим внизу равномерным раскачиванием колокола стащить его с колокольни, а затем тоже самое повторить с другими меньшими колоколами. С ними дело пойдёт легче, поскольку они меньше. После этого погрузить их на подводы, и мужики отвезут их в Кунгур в целом или разломанном виде.

В первое июньское воскресенье раздался последний удар большого колокола. Однако он звонил не к заутрене, созывая колхозников для церковной службы, а это был своеобразный сигнал для начала «раскулачивания» церкви и снятия колоколов. Сотни мужиков из разных колхозов и бригад подходили к церкви. Они столпились на паперти, ожидая команды. Все ждали появления председателя сельсовета. В десятом часу появился он, подойдя к церкви со стороны сельсовета. Сразу же завизжал его высокий, срывающийся на фальцет, голос:

— Александр Фёдорович, десять мужиков на колокольню вместе с канатами, а там Крохалев вместе с ними и своими помощниками пусть зацепят большой колокол. Канаты бросят вниз и сами отойдут в сторону, а мы снизу раскачаем верёвками колокол и сдёрнем его на папёрть. Если он разобьётся при падении, в таком случае в разобранном виде отправим его на подводах в Кунгур.

— Ладно, — сказал Садырев, занаряжая нужное количество мужиков во главе с Пашей Игониным на колокольню. Не надеясь на распорядительность последнего, он сам вместе с ними поднялся туда. Костя Крохалев с товарищами был уже там.

— Зацепляй большой колокол, — приказал он Крохалеву и вновь пришедшим с ним мужикам, — и после этого бросайте концы канатов на папёрть, а когда внизу будут готовы, по команде снизу натянуть крепления и стянуть его вниз. Предварительно колокол должен быть зацеплен на блоки из канатов, и только после этого можно перебить канаты, которые вдёрнуты в его уши, на которых он висел.

Через час упорной работы удалось подцепить колокол на новые канаты, и Костя сказал Садыреву, что можно рубить опоры колокола, чтобы он висел на новых верёвочных блоках.

Тот коротко рывкнул:

— Делай!

Когда это было сделано, он собрал мужиков и решительно прохрипел:

– Сейчас же спускайтесь книзу. Через минуту чтобы вас здесь не было. А ты – приказал он Косте, – останешься здесь со мной, мы спрячемся после моей команды здесь, под лестницей. Осмотрев лично систему зацепок и найдя всю проделанную работу правильно сделанной, Садырев с окна колокольни крикнул Балчугову вниз:

– Всё готово! Через минуту начинай!

А сам с Костей быстро отбежал в противоположный угол колокольни.

Балчугов приказал бригадирам начать спуск колокола.

– Раз-два, начали... Да ещё начали, – кряхтели мужики, налегая на верёвки, раскачивая колокол. Однако ничего не получалось. Отойдя в сторону и посмотрев на эту работу, Балчугов увидел, в чём дело. Усилия мужиков, тянувших канаты, находились под углом. Они боялись, что колокол упадёт прямо на них, и тянули веревки в разные стороны. Председатель совета с нескрываемым чувством иронии и своего превосходства произнёс:

– Дураки! Разве так можно?

– Подойдя к каждой верёвке, он сдвинул их вместе с мужиками, которые держались за них, по направлению к центральной верёвке, отогнал детей и баб, которые толпились тут же, чтобы они не мешались под ногами, и лично взял на себя команду по концентрации усилий по спуску большого колокола на паперть. После нескольких раскачиваний колокол сорвался со своих старых опор и стремительно полетел вниз, на паперть.

Толпа изумлённо ахнула. Раздался глухой звук, слегка напоминающий звук *у-ф-ф*! Колокол ударился о каменную паперть и раскололся на куски. Мужики, бросив верёвки, подбежали к нему, чтобы посмотреть на дело рук своих. Только скрытое изумление и жалость прочитывались в их глазах

– Ишь, чего наделали... Простит ли Бог? Отцы поднимали его, а мы порушили.

Осматривание осколков колокола было прервано новой командой Балчугова:

– Отойдите все назад. Снимаем следующий колокол.

Колокола были меньших размеров, поэтому из четырёх из них разбился только один. Председатель был доволен. Он не скрывал этого. Он повеселел.

– Приступаем к операции с крестом, – крикнул он Садыреву. – Убрать народ на сотню сажен от церкви, – приказал он бригадирам...

Большой, четырёхсаженный позолоченный крест, лишённый опоры, заранее подпиленный Гришкой Кочергиным под воздействием силы натягиваемых толпой мужиков канатов треснул, потемнел в лучах заходящего солнца, упал на паперть и разбился.

– Потемнел он от большого гнева, – говорила Юшкова Анна Кондратьевна.

Слушавшие её с сочувствием вздыхали, но что делать – выступить против власти или хотя бы высказать своё осуждение они боялись – боялись все: и мужики и бабы. Своим резким голосом и бьющей наповал жесткостью суждений Балчугов на всех наводил страх.

– Народ безмолвствует, Александр Минеевич, – сказал, подходя к Кондакову, молодой учитель Евгений Михайлович Курочкин. – К чему бы это? Ведь на лицах многих мужиков написано недовольство. Они хмурые и даже злые, но ни один не протестует против предложенной им руководством совета и колхоза работы, ни один не возьмет на себя роль вожака восставших масс.

– Молоды вы, Евгений Михайлович и, очевидно, не знаете, что было здесь, в сотне сажен от нас в волостном правлении, которое располагалось в здании, в котором теперь находится семилетняя школа. Восставшие крестьяне деревни Веслянки, возглавляемые местными эсерами, собрались большой толпой у здания волостного правления – они митинговали, убили руководителя волисполкома Луку Сидоровича Ермакова. Однако один из членов волисполкома бежал. Он быстро на попутных подводах добрался до Кунгура и сообщил городским властям о кулацком восстании в селе Степановском. Городские власти немедленно выслали для подавления восстания отряд комсомольцев. Добравшись быстро до села на крестьянских подводах, отряд дал несколько винтовочных залпов. Перепуганные восставшие крестьяне разбежались, а оставшиеся в здании волостного правления вожаки мятежа в количестве 9 человек бы-

ли окружены комсомольцами, отвезены на окраину села и там, у склада с зерном, в котором хранились запасы на случай засухи, все они были расстреляны.

После этого, оставив часть отряда в волостном правлении, основная часть уехала обратно в Кунгур, оставив в Степановском несколько человек для охраны вновь назначенного руководства волисполкома. Крестьяне, и особенно крестьянки, с большой опаской к вечеру подходили посмотреть на трупы расстрелянных руководителей мятежа. Большое впечатление на местных женщин произвел извивающийся в корчах старик. Пуля попала ему в печень, и он несколько часов, обливаясь кровью, мучился от боли и умирал в страшных мучениях. Комсомольцы не стали его добивать, уверенные, что он все равно умрет. Пусть лучше помучается, и пусть местные кулаки и подкулачники посмотрят, что их ожидает в случае повторения кулацкого мятежа. Расчет был правильным. Крестьянские девушки на многие годы запомнили эту жестокую экзекуцию и впоследствии рассказывали о ней своим детям. А смех и возглас вожака отряда комсомольцев, Марка Ботштейна: «Ничего, пусть помучается, пусть подкулачники запомнят, что их ожидает в случае повторения восстания» — прозвучал зловещим предупреждением о будущих кровавых расправах Советской власти над любыми формами крестьянского недовольства. Теперь, спустя 17 лет, «народ безмолвствует», он помнит хорошо о том, что его ожидает в случае выражения каких-либо активных форм недовольства.

Учитель с директором школы тихо переговаривались, стоя в сторонке от крестьян, занятых приготовлениями натягивания тросов для сброса колоколов. Молодой учитель был поражен жестокостью местной истории, о которой он ничего не знал и был удивлен информированностью Кондакова. Ему захотелось узнать, как тот относился к этим фактам.

— Александр Минеевич, как Вы относитесь к этим событиям? Вам не царапают и не жгут душу вот эти жестокости, от которых волосы должны подняться дыбом? А ведь надо учесть, что такие восстания были во многих других селах Пермской губернии, да и во всей России. И часто они подавлялись с еще большей жестокостью. Что Вы думаете по этому поводу?

— Я также безмолвствую, как народ в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», поэтому пока и живу. И Вам

советую основательно подумать и избегать любых форм осуждения.

В это время приготовления к сдергиванию очередного колокола закончились. А.Ф.Садырев забежал вдоль линии мужиков, которые натянули веревки, приготовившись к рывку и сбрасыванию последнего колокола. Беседа двух учителей, естественно, прекратилась. После того, как это было сделано, все услышали его команду:

– Работа окончена. Все по домам, – чётко скомандовал он. Все мужики, как робкие овцы, растворились в светлых сумерках тёплой летней ночи.

Рядом с Балчуговым в нужную минуту оказался Иван Филиппович Елейников. Он повернулся к председателю и вкрадчивым голосом начал свою речь:

– Крест был позолочен. Сколько бы ни было золота в этой драгоценной одежде - её надо снять, и сделать это надо сейчас же.

– Делай. Я-то тут причём, – недовольно проскрипел Балчугов.

– Как при чём, – угодливо залебезил Елейников. – Золото, оно всегда может пригодиться. Если оно не нужно Вам, то его можно сдать государству. За это только похвалят.

– Мало, – сумрачно произнёс Балчугов, – крохи какие-то. Не хочу мелочиться.

– Нет, это не мелочь, по описи это полпуда позолоченной бронзы, если из неё выплавить золото, то получится около четырёх кило. А это уже целое богатство. Возьмите его себе, Андрей Сидорович. Оно вам, ох как пригодится. Приблизившись вплотную к Балчугову и глядя ему в лицо широко раскрытыми от жадности глазами, он жарко зашептал:

– Церковь очень богатая. Страшно богатая... В ней много золота, в ней золотая чаша полфунта весом... . Она из чистого золота... . «Евангелия» в золотой оправе, есть иконы в ней же... . Всё это будет ваше. Вам хватит на всю жизнь... . Будете жить припеваючи....

По мере того, как Елейников шептал свою речь, искательно вглядываясь в глаза Балчугова, они наливались кровью, а лицо его перекосилось от душившей его злобы

– Сволочь! Морда недобитая контрреволюционная.... Ты меня провоцируешь на предательство моей Советской власти.

Куда я с ним денусь с этим... золотом... меня сразу же, когда я его принесу в Торгсин, разоблачат... А там... вышка.... Это было бы в том случае, если бы я послушал тебя, но я не слушаю, а сдам золото государству, трудящиеся смогут на него приобрести необходимое оборудование для заводов, улучшить свою жизнь, построив коммунистическое общество.

Елейников ехидно улыбнулся. Он не испугался, а отступив на шаг от председателя в сторону, ядовито зашептал ему:

– Полпуда золота на двести миллионов – это гайка в мешке, которую вы принесёте в СССР, чтобы построить трактор.... Надо мильоны таких гаек, чтобы получилось что-то, а для одного для вас этого хватит на всю жизнь! Одумайся и сделай, как я говорю!

– Прекрати эту пропаганду, сука подкулацкая, а то я тебя лично сейчас пристрелю из нагана. Он у меня с собой, и сделаю это немедленно.

Он вытащил наган из кармана и щелкнул курком. Елейников сообразил, что пистолет не заряжен, и решил разговор с Балчуговым довести до конца.

– Если ты меня убьёшь, то твоя коммунистическая совесть заест тебя до смерти. Она будет глотать тебя каждый день и даже ночью не будет давать покоя. Я тебе давал полпуда золота... чтобы ты хорошо жил, а ты лишил меня жизни.... Немыслимое дело. Твои коммунистические идеи в практической жизни ничего не стоят, а золото – оно не горит, оно из огня выходит нетленным. Если его почистить, то оно блестит пуще прежнего. И за это, что я предлагаю тебе несколько фунтов дорогого металла, ты хочешь убить меня... Нет, и ещё раз нет. Не верю я этому.

– Гад, я всегда чувствовал в тебе скрытую контру, скрытого замаскированного предателя. Иуда, – ты хочешь продать меня, как тот продал Христа за несколько серебрянников...

– Нет, нет и тысячу раз нет, – прошептал Елейников, с тоской глядя на мешок, в котором была собрана позолота с креста. – Всегда было так, что жёлтый металл ценился всеми. Оценят его и твои вожди во главе со Сталиным, потому что его принимают и им живут все богатые люди мира, а разве большевики хотят быть бедными и нести людям бедность? На словах обещают они золотые горы, а что будет в жизни – не знаю.

– Не смей клеветать на святое, – тихо прошипел Балчугов. Его голос, сдавленный железной волей, чтобы не привлечь внимание жителей окружающих домов, звучал как рвущаяся струна гитары в пьяной компании в кунгурском ресторане.

– Вот ты и попался, – возразил тихо Елейников. – Ты не имеешь права употреблять слово «святое», потому что разорешь Божий храм.

Вместе со злобой и бранью, готовыми сорваться у него с языка, он понял, что употребил не то слово, что он оговорился. Его мысль крутилась очень быстро. Он мгновенно прикинул, как признать ошибку перед этим подкулацким оборотнем, а, может быть, если продолжать спорить, ещё что-нибудь запрешь... Ещё что-нибудь скажу не так.... Он мгновенно решил прекратить словесную перепалку с Елейниковым, сохранив над ним видимость власти.

– Прекрати демагогию, – властно прошипел он. – Завтра приходи с утра в сельсовет. Составим акт ценных вещей и вместе с описью отправим их на подводах под охраной в Кунгур.

– Давно бы так, – сказал Елейников. – Только ты всё-таки подумай над тем, что я сказал.

– Опять ты за своё, как я сказал, так и будет!

– Ладно, – согласился Елейников.

Охлопал свою одежду и пошел домой.

Оставшись один, Бачугов в течении продолжительного времени смотрел на мешок с золотом, лежавший между обломками креста. Разные думы роились в его голове. Он вспомнил, как он маленьким мальчиком заходил в дом купца Рослякова, у которого его мать работала прачкой. Вспомнил красивую толстую женщину, которая всякий раз, увидев его, подзывала его к себе и щедро одаривала гостинцами, несмотря на слабые возражения матери. Вспомнил, как щедрая тётя, взяв его за детскую ручонку, вводила к себе, на второй этаж. Картины богатства в оформлении комнат так поразили его, что навсегда остались в памяти.

Воспоминания расшевелили его воображение, его чувства и он, опомнившись через несколько минут и увидев перед собой мешок с золотом, впервые задумался, что ему со всем этим делать. Служба службой, а второго такого случая в жизни может не представиться. Может, попробовать не сдавать это золотишко? Может, могучая Советская держава проживёт без

него? Сколько она ограбила эксплуататоров? Хватит ей. Надо и мне немного. Но как это сделать? Ведь завтра придёт этот раздолбай Елейников, а затем акт... милиционер, что тут можно сделать? На что решиться? – напряжённо размышлял он. Наконец, план созрел.

Он решил утром составить с Елейниковым опись ценных вещей, реквизированных в церкви. Затем послать Елейникова за милиционером Вагановым, жившим в двух километрах от Ленска в соседней деревне Воронино. Чтобы тот не обижался, он разрешит ему запрячь лошадь на конном дворе и на специальной, предназначенной для перевозки начальства, бричке, съездит за ним. Расчёт был прост: пока Елейников ездит, пройдёт час или два, а за это время Балчугов успеет переписать две страницы акта, изменив перечень вещей, включённых в него и подлежащих сдаче государству. И акт должен быть подписан не Елейниковым, а Вагановым, которому дорогой во время остановки покажет содержимое возов и предложит подписать акт. Мешок с золотом он оставит в сельсовете, в своём кабинете, который закроет на ключ, взяв последний с собой. План был прост и оригинален, и Балчугов внутренне ликовал, наконец он, пусть и тайно, но будет богат и сможет не зависеть от властей, которым он должен служить. Может, они и хороши идейно, а всё-таки своё золотишко, – этот сволота Елейников прав, – ближе к телу и лучше.

Конечно, как только он решился на это дело, мысль о предательстве дела мировой революции, дела рабочих и беднейших крестьян не давала ему покоя... В его ушах неумолчно звучало: «Предатель дела социализма, интересов рабочих и крестьян. Одумайся? Как ты можешь пойти на это? Кто ты теперь? Как тебе партия доверила это?»

Он никак не мог успокоиться, пока не вспомнил, как его угощал водкой председатель соседнего Троицкого сельсовета Григорий Питкин, который на его вопрос об источниках его доходов тонко намекнул ему, что богатства местной церкви неисчислимы, и он её пока не стремится закрывать, несмотря на приказы свыше...

После этого, несколько успокоившись, он взял мешок с золотом, занёс его в сельсовет, закрыл там, пошёл домой и, не поужинав, лёг спать.

Напряжённо размышляя над заботами завтрашнего дня, он заснул. Сон, который ему снился, был как бы продолжением его дневных и вечерних размышлений. Ему снилось, что Елейников знает о его плане и одобряет его. Сверкая хитрыми, прищуренными глазами, он говорил Балчугову:

– Знаю, одобряю и ни за что никому не скажу. Наконец-то ты уразумел, где истина и где богатство. Послушаешь меня – будешь богат, а я буду радоваться, что одному человеку доброе дело сделал в жизни.

Поднявшись с первыми петухами, Балчугов сразу же отправился в сельсовет. Его поразило то, что Елейников был уже там.

– Что ты здесь делаешь? – недовольно спросил он.

– Хочу, чтобы ты жил, как все хорошие люди.

Его поразила отдалённая связь с тем, что он видел во сне.

Елейников продолжал:

– Бери и не сомневайся, всё должно быть твоим, а не государственным...

– Хватит, – властно проскрипел Балчугов. – Ты мне надоел со своими вздорными идеями. – Пошли в церковь и составим опись вещей, которые сегодня нужно будет отправить в Кунгур.

– Не спорю, – с готовностью ответил Елейников.

Осмотрев и пересчитав всё награбленное у храма богатства, посчитав необходимое количество подвод для его перевозки в Кунгур, Балчугов предложил Елейникову подписать составленную ими имущественную ведомость и предложил ему отправиться за милиционером Вагановым, а затем оповестить бригадиров трёх бригад Ленского колхоза, чтобы они дали 18 подвод для перевозки в Кунгур кусков сброшенных с ленской церкви колоколов.

– На всё это я даю тебе два часа, – строго сказал Балчугов.

– Постараюсь, – понимающе произнёс Елейников.

– Вот и делай, – недовольно сказал председатель. – Скажи бригадирам, чтобы мужики с нагруженными возами подъезжали к сельсовету. А два мешка с ценными вещами сейчас отнесём в сельсовет.

Войдя в кабинет председателя сельсовета и положив в угол мешки, Елейников выслушал последнее напутствие председателя:

– Вначале передашь команду бригадирам, пусть они разворачиваются, а затем поедешь за Вагановым.

Проследив уход мужика, Балчугов достал из стола несколько листов чистой бумаги и стал быстро переписывать акт. Его мысли быстро бегали по бумаге вплоть до тех последних четырёх строк, в которых перечислялись золотые вещи храма... их нет... их не надо писать в акте.... Они будут моими, – лихорадочно думал он. Поставив все необходимые подписи и печати, он, подумав некоторое время, решил мешки с золотом отнести в подвал сельсоветского дома и спрятать там.

Через час к сельсовету подъехали первые подводы, гружённые медью снятых в церкви колоколов, а через два приехал Ваганов с Елейниковым.

Когда милиционер вышел на минуту из кабинета председателя, чтобы дать наказы вестовому на день его поездки в Кунгур, Балчугов показал Елейникову опись грузов, отправляемых в город с его подписью и печатью.

– Вот видишь, они в описи и на подводах. Всё сделано без обмана, – заметил Балчугов.

– Я так и думал, – вежливо заметил Елейников.

Сборы были продолжительными. И только в первом часу дня обоз медленно двинулся из села по направлению к городу. Через несколько часов утомительного пути, когда уже вечерело, отряд остановился в селе Мыльниково, в 7 километрах от Кунгура. Зайдя в дом местного председателя Сельсовета Луки Матвеевича Алексеева и представив ему Ваганова как своего старого знакомого, Балчугов достал из сумки бутылку водки и поставил её на стол.

– Сидоровна – крикнул свою жену Алексеев, – мы в долгу не останемся. Ставь на стол закуску, а я от себя поставлю вот это, – и он достал большую бутылку браги.

Начался пир горой. Однако Балчугов не забывал свою основную задачу. Осторожничая, он усердно подливал в рюмки своих собутыльников, особенно Ваганова, сидевшего справа от него. После нескольких рюмок, почувствовав, что дело сделано, и милиционер немного рассолодел, он вдруг схватился за голову, вышел из-за стола и взял свою сумку, лихорадочно перебирая в ней бумаги.

– Что ты там ищешь? – обеспокоено прохрипел Алексеев.

Балчугов молчал. Тогда Ваганов вмешался в разговор:

– Ты что, потерял что-нибудь? Скажи, что именно, – спросил он вкрадчивым заплетающимся голосом.

– Да, – ответил раздумчиво Балчугов. – Не потерял, а позабыл. Помоги. Подпиши ведомость вещей, реквизированных в местной церкви. Если не веришь мне – пойдём по возам, всё проверим и посчитаем. Я уверен, что всё на месте.

– Подпиши ему, – сказал Алексеев – Я его давно знаю, он хороший человек. Он не обманет.

– Давай посмотрю и подпишу, – промычал милиционер.

Взяв бумагу, он несколько минут тупо смотрел в неё пьяными, налитыми кровью глазами, затем взял ручку и медленно подписал. Балчугов, внутренне торжествуя, взял бумагу и быстро спрятал в сумку. Он внутренне ликовал. Дело было сделано. Он налил самогона в рюмки и произнёс тост:

– За нашу советскую милицию!

Все опорожнили рюмки. Разговор стал ещё оживлённее, а через несколько таких приёмов Ваганов положил руки на стол, а голову на них, и засвистел носом. Балчугов перекинулся с Алексеевым несколькими фразами и заявил ему:

– Нужно отправляться в путь.

– А этот? – кивнул в сторону спящего Ваганова Алексеев.

– Пусть пока спит. А как проснётся, скажешь ему, чтобы ехал в Кунгур, и дашь ему телегу и лошадь с каким-нибудь мужиком. Нас там искать по адресу: Контора по заготовке чёрных и цветных металлов, улица Гоголя, 14.

– Ладно, не беспокойся, – сказал Алексеев.

Выйдя на улицу, Балчугов чётким голосом скомандовал:

– Перекур закончен! Поехали!

Колхозники, видя подвыпившего председателя, его налитые кровью глаза, в страхе засуетились, и через несколько минут обоз тронулся по направлению к городу. Внутренне Балчугов ликовал. Он знал, что его дело сделано, и сделано безупречно. Сдав по описи все реквизированные материалы, Балчугов приказал мужикам:

– По домам! А завтра чтоб на работу! – Скомандовал он.

– Опоздаем ведь, – пытался кто-то возразить робким голосом.

– Не разговаривать, – рявкнул Балчугов. – Кто не успеет с утра, тот приступит к работе вечером, – твёрдо заявил он.

– Это мы можем, – согласились мужики.

– Хватит разговоров, – отчеканил председатель. – Мне надо через три часа быть в Ленске в сельсовете. Там у меня дела, даже ночью.

– Поезжай. Мы не против, – заявил известный среди мужиков зубоскал Васька Петров. – Мы приедем домой вслед за вами.

Нахлёстывая лошадей, Балчугов быстро мчался по направлению к Ленску. Мимо мелькали поля, негустые перелески, речки и озёра. Пегая кобыла Васьки Буланова хрипела и задыхалась, пена с неё валила хлопьями. Обеспокоенный её состоянием перед Подвигановкой, Балчугов сбавил скорость, лошадь перешла на шаг. Однако всё в нём кипело. Каждый шаг лошади отдавался в его сердце нетерпением: «Скорее, скорее, когда я буду там – в сельсовете, я смогу полностью обезопасить и осчастливить себя. Я, конечно, должен буду и впредь служить коммунистической идее, однако золотой запасец не помешает. Я благодаря ему буду жить лучше, чем другие. Быть честным и чистым надо только внешне. А внутри себя эту идею пускать нельзя. На поверхности надо рвать и метать за быстрейшее построение коммунизма, а за плечиками, в амбаре должен быть золотой запасец, иначе жизнь будет – серая скука, даже выпить при случае не на что. Нищета... А я хочу исполнения своих желаний. Я хочу жить широко... Я должен буду приспособиться к внешним условиям – тут Елейников прав».

«Две версты, две версты», – напряжённо отдавали в висках удары сердца Андрея Сидоровича, – и я буду в сельсовете и надёжнее спрячу золото, так что никто не найдёт». Все мысли его были сконцентрированы вокруг этого золотого тельца, идейность и преданность советской власти, которой он был всецело захвачен ещё несколько дней назад, не исчезла, но как-то потускнела и стала двоиться: золото прежде всего, а потом уже служба партии и народу. Так ведь делают большинство руководителей-коммунистов, – говорил этот мерзавец Елейников. При мысли о нём Балчугов живо представил себе его спокойное, заросшее русой бородой лицо, высокий лоб, задумчивые серые глаза и спокойный, с нотками вкрадчивости, приятный голос. Он вспомнил, что Елейников никогда не выходил из себя. Всегда пытался из любого положения найти наилучший выход. Чувство ненависти к нему пропало и заменилось презрительной настороженностью, в которой, Балчугов пони-

мал это, гнездилась тщательно скрываемая от него самого зависть к этому прохвосту, который обладал лучшей, чем он, способностью решать сложные вопросы хозяйственной жизни.

— А если он не выдаст, тогда я на всю жизнь облагодетельствован им, — думал Андрей Сидорович. — А как он выдаст, какая ему корысть от этого? Да он и не знает, что я подменил ведомость и всё сделал чисто. Буду надеяться, что всё будет хорошо.

Занятый этими мыслями, Балчугов не заметил, как он проехал Гайны и оказался у сельсовета. Остановив лошадь и привязав её к столбу у ворот, он прошёл в приёмную. Дежурный — юноша лет пятнадцати — спал на лавке, положив пиджак под голову. Тихо закрыв дверь на замок, Балчугов вытащил из подвала два мешка, прикрыл их охапкой сена и поехал домой.

Дома он тихо попросил тещу никого не будить и о нём не беспокоиться. Занёс и поставил мешки с золотом в амбар, положил их на дно сусека и завалил мешками с зерном, после этого отвёл лошадь на конный двор, сам распряг её и поставил в стойло. Сторож Егор Михайлович Мозолин удивился:

— Надо же, что с ним такое? Не кричит и не матерится, а всё делает по человечески? К непогоде наверное это.

Когда Балчугов пожелал ему спокойной ночи, он поблагодарил его и пошёл в караулку досматривать сон до утра.

Прошло несколько лет...

Встретив своего знакомого Кондакова на заседании районного совета, начальник тридцатой исправительно-трудовой колонии в Кунгуре, Никита Фёдорович Трегубов сказал:

— Ты знаешь новость, у нас в колонии, в отделении особо опасных преступников, вчера был убит Андрей Сидорович Балчугов, тот самый, который в Ленске закрывал церковь восемь лет тому назад. Он ловко закрыл её. Всю медь и другие металлы, кроме золота, сдал государству, а золотишко оставил себе. Быстро уволился и уехал из Ленска, работал в Кунгуре заместителем директора хлебного элеватора, наладил связи с Торгсином, и после начала войны потихоньку стал сбывать им малыми частями золото. И стал на вырученные денежки поживать. Всё бы ничего, да он был строгого характера даже трезвый, а как уж выпьет — тут держись. Стал он тещу лупить. И чем дальше, тем больше. Не стало от него домашним житья. В конце концов теща по совету милиционера, с помощью кото-

рого она не раз приводила Балчугова в чувство, поведала ему всю историю, — откуда он берёт деньги на выпивку. И тот посоветовал написать жалобу в областное управление НКВД. Тёща попросила его помочь в этом, она не знала, как это сделать. Милиционер написал жалобу, а она подписала. После этого в одну из осенних ночей к дому, где жил Балчугов, подъехал «чёрный ворон». Из него вышли трое работников. Произвели обыск, нашли несколько килограммов золота, которое Андрей Сидорович ещё не успел промотать, увезли его с собой, посадили в камеру предварительного заключения. Он признался во всём. Его бы, конечно, расстреляли за контрреволюционную деятельность, но у него нашёлся тайный заступник. Ты, наверно, помнишь? — Лука Сергеевич Алексеев. Ему удалось перевести Балчугова в категорию преступников, занимающихся хищением в особо крупных размерах. Ему дали 25 лет и оставили в Кунгуре в моей колонии.

В отделе особо опасных преступников Балчугов был назначен старшим. Своим неуёмным характером он восстановил против себя почти всех эзков. Кончилось это тем, что они организовали Андрею Сидоровичу тёмную и страшно избили его. После этого он пролежал полтора месяца в больнице. Зная о мстительности заключённых, которыми руководил на работах Балчугов, мы хотели заменить его другим человеком, с более ровным характером. Он стал просить, чтобы его оставили в этой должности — мы не соглашались; он жаловался в областное управление ИТК, и в конце концов нам пришлось согласиться. А зря. Балчугов после избиения ещё больше озверел и стал так командовать заключёнными, так придирается к ним, что я должен был предупредить его: в случае такого отношения он будет освобождён от своей должности. После этого он постарался мелочными придирками, угрозами, избиениями довести своих подчинённых до такого состояния, что они составили новый заговор. И утром, во время выхода на работу, двое самых крепких заключённых остались в камере и, узнав на перекличке, что они там, Балчугов стремительно ринулся туда, где и был задушен. Всё было хорошо организовано. Когда через двадцать минут его нашли мёртвым, возле него никого не было. Начавшееся следствие показало, что все заключённые, которыми он командовал, признают себя виновными, — ненависть к нему была всеобщей. Не знаю, каков будет конец этого

дела, но ты, Александр Минеевич, кажется, работал с ним и знал его. После заседания, если хочешь, я проведу тебя к нему, и ты сможешь проститься с ним. Хочешь посмотреть на него?

– Хочу, – ответил Кондаков. Он хотел посмотреть на лицо своего мёртвого идейного противника.

После совещания Трегубов повёл Кондакова в колонию. Дорога была короткой. Они перешли несколько улиц и подошли к проходной колонии. После оформления документов оказались внутри колонии. Её хозяин позвал Кондакова к низкому и старому, но хорошо сохранившемуся сараю.

– Здесь наша прозекторская и морг, – сказал он.

И они вошли внутрь. Кондаков увидел лицо грозного председателя сельсовета, человека, о котором он слышал столько странного и неприятного. Он лежал в вытянутой и застывшей позе, всем видом своим как бы давая присутствующим и смотрящим на него почувствовать, что он приготовился к самому опасному для врагов социализма аргументу, которым он сразит их намертво. Во всяком случае, такое ощущение возникало от его напряжённой вытянутой позы и бледного, неподвижного лица. Он и мёртвый продолжал видеть врагов социализма и сражаться с ними. – «Эх, Андрей Сидорович, Андрей Сидорович, как коротка жизнь человека и как сложна и противоречива она. Зачем ты только так двоился между старым и новым, зачем ты новую утопию ставил на службу прокажённому золоту? Сколько таких двойников губили хороший замысел, которому теперь не суждено осуществиться. Не так надо было жить», – подумал Кондаков и, надев шапку, вышел на улицу, простился с Трегубовым и с крутого обрыва стал смотреть на панораму маленького городка, раскинувшегося среди удивительно красивых невысоких гор с людским муравейником, которому предстояло жить и бороться за своё призрачное счастье.... Кондакову стало легче дышать, когда он подумал о том, что один из тех, кто мешал ему жить, теперь уже не сможет делать этого...

ЗАГАДОЧНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

– Ванька, расскажи мне, что у тебя было с нечистой силой? Как она тебя по воздуху носила? Летал ты, что ли? И как ты это делал? – обратился Васька Атепаев к Ваньке Сухарю.

Взглянув пытливо, с усмешкой, Сухарь решил, что парень, стоявший перед ним, стоит того, чтобы поведать ему кое-что из того таинственного и непонятного, что с ним было несколько дней назад. Однако для приличия, чтобы не стать посмешищем среди своих товарищей, Сухарь задал Ваське несколько вопросов: «Скажи, а для чего тебе это надо? Не будешь ли ты рассказывать об этом первому встречному, а он, Фома неверующий, расскажет другим своим друзьям и своим знакомым и, в конце концов, пойдет обо мне молва, что я трус или придурок, который головою скудается. Ты в стороне останешься, а я получу ушибленный и униженный авторитет».

– Не бойся. Никому ничего не скажу, кроме своей матери и твоей тетки Аграфены, которая много знает и поможет мне расшифровать те явления, которые мне, да и тебе, покажутся непонятными, и которые надо разяснить. Валяй, если ты только согласен с моими условиями, – повторил свою просьбу Васька.

– Если ты согласен с моими условиями, то изволь слушать.

Дело было в четверг 3 июня, то есть ровно неделю тому назад. После работы на тракторе я вернулся в 7 часов домой. Поужинав, я быстро отправился на Ирень на рыбалку. До реки было около километра. Для рыбалки я облюбовал живописное место. Ирень в этом месте разделяется островами на три протока. Острова поросли густым ивняком. Я избрал место для ужения чуть ниже их. Противоположный берег реки низкий, двести метров, а дальше начинаются высокие скалы, поросшие густым еловым лесом. Они выглядят очень заманчиво и поэтично в разное время суток летом, как вблизи, так и вдали.

Солнце склонялось к закату и косыми лучами освещало и реку, и поле, и лес. Я задумался, только на минуту сконцентрировав свое внимание на спокойном поплавке, который неторопливо дрейфовал по поверхности Ирени.

Вдруг меня пробудил знакомый голос, который был обращен ко мне, поскольку никого поблизости у реки не было. Это

был голос известного старика с удивительно длинными и красивыми усами, которого за это в народе звали Сано Усатый.

Он спрашивал меня: «Хорошо ли клюет ?». Я ответил: «Нет».

Тогда он пригласил меня к себе, заявив: «Иди сюда – здесь клюет лучше».

Сказав это, Сухарь замолчал. Молчание длилось минуты две. Не выдержав такой неожиданной и интригующей паузы, Атепаев спросил: «Ну, а дальше-то что?»

– А дальше было как в сказке, – точно вспомнив о чем-то, продолжал Сухарь. – Я опомнился на другом берегу в еловом лесу на высокой скале, с которой не знал как спуститься на землю. В конце концов, связав свои простые штаны, привязав к ним рубаху, я прикрепил их к сучку дерева, росшего на скале и, вытянувшись во весь рост и на вытянутые руки, я прыгнул вниз, а затем при помощи длинной жерди отцепил свою одежду. Дальнейший спуск требовал осторожности, но не таких умопомрачительных операций. Уду я сбросил со скалы заранее. С момента моего перемещения на другой берег реки прошло значительное время. Солнце уже закатывалось. В лесу образовались от деревьев густые тени.

– А как ты перешел реку? Ты был сухим или мокрым? Ты, раздеваясь, переплывал реку или перелетел через нее ? Хотя, как известно, человек летать не может.

– Не знаю, – ответил Иван, – какой-то странный заскок получился в моем мозгу. – В результате не помню, каким образом я перебрался через реку и взобрался на труднодоступную скалу. Что было со мной – не пойму. Для того, чтобы добраться до дома, мне пришлось идти за два километра в Веслянку, а там, переправившись на пароме на другой берег реки, идти пешком домой.

Поскольку Сухарь не мог объяснить столь странное событие, происшедшее с ним, я обратился к своей матери Аграфене.

– Мама! Ванька рассказывал, как его нечистая сила через Ирень перенесла и посадила на высокую скалу, поросшую ельником, что виднеется за Иренью между Веслянкой и Кукуем. Чем ты это объяснишь? Что тут было за чудо?

– Его леший уже два раза носил. На третий должен унести совсем.

— Как совсем и куда ? Что такое леший ? Что он представляет собою ?

Ваське очень хотелось знать ответ на эти вопросы. Это знание возвысило бы его в собственных глазах и во мнении своих товарищей, если бы при случае возник разговор об этом. При этом он, конечно, не собирался нарушать данное Сухарю слово.

— Леший — это большущий домовой, который живет в лесу или в поле, ростом он полсотни сажен, когда человек заблудился, эта тварь обычно, находясь от него далеко, чаще всего, на опушке леса, хохочет над ним и довольно тонко через траву, листья и пыль показывает ему правильное направление дороги домой, — ответила Аграфена сыну. — Иногда этот зверюга принимает образ знакомого заблудившегося человека. Так произошло год тому назад с этим Ванькой Сухарем. Весной он поехал за дровами. Когда заготовил их, распилил, наложил на телегу и привязал их, он решил сходить в лес, чтобы надрать лык для плетения лаптей. Молодых и тонких лип поблизости не было. Ванька, увлеченный азартом, пошел дальше и дальше. Ему казалось, что, чем дальше, тем больше шансов найти целое гнездо молодых лип. Когда он прошел по лесу несколько сот метров, перед ним на тропинке предстала фигура известного жителя Веслянки Сана Усатого. Старик — это реальное действующее лицо, он отличался вежливостью и обстоятельностью в разговорах. Его любили и уважали многие, хотя некоторые из современной молодежи относились к нему со скрытой иронией за его всезнайство и излишние, по их мнению, подробности, с которыми он разъяснял каждое событие и происшествие, каким бы малым оно не представлялось.

— Так вот, — продолжала Аграфена, — Сано Усатый спросил у Ваньки, что он делает в лесу? Тот ответил: «Пошел лык подирать для плетения лаптей».

— Так в чем дело? Их здесь мало?

— Да нет вообще, — ответил Сухарь.

— На, прикури, — предложил Сано Усатый.

Берет у него Иван папироску и хочет ее прикурить от Сановой сигарки, смотрит и видит: между пальцев правой руки у него вместо папироски сучок. Жутко ему стало, понял он, что тут что-то не то. А что делать?

— Я пошел дальше за лыками, а ты как хочешь, — сказал Ванька. Сано Усатый оживился и сразу же посоветовал идти в том направлении, где, по его словам, было много молодых лип.

Сухарь побежал в указанную сторону. Во время стремительного, захватывающего все его внимание бега, он постоянно слышал над собой громыхающий жуткий хохот. Это наполняло ужасом все его существо и заставляло бежать все быстрее. Наконец, уставший и запыхавшийся, он остановился и стал осматриваться, где он находится, и как ему сориентироваться и найти лошадь и воз заготовленных им дров. Местность показалась ему знакомой. Он увидел неподалеку деревню Змеевку и сообразил, что он пробежал три с лишним версты в совершенно не нужном ему направлении. Надрав лык и найдя лошадь, он сел на воз и спокойно, без приключений, приехал домой.

Третий акт необычайных приключений Ваньки Сухаря, ставший для него жизненной трагедией, случился позднее.

В Лужках строили межколхозную электростанцию. На речке возводили деревянную плотину, состоящую из четырех быков, которые заполнялись грунтом. Его возили на самосвалах. Для погрузки их в деревню был пригнан специальный экскаватор. Пока готовили плотину, пробивали на шейке, там, где река делала крутой изгиб, сливное устройство, электромонтеры вышли вперед и протянули около двух километров линии электропередач до деревни Макарово. Линия была готова, но не подключена и понятно, почему. И вот здесь развернулся последний акт жизненной драмы Ваньки Сухаря.

Однажды ночью его мать Аграфена Степановна, включив свет, увидела, что кровать сына пуста. Она удивилась. Ведь какой-нибудь час назад он спал. Куда же он подевался? Занятая такими мыслями, она вышла из ограды на улицу и обратила внимание на линию электропередачи, которая проходила поблизости от их дома.

В ночном сумраке она отчетливо различила, что кто-то идет по проводам. Это было так необычно, что она решила присмотреться, — кто это. Что это еще за чудо? Как можно ходить по проводам и притом так легко и свободно, словно по только что отремонтированному сельскому тракту. Ее удивлению не было предела, когда она различила, что это ее сын. Таких чудес за ним она не знала и решила утром переговорить с

ним об этом. А сейчас окликать его и говорить с ним она сочла опасным: мало ли что может быть?

Утренний разговор не удался. Иван спешил на работу и на вопрос матери о том, зачем он ходит ночью по проводам, вызвал у него такое изумление, что мать поняла: тут что-то не то и ничего от него не добьешься. Однако непонятная тревога гнездилась в ее сердце, и она не могла успокоиться.

Она решила понаблюдать, разовое это было приключение сына или оно повторялось каждую ночь. Скоротав очень медленно тянувшийся, как ей показалось, октябрьский день, Аграфена решила, что она не одна будет наблюдать, как Ванька ходит по проводам, а возьмет с собой десятилетнюю дочь Верку. Вдвоем все-таки будет как-то менее жутко, а может быть, дочь подскажет что-то полезное, в школе ведь учится, ходит в четвертый класс. Знает кое-что.

Выслушав рассказ матери после того, как она вернулась из школы и сделала уроки, Верка очень удивилась и согласилась посмотреть на необычные проделки старшего брата. Такого чуда она еще не видала. Ей не верилось в то, что это было возможно, хотя с другой стороны, она знала, что мать всегда говорит правду.

Вернувшись в сумерках с работы домой, Иван быстро поужинал, пожаловался на усталость, прослушал спортивную передачу о матче «Спартак» и «Динамо» по радио и лег спать.

Верка с матерью, каждая на своей постели, с захватывающим душу волнением ждали этого момента. С печки, на которой она спала, матери была видна кровать сына и он сам. Он спал, и это не вызывало у нее ничего, кроме напряженного ожидания: что будет дальше и будет ли? Кроме того, она опасалась, не уснет ли дочь – тогда придется ее будить. Эта мысль тревожила ее, но затем она сообразила, что если Иван уйдет, чтобы гулять по проводам, то она сможет разбудить дочь, не опасаясь ничего.

Ждать пришлось долго. Наконец, в два часа ночи Иван поднялся, встал и к ужасу матери с закрытыми глазами, как ей показалось в полутьме избы, вышел на улицу.

– Мама, вставай, – зашептала Верка, – пойдем и посмотрим, что он будет делать...

– Обожди немного, – отвечала мать, – нужно, чтобы он удалился подальше, а то я боюсь, как бы он нас не заметил ...

Кто знает, что будет в этом случае. Только, доченька, ты не вздумай кричать, шуметь, обращаться к нему после того, что увидишь, а то, кто знает, что может быть. Я тебя очень прошу об этом.

– Ладно, не беспокойся, – сонным голосом отвечала Верка, медленно одеваясь.

Через несколько минут они вышли на улицу. Ущербная луна, в виде тощего жеребенка, вышла из-за серых туч, и мать с дочерью отчетливо увидели Ивана в сотне метров от них, идущего по проводам по направлению к Змеевке.

– Ванька, ты что делаешь, слезай немедленно, иначе упадешь, – закричала девочка. – Мама о тебе плачет и беспокоится...

Иван обернулся, открыл глаза и через мгновение послышался глухой и тяжелый удар о твердый грунт тракта. Когда мать и сестра подбежали к нему, он был уже мертв...

Примечания

К главе «Стоянка Ермака под Кунгуром»

1. Оборин В. А. Городки изначальные // «Вокруг света». 1979. № 6. С. 32. См. также Краткая сибирская летопись (Кунгурская). СПб. 1880.
2. Оборин В.А. Указ. соч., с. 32.
3. Там же.
4. Там же. С. 33.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Мухин В.В. Ермак Тимофеевич. Пермское книжное издательство, г. Пермь, 1957, с 18.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 20.
12. Там же. С. 21.
13. Там же. С. 24.
14. Там же. С. 29.
15. Там же. С. 36. В.В. Мухин высказывает предположение о том, что в Москве в Оружейной палате хранится кольчуга, принадлежавшая князю Т.И. Шуйскому, погибшего в 1564 году. В 1646 году эта кольчуга была захвачена в качестве трофея русскими воеводами в одном из Сибирских городов. Есть предположение, что она была подарена Иваном IV Ермаку, который и утонул в ней.
16. Толстой Л.Н. Собр. соч. в двенадцати томах. Т.9. М.: изд. «Правда». 1987. с. 100.
17. Бажов П.П. Ермаковы лебеди.// Сочинения в 3 томах. Т.1, М.: 1986. изд. «Правда». С. 303-322.
18. Мамин-Сибиряк Д.Н. Сказание о сибирском хане Кучуме // Полн. собр. соч., Т.12. СПб., 1917. с. 241-266.
19. Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск. Изд. «Наука». Сибирское отделение. 1986. С. 173.
20. Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Изд. Иркутского университета. 1990. с. 109.

21. Мирзоев В.Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII века. Изд-во соц.-экономической литературы, М.: 1960.

К главе «Генеалогия города Кунгура»

1. Горовой Ф.С. О дате основания города Перми (К вопросу о датах основания городов как исторических памятников) // Уральский археологический ежегодник за 1970 год. Пермь. 1971. с. 106.
2. Волков М.Я. Пути формирования городских поселений России в XVIII в. // 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермское книжное издательство. Пермь. 1973. с. 13.
3. Золотов Е.Д. Первые русские поселения и начало города Кунгура // Боль души. Избранное. Кунгур. 2002. с. 138.
4. Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период с 1645-1676 г. Пермь. 1884. с. 671.
5. Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 г. // Исторические записки. Изд. АН СССР. 1947. Т. 24. С. 30-110.
6. Дмитриев А. Пермская старина. Вып. II. Пермь. 1890. Издание автора. Типография П.Ф. Каменского. С. 121.
7. Там же. С. 122.
8. Там же. С. 213.
9. Там же.
10. Там же. С. 216.
11. Шишонко В. Пермская летопись с 1263-1881 г. Третий период с 1645-1676 г. Пермь. 1884. с. 704.
12. Там же. С. 705. Год издания этого указа у Игнатьева указан, но что он издан в 1693 г., видно из книги Попова. Хозяйственное описание Пермской губернии ч.2. с. 276.
13. Кунгурская летопись Пиликиных. // ПГВ 18 февраля 1887 г. №1 4. Публикация подготовлена А. Дмитриевым.
14. Там же.
15. Там же. ПГВ 21 февраля 1887 г. № 15
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.

20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Кунгурская летопись. Пермское книжное издательство. Пермь. 1967. с.181.
24. Там же.

К главе «Кунгур в период крестьянской войны 1773-1775 г.»

1. Цит. по: «Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева». Т. 2. Л., 1966. с. 420.
2. Там же.
3. Там же.
4. Золотов Е.Д. Боль души. Избранное. Кунгур. 2002. с. 105.
5. Там же. С. 45.
6. Там же. С. 112.
7. Там же. С. 112.
8. Там же. С. 113.
9. Там же.
10. Там же. С.105.
11. Там же. С. 106.
12. Там же.

Содержание

Предисловие	3
Стоянка Ермака под Кунгуром	6
Генеалогия города Кунгура	34
Кунгур в период крестьянской войны 1773-1775 г. (Генезис идеологии восставших)	61
Ильяс и Ерёма	77
Гномы из подземного гоорода	86
Способности гномов творить добро	96
Мамонт в пещере	105
Гнездо дьявола	108
Нераскаявшийся	118
Загадочные происшествия	141
Примечания	147

Семенов Владимир Львович

Сказки и предания Кунгурских гор

Редактор – Л.Г. Богатырева
Технический редактор – Г.П. Богатырёв

Издатель – П.Г. Богатырёв
Лицензия ЛР № 066145

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе. Подписано в печать
3.06.2004. Формат 60х84 1/16. Бумага ВХИ. Печ. л. 9,4.
Издатель – Богатырев П.Г. Свидетельство ВГ № 16396
от 06. 08. 98., выданное адм. Свердловского района г. Перми.
Тираж 200 экз.

Принимаются заказы на тиражирование печатной продукции
и изготовление книг и брошюр.

Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 121
Тел.: 36-53-43, 46-67-85, тел./факс 36-53-53

E-mail: publisher@yandex.ru, publish@perm.raid.ru

